

"F 20. Балансировать на грани (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ольга Вечная

Ф 20. Балансировать на грани

Часть 1

— А где я могу найти кого-нибудь нормального?

— Нигде, — ответил Кот, — нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально.

Льюис Кэррол

Аля

— Алла Константиновна, так что мы будем делать с последней версией СЭДа?

Я смотрю на черную, слегка побелевшую от тысяч касаний пальцев клавиатуру. Наблюдаю, как красная капля крови стекает с буквы «И» вниз, растекаясь под трапециями кнопок. Сердце учащенно колотится, каждый удар болью отдается в висках и затылке.

— Алла Константиновна, Вы понимаете, что еще одна подобная оплошность и мне придется применить к вашей фирме штрафные санкции? — неумолимый голос бьет своей бескомпромиссностью по моему левому уху, посредством телефонной трубки.

— Я понимаю, — говорю очень вежливо, насколько только возможно уважительно, — такого больше не повторится.

На букву «Т» приземляется очередная капля, потом еще одна.

— Тогда в понедельник мы ждем от вас новой версии СЭДа с уже исправленными ошибками?

Салфетки, которыми я зажимаю нос, уже не сдерживают потока, я быстро убираю их в сторону, беру новые, находящиеся в открытой пачке всегда под рукой. Собеседница говорит с улыбкой на губах, это чувствуется. Она любит издеваться надо мной, по полной программе пользуя правило: клиент всегда прав. Мой голос звучит несколько гнусаво:

— Да, конечно, Вера Анатольевна. И я еще раз повторяю...

Прерываюсь, так как вижу, очередное красное пятно на клавиатуре.

Мои попытки откинуть голову и прекратить водопад приводят к тому, что здоровенная капля катится от запястья к локтю, на полпути впитываясь в белоснежный три четверти рукав некогда любимой блузки.

— Я еще раз повторяю, — беру новую салфетку и прижимаю к носу, — больше такого не повторится.

— С Вами приятно работать, Алла Константиновна. Хороших выходных.

— И Вам хороших выходных...

Трубку положили прежде, чем я успела договорить. Тут же хватаю несколько салфеток,

вытираю нос и клавиатуру, на которой уже образовалась лужица. Ножичком для бумаги отдираю заляпанные кнопки, чтобы тщательнее провести уборку.

Давление.

Стрессы.

Бешеная гонка по карьерной лестнице. И уже не остановиться, никогда. В сфере IT-технологий минута промедления отбрасывает тебя на сотни шагов назад. Если ты (не дай Боже!) ушла в декрет, через три года можешь считать, что у тебя нет образования.

В мире слишком много изобретателей. Слишком быстро происходит развитие и совершенствование. Мы не имеем права отставать. Я не имею права уступить. Я не имею права даже заболеть гриппом.

В следующем году мне будет тридцать два, позади двенадцать лет работы в отделах аналитики, тестирования, снова аналитики, последние полтора — в должности руководителя направления разработки системы электронного документооборота, сокращенно СЭД. Когда меня брали на эту должность, говорили, что через месяц я освоюсь. Когда месяц миновал, свято верящие в мои способности друзья убеждали, что через полгода станет легче. Через полгода безумно гордящиеся мной родители твердили, что они счастливы иметь такую дочь, как я.

Моим родным и знакомым всегда казалось и продолжает казаться, что в жизни мне все дается крайне легко. Золотая медаль в школе, диплом с отличием в Университете, успехи в спорте. Наконец, должность руководителя большого отдела.

Три раза в неделю у меня стабильно идет кровь из носу.

Ответственность.

Иногда мне кажется, что на моей шее постоянно сидит двадцати килограммовый ребенок, мне ужасно тяжело, но я не могу снять эту ношу. И никого не смогу.

К сожалению, у меня больше нет возможности вернуться в отдел аналитики или тестирования. Карьерная лестница, подобно эскалатору в торговом центре, движется исключительно вверх. Любая остановка либо перечеркивает все твои достижения, либо меняет направление движения на противоположное. В последнем случае придется всю жизнь бежать против течения, чтобы не свалиться в самое начало. Попытка сделать шаг назад в сфере IT подобна краху, грандиозному фиаско в жизни. Не справилась. Не оправдала надежд.

Чувствую себя бойцом советской армии, слепо следующему приказу: Ни шагу назад.

Я тщательно вытираю клавиатуру и нос, прежде чем ответить на звонок сотового.

— Катя? Привет, дорогая, — говорю, одновременно набирая в скайпе сообщение главному разработчику: «придется поработать в выходные».

— Аля, я тебя не отвлекаю? Звоню напомнить про свой день рождения в следующую пятницу. Ты же придешь ко мне домой?

— Приду, — говорю. Сама пишу: «Я тоже выйду, не ты один. Нам кровь из носу....-стираю — нам обязательно нужно исправить ошибки и отправить новую версию в понедельник»

— Вот и славненько. Аль, а в твоей компании сейчас нет открытых вакансий?

Все мои друзья и родные всегда говорят «в твоей компании», несмотря на начальников, в количестве трех штук, перед которыми я регулярно отчитываюсь.

— Эммм, кажется, есть одна. Помощник системного администратора. Эдик в декрет уходит, — говорю не без зависти в голосе.

— Эдик?!

— Ну да, его жена полгода посидела, теперь его очередь. А что такое? Тебя уволили из ресторана?

— Нет, что ты! Сплюнь. Ко мне братик приехал. Вот работу ему подыскиваю.

— У тебя есть брат?

— Да, младший. Так что, сможешь?

— А кто он по образованию? — читаю сообщение: «я женюсь, поэтому не могу выйти». Вспоминаю об этом слишком поздно. Вот черт. — Кать, слушай, пусть он мне отправит резюме на ящик, я передам в отдел кадров. Очень занята, честное слово.

— Хорошо, дорогая, до связи!

— Пока!

Пишу: «может, хоть на пару часов выйдешь?»

Он отвечает: «на пару часов — выйду»

Откидываюсь на стуле, запрокидываю голову и мечтаю о массаже, о руках мускулистого Мено, чьими стараниями я полгода назад в Таиланде приходила в себя, после сдачи крупного проекта. Его руки... нет, не так. Его восхитительные руки за десять сеансов возвратили мне спокойный сон, вытащили из тяжелейших мыслей о собственной безнадежности и бездарности. Вернули одеревеневшим после тяжелейших первых шести месяцев на новой должности мышцам желание двигаться. Мено, кстати, мне и посоветовал заняться йогой, чтобы держать себя в тонусе.

* * *

Утро понедельника ничем не отличается от утра субботы или воскресенья, если ты работаешь в «Электронный документооборот точка ру».

Планерка идет вяло. Разработчики, утомленные жаркими выходными, исподлобья пялятся на бодро вещающего директора, который регулярно раз в месяц устраивает разносы во всех направлениях, начиная с нашего. Я стою в углу, разглядывая вчерашний маникюр и размышляя над тем, что случится раньше: меня уволят, или мы получим первый штраф?

Хотя, очередность этих событий не так уж важна. Что по-настоящему важно, так это их неизбежность.

Затянувшаяся на час речь Сергея, наконец, обрывается телефонным звонком его жены, во время разговора с которой он всегда выходит из переговорной, а мы через другую дверь

успешно разбегаемся по кабинетам. Я, которая должна подавать пример подчиненным, настолько сильно устала за выходные, что стартую первой. Впрочем, пример я все-таки подаю, правда, не тот, которой следует. Стук каблуков от моих быстрых шагов эхом отдается в пустом коридоре. Шаги широкие, несмотря на сковывающую движения узкую юбку карандаш.

— Аля, я, конечно, все понимаю, ты устала, на тебе держится целая компания, но... -

— Что случилось? — стараясь не сбавлять шага, поворачиваю голову к еле поспевающей за мной Нине, нашему секретарю.

— Ты совсем с катушек съехала? Ты вообще читала резюме, которое мне отправила?

— Эммм, какое резюме? — вероятно, Сергей захочет продолжить разговор уже в моем кабинете, тогда мне нужно подготовиться, хотя бы морально. Надеюсь, сегодняшняя версия Вере Анатольевне понравится, иначе, если мне позвонят при Сергее, я окажусь в крайне неприятной ситуации. Может, на время его визита выключить телефон?

— Олега Баля! На должность сисадмина.

— Баля? — понимаю, что Нина все еще идет рядом. Обдумываю ее вопрос. Фамилия моей подруги помогает мне, наконец, понять, чего от меня хотят...

— Аля, ну ты даешь! — продолжает возмущаться Нина, — Ты вчера мне на почту отправила резюме с пометкой, что кандидат лично от тебя.

— Да-да, точно. Вспомнила. У меня сейчас, вероятно, разговор с Сергеем, а потом разговор со «Свежими продуктами», все мысли там.

— Дмитрий подождет две минуты.

— Вера Анатольевна, — поправляю я, вздыхая.

— Аля, ты хотя бы читала это резюме?

— Эм, конечно, — не задумываясь, соврала я.

— Он врач! У него медицинское образование. Даже курсов нет в нашей области!

— Да? Ну, может, он самоучка...

— Он три месяца назад вышел из психушки!

— Что? — замираю, поворачиваясь к Нине. Полноватая, но очень симпатичная девушка была ниже меня на полторы головы, и когда мы обе приходим на работу на каблуках, мне приходится наклоняться, чтобы смотреть ей в глаза. Я пару раз моргаю, пытаюсь понять по лицу собеседницы, говорит она правду, или же пытается привлечь мое рассеянное внимание. — Он — что?

— Я не знаю, где ты его откопала, но держись от него подальше. Я навела кое-какие справки. Этот парень сам учился на психиатра, но потом у него поехала крыша, — покрутила у виска, — И он, — понизила голос, — укокошил свою женушку. После чего его кое-как отмазали от тюрьмы, отправив лечиться в Курчатовку, пока ее не закрыли, затем переводили туда-сюда, и совсем недавно отпустили на свободу.

— Думаешь, он может быть опасен?

— Даже не сомневаюсь! Написано, что сейчас у него период ремиссии, он находится под наблюдением, но... у него было три попытки суицида! В общем, я настоятельно не рекомендую рассматривать его кандидатуру в качестве сотрудника нашей успешной компании.

— Да, конечно... признаюсь, я даже не смотрела резюме. Спасибо, что пробила информацию, — оторопело говорю я, потом замираю, увидев в конце коридора Дмитрия. Что он здесь делает? Сердце сжимается, я, как и всегда, краснею при виде этого мужчины в своем офисе. Неужели версия настолько ужасна, что директор «Свежих продуктов» лично решил сообщить о нашем штрафе? — отправь Балю вежливый отказ, напиши, что место уже занято. Не мне тебя учить. А сейчас иди, у меня встреча. И... Нина, принеси нам кофе.

Ну, Катя, ну дает... Мало того, что у нее, оказывается, есть младший братик, так он еще сумасшедший убийца! Вопрос только один: она специально умолчала об этих милых деталях, или просто забыла?

— Алечка, душа моя!

С Дмитрием у меня всегда были странные отношения. Странные в самом худшем понимании этого слова, правда, именно благодаря этим отношениям наша фирма выиграла конкурс и теперь пишет СЭД для сети супермаркетов «Свежие продукты».

Я даже не сомневаюсь, что пропуская меня в мой собственный кабинет, Дмитрий многозначительно смотрит мой зад. В подтверждение моей догадки он, недолго думая, легко хлопает по нему и довольно скалится.

— Ты же знаешь, — говорит, прикрывая за собой дверь, — я люблю, когда ты в стрингах.

— А ты должен был уже понять, что у нас чисто деловые отношения, когда мы в этом офисе.

* * *

Тридцать восемь — это, допустим, не юбилей, но тоже отличный повод собрать всех своих друзей и знакомых. Абсолютно всех.

— Слушай, дорогая, да ты сегодня имеешь успех! — обнимая подругу, восклицаю я, после произнесения подготовленных заранее слов поздравления и вручения подарка в виде конверта с некоторой суммой, — сколько же человек пришло?

— И не говори! — отмахивается. — На моей первой свадьбе было меньше, — шутит Катя, — я так счастлива, видеть всех своих друзей! Конечно, если не считать того, что пришлось в спешке дозаказывать еду. Сама понимаешь, я не рассчитывала на такую ораву. Проходи, раздевайся, садись за стол.

Михаил, муж Кати, оказывается столь любезным, что помогает мне снять пальто, убирает его в шкаф.

— А Димы сегодня не будет? — спрашивает он, поддерживая разговор.

— Возможно, он заберет меня, но заходить не будет точно.

— Вы не очень ладите в последнее время?

— Боюсь, что мы совсем перестали ладить.

Дом Трифоновых без труда вместил в себя всех гостей. В обширной столовой, выполненной в бежевых тонах с темно-серой плиткой на полу, прямо напротив настоящего камина, жар от которого чувствуется даже при входе в помещение, поставили огромный стол, заставленный всевозможными блюдами и напитками. Играет медленная музыка, многие пары уже танцуют, прижимаются друг к другу, пользуясь специально приглушенным освещением. Очень хорошо, я пришла вовремя. На самом деле, я всегда опаздываю на вечеринки, мои друзья давно перестали удивляться этому. Я терпеть не могу период, когда гости подтягиваются, произносят длинные тосты, неловко молчат. Обычно, как и сегодня, я прихожу чуть позднее середины веселья.

Присаживаюсь за стол.

Нанятая официантка тут же позаботилась о столовом приборе, рассказала о холодных закусках и горячих блюдах, посоветовала пару деликатесов и вино.

— Привет, дорогая! — слышу я позади себя и тут же чувствую, как мне закрывают глаза.

Маша, как и Катя, является моей подругой с прошлой работы. Мы три года просидели в банке в одном кабинете, пока я не ушла в «ЭД точка ру», но с тех пор продолжали дружить и часто виделись.

— Привет! Смотрю, домашняя посиделка в стиле: «посплетничаем девочками» превратилась в вечеринку года? — посмеиваюсь я, отпивая из бокала вино.

— Да ты что, не знаешь?! Вернулся Баль, брат Катки! Вот, смотри! — кивает на противоположную сторону стола.

Я старательно щурюсь, вглядываясь в лица людей, сидящих в указанном направлении и весело смеющихся. Всех этих людей я знаю давно, это одноклассники Кати. Они присутствуют на каждом ее дне рождения, правда, мы никогда особо не общаемся. Разные интересы.

— Да нет же! Ты не туда смотришь! — указывает пальцем на мужчину в молочно-белом свитере. Незнакомец полулежит в большом, на вид очень уютном кресле у камина, вальяжно раскинув ноги. Как раз в это момент он, словно почувствовав, что говорят о нем, поворачивает голову, слегка улыбается, фокусируя взгляд на направленном на него указательном пальце девушки, снова отворачивается к огню. Мимолетно отмечаю, что в руках он держит глубокую вазочку, кажется, с сухофруктами, но не ест.

— Машка, с ума сошла? Пальцем показываешь! Мы же не на рынке, — пришлось грубо одернуть подругу.

— Ну, извини, извини, — говорит на тон тише, продолжая поглядывать на мужчину, — он зарезал свою жену, после чего...

— После чего сидел в психушке, я уже в курсе, — киваю я подруге, рассматривая молодого человека. Около тридцати лет на вид. Конечно, сложно судить, когда он сидит в кресле, но на первый взгляд — ростом немного выше среднего. Светлые, с пепельным оттенком прямые волосы острижены на уровне подбородка и спадают на лицо, закрывая практически весь профиль. Судя по кончику носа — он у мужчины прямой, выдающийся вперед на уровне подбородка, поросшего светлой щетиной. Одет в светло-голубые джинсы, свободный свитер и черные кеды.

— Брат Кати блондин? — решаю я поддержать разговор, замечая, что подруга начинает обижаться на мое молчание.

— Я тоже удивилась, — радуется моему вопросу та. — Он такой странный! Ну, еще бы, после психушки. Весь вечер молчит, глаз не сводит с камина, словно видит там что-то особенное, — закатывает глаза, — и очень много ест, — испуганно округляет глаза, — особенно орехов. Катя только успевает ему тарелки с едой таскать.

— Он давно вернулся?

— Пару месяцев назад. Говорят, у него целая куча справок. Врачи утверждают, что он не опасен — лично я не понимаю по какой причине, ведь он уже один раз убил! Кроме того, ему запрещено водить автомобиль. Я не понимаю, как Катя не боится спать с ним в одном доме. У нее же дети.

Праздник в самом разгаре, не без сожаления поглядываю на часы, понимая, что в этот раз ошиблась и приехала слишком рано, да и веселиться не особо получается. Все мысли на работе. Иногда мне кажется, что пора перестать себя обманывать, уже смириться и перевезти кровать в офис. В этом случае получится сэкономить время на дорогу дом-работа-дом, которое я смогу посвятить бизнесу своего начальника... Тяжело вздыхаю, понимая, что он будет только рад. За окном уже значительно стемнело, взрослые танцуют, общаются, разбившись в небольшие группы по интересам. Хотя, насколько можно судить, интерес сегодня у всех один и тот же. Мне здесь одной нет никакого дела до того, каким способом лечится брат Кати? Если все его так боятся, зачем приехали сегодня?

Кто-то играет в бильярд, кто-то прогуливается в саду возле дома, дыша свежим сентябрьским воздухом. Детки хозяйки и гостей заняты веселыми и иногда чересчур шумными играми с парой нанятых клоунов, которые лично меня сначала сильно напугали своей боевой раскраской, неестественно высоким голосом и залихватским громким хохотом.

Прошло два часа.

За это время мне пришлось узнать, что «все врачи-психиатры с отклонениями, поэтому ничего в болезни Олега странного нет», «он задушил/зарезал/пытал/изнасиловал/утопил/привязывал к батарее/бил свою бывшую жену». Что «над ним издевались в психлечебнице», где он, кажется, тоже кого-то убил. Что чья-то соседка помнила Олега маленьким, а он всегда был очень подозрительным и нехорошим мальчиком, мучил кошек, собачек, стрелял из рогатки в птичек....В общем, личность самая устрашающая, с какой стороны не посмотри.

С ним пытались общаться, знакомиться, заговаривать. Девушки, которых, по всей видимости, притягивали «необычные мальчики» приглашали Олега танцевать, пытались угостить вином или виски, но он лишь равнодушно качал головой, изредка произнося несколько слов. Каждые полчаса он выходил на балкон покурить. В этом случае мужчина стоял отдельно от всех, облокотившись на перила, медленно выпускал густой дым изо рта.

Наслушавшись всевозможных сплетен, я могла думать только о том, что не хотела бы вдруг оказаться на месте Олега. Стало жаль этого несчастного мужчину, вокруг которого вился целый ворох небылиц и жутких историй. Наше общество не любит, когда кто-то выделяется. Или же, наоборот, слишком сильно любит? По сути дела, никто из этих людей Олега не знал, до психбольницы он несколько лет жил в Киеве, а до этого, как я поняла, особо не общался с друзьями Кати. Я тоже его не знала, но, тем не менее, даже мне хватило слухов, чтобы отказать ему в работе, даже не проводя собеседования. Стало стыдно, ведь я оказалась ничем

не лучше всех этих людей, тыкающих в него пальцами...

Наблюдая за тем, как Олег в очередной раз идет покурить, я решила составить ему компанию.

Уверенно подхожу и встаю рядом, не имея понятия, как начать разговор. Мужчина быстро посмотрел на меня и вновь перевел взгляд вниз, на играющих в саду детей, кажется, они прыгают в мешках... точнее, падают в мешках, смеясь и крича. Маленькая девочка громко плачет.

Курит Олег очень медленно, аккуратно стряхивая пепел после каждой затяжки в стеклянную пепельницу, которую держит в руке.

— Привет, — наконец, здороваюсь я, пытаюсь перекричать ребенка, — меня зовут Аля.

Он вновь смотрит на меня. Хмыкает. Тушит сигарету в пепельнице, которую осторожно поставил на пол у своих ног. Лезет в задний карман джинсов, откуда достает черный потертый портмоне, раскрывает. Расстегивает молнию внутреннего кармана, вынимает сложенный вчетверо и запечатанный в файл лист бумаги. Аккуратно разворачивает и протягивает мне. Все это молча.

Беру из его рук документ, с минуту изучаю заключение врача о диагнозе: «F 20. Шизофрения». Громко сглатываю, так как ни разу в жизни не видела подобных документов и видит бог, видеть не хотела. Возвращаю ему бумагу. Он кивает, также аккуратно, можно даже сказать, трепетно складывает справку вчетверо и убирает в портмоне, который прячет в задний карман джинсов. Достает из другого кармана пачку сигарет, нагибаясь за пепельницей.

Видимо, он решил, что наше знакомство закончилось. Я еще раз нервно сглотнула, поежившись.

— Я хотела попросить у тебя сигарету, — робко произношу, рассматривая собеседника. Как и всегда, я была права, Олег оказался довольно высоким мужчиной, не ниже метра восьмидесяти. Достаточно широкоплечий, его длинные пальцы с коротко, под корень, подстриженными ногтями замирают, открывая пачку.

Мужчина в недоумении смотрит на меня, словно не веря, что я все еще стою перед ним.

— Ты же не куришь, — совершенно искренне удивляется он.

— Почему? — не меньше его удивляюсь я такому ответу, — курю.

— В любом случае, я в этом не участвую, — затягивается и выдает на одном дыхании: — бесплодие, остеопороз, бронхит, эмфизема, ишемическая болезнь сердца, невриты, рак, инсульт и прочее, прочее. Хочешь себе все это? Ради бога! Но без моего участия.

Столь необычный отказ на пару мгновений лишает меня дара речи.

— На самом деле, я не курю, — решаю признаться, оторопело хлопая ресницами, не в силах сдержать потребность оправдаться.

— Я знаю, — кивает мужчина, вновь затягиваясь.

Через минуту поворачивает голову ко мне, его прямые, немного спутанные волосы падают на лицо, наверное, сильно мешая ему, например, есть, хочется убрать их за уши, хотя длины бы

скорее всего не хватило, и они бы вскоре вновь закрывали лицо.

— Что-то еще? Хочешь сфотографировать справку? — спокойно спрашивает он ровным голосом.

Большие, широко-раскрытые серо-голубые глаза смотрят в ожидании ответа. Быстрым жестом, словно прочитав мои мысли, Олег убирает волосы со своего лица, позволяя мне убедиться, что он очень симпатичный. Крайне необычное сочетание — правильные, приятные черты лица, не создающие впечатления женской, мягкой красоты, которая сейчас в моде. Ресницы, незаметные издали, вблизи кажутся огромными, светлая, такая же, как волосы и ресницы, щетина покрывает часть лица, огибая, четко очерченные одинаковые по ширине бледные губы. Он пару раз моргнул, пока я его изучала.

— Я просто хотела извиниться. Недавно Вы получили отказ в работе от нашей компании.

Олег прищурился.

— «Электронный документооборот точка ру» — напоминаю я.

— А, ясно. За последние месяцы я получил столько отказов, что всех и не упомяну. А почему ты перешла на «Вы»?

— Привычка. Всегда, когда начинаю говорить о работе, перехожу на «Вы», надеюсь, ты не обиделся.

— Нет, мне все равно. Хотя, на «ты» привычнее. Почему ты решила извиниться?

Кажется, у меня получилось его заинтересовать, потому что Олег развернулся ко мне, опираясь локтем о перилла, и теперь рассматривает меня с нескрываемым любопытством, от кончиков пальцев на ногах, виднеющихся в капельке выреза на туфлях, до самой макушки и обратно. Крайне не уютно от столь открыто продемонстрированной заинтересованности.

— Просто вижу, что ты сегодня звезда вечера. Мне стало не по себе, что невольно стала участницей этого цирка.

Он натянуто улыбается, стряхивая пепел с пепельницу.

— Наш мир представляет собой госпиталь святой Марии Вифлеемской, проще говоря, Бедлам. С единственной разницей, что там устраивали шоу по большим праздникам, в моем же случае — каждый день сплошное шоу. С другой стороны, — рассуждает он, — с другой стороны, я считаю, что в тринадцатом веке смотреть на умалишенных было куда интереснее, по крайней мере, они были закованы в цепи и сидели в клетках.

По его лицу непонятно, шутит он или нет. Олег снова отворачивается, затягиваясь, и выдыхая дым в другую сторону от той, где стою я. Поворачивается.

— Я не думаю, что ты умалишенный...

— Тебе еще раз справку показать? — ухмыляется.

— Зачем ты так? Я хотела поговорить по-хорошему.

Серые глаза впиваются в мои, казалось, они стали еще больше. Затем Олег резко прищуривается:

— Ммм. У парочки сегодняшних гостей — и да, я имею в виду и мужчин, и женщин — я заметил некоторые сексуальные расстройства и склонность к мазохизму. Допустим, почему я на их взгляд подхожу на роль садиста, я могу понять, но зачем это надо тебе — пока постигнуть не получается.

— Спасибо, но я предпочитаю скучный, нудный, но традиционный секс, — помолчала, — я так поняла, что ты уже всем тут умудрился поставить диагнозы?

Кажется, его позабавила эта фраза.

— Моя слава идет впереди меня. Это приятно. Самое сложное в профессии врача, — это научиться не ставить диагнозы себе и своим близким. Эта дурацкая привычка не изживается даже тогда, когда ты перестаешь быть врачом.

— Тебя лишили лицензии?

Кивает.

— Меня много чего лишили, но возможности оказывать людям какую бы то ни было медицинскую помощь — в первую очередь, — о чем-то думает, хмурясь, — если тебе так нужно, чтобы я извинил тебя и твою компанию — можешь считать, что уже сделано.

Тушит сигарету и идет в сторону своего кресла. На полпути понимает, что кресло заняли, кроме того, вазочка со сладостями опустела, молча разворачивается и выходит из комнаты. Одновременно с этим, с другой стороны в гостиную забегает толпа деток во главе с переодетыми тетками, сжимающими в руках кучу шариков с криво нарисованными рожицами.

— Говорят, он стал импотентом после лекарств, которые принимает, чтобы не слышать голоса, — крутит у виска Маша, внезапно оказавшаяся рядом. Перевожу на девушку пораженный взгляд, укоризненно качая головой.

— Ну а что? Так Женька сказала, она хотела с ним переспать.

— Зачем?

— Да что ты Женьку не знаешь, он же тащится от придурков! Не понимаю, почему он ей отказал, можно подумать, кто-нибудь еще в здравом уме захочет дать ему. А что было написано на бумаге, которую он тебе показывал?

Отмахнувшись от подруги, я направляюсь к столу, чтобы промочить горло. Мне не по себе. Действительно, все эти люди вокруг не сводили плотоядных глаз с Олега, никаких сомнений, целью их сегодняшнего визита было посмотреть на «психа», в надежде, что он выкинет что-нибудь эдакое. Его пытались провоцировать, но в открытую приставать боялись. Он был интересен, как дикий зверь, по каким-то причинам снятый с цепи.

Когда Олег выходил из комнаты, глаза всех присутствующих сверлили ему спину. Абсолютно всех, увы, даже мои. Некоторые гости прервали разговор, но как только мужчина скрылся из виду, голоса стали в два раза громче, народ захлеб торопился обсудить «странное» поведение брата хозяйки вечеринки, делился своими наблюдениями и додуманными подробностями.

Олег

Сегодня я как никогда гордился собой. За шесть часов «выставки», я всего лишь второй раз прячусь в ванной комнате.

Повернул ручку крана и умыл лицо холодной водой, намочив при этом кончики упавших на лицо волос, которые тут же прилипли к щекам. Потер глаза. Определенно, если бы меня заковали в цепи, зрелище бы понравилось гостям намного больше. Ну, хотя бы одели в смирительную рубашку. Жаль, что они уже запрещены. Хм, многие врачи в нашей стране согласились бы с этой мыслью, свое согласие они периодически подкрепляли незаконными действиями.

Засек время на часах.

Меня должны хватиться минут десять, не раньше. Целых десять минут тишины и одиночества.

Счастье.

Опустив крышку унитаза и сев сверху, я принялся разминать плечи. Мой «доктор» — а я всегда выделяю это слово голосом и интонацией так, словно сам факт обращения таким образом к ЭТОМУ человеку можно считать шуткой. Если бы я был чуть младше, я бы сгибал указательные и безымянные пальцы при упоминании имени своего врача — так вот, мой «доктор» считает, что я нуждаюсь в адаптации к обществу. Что мне нужно чаще общаться с людьми, найти работу, завести девушку.

Телефон пискнул, сигнализируя о времени приема таблеток. Я достал из портмоне прозрачную упаковку зелененьких крошечных капсул, вытащил оттуда две штуки, зажал капсулы между пальцев и подержал над унитазом. Произнося «упс», я растопырил пальцы. Булькунло. Хорошенько смыл.

Вырвавшийся изо рта при этом смешок получился нервным. На самом деле, я никогда не был столь популярным, в том числе и у противоположного пола, до того, как стал «психом». Ирония судьбы, мне никогда не было до этого так мало дела, как теперь, когда я стал «психом».

Резко стало тихо, я даже вздрогнул от неожиданности — кто-то выключил музыку. Затем, послышались крики, топот, грохот и снова крики. Женский визг. Вскочив со стула, я поспешил в коридор, прислушиваясь к звукам истерики. Возле бассейна полукругом стояла куча народа, каждый кричал что-то нечленораздельное, с общим смыслом: кто-нибудь, сделайте же что-нибудь!

Протиснувшись вперед, я увидел девочку, лет восьми, бледную неподвижно лежащую на земле. Над ребенком сидел мужчина и пытался делать массаж сердца, а точнее неистово давил на грудь, отчего детские хрупкие ребра должны были вот-вот треснуть...

— Легкие очищали? — крикнул я, никто не ответил, спросил еще раз и еще...

Люди либо в панике ничего не соображают, либо специально игнорируют меня. Вероятнее всего второе. В толпе увидел ту самую девушку, которая так неуклюже пыталась извиниться за все наше общество. Быстро подошел к ней:

— Легкие очищали? — выпалил я. Видя, что она не понимает, добавил: — На живот ребенка переворачивали?

— Нет, кажется, нет, сразу...

В следующую секунду я был уже рядом с девочкой:

— Я врач, — уверенным, не терпящим возражения голосом сообщил свой статус, отстраняя «спасателя». И тот, хоть и прекрасно знал «врача», послушался командного голоса. — Все замолчите! — крикнул я, проверяя пульс. В такие моменты, я перестаю себя контролировать. Включаются рефлексy, выработанные за годы учебы, а точнее: «спасти жизнь, чего бы это не стоило». Перевернул ребенка на живот, открыл рот и попытался вызвать рвоту. Несколько надавливаний на грудную клетку, и еще раз. Вытекала только вода. Дьявол! Никаких изменений. Вернулся к массажу сердца и искусственному дыханию, чередуя искусственной вентиляции легких.

Было так тихо, казалось, люди перестали дышать, а, может, я просто на просто ничего не замечал, преследуя лишь одну цель. Девочка не шевелился, пульса не было. Я старался работать так быстро, как только умел. К счастью, руки помнили, что и как нужно делать, если бы я не знал анатомию, я бы сказал, что команды мозга не требовались. Автоматом одно за другим проделывал я действия необходимой первой помощи утонувшему. Делал то, чему когда-то собирался посвятить свою жизнь — помогал.

— Бесполезно! — кто-то крикнул минут через десять.

— Где ее мать?!

— Утонула девочка...

Но еле различимый, медленный пульс появился, и я не собирался отступать. Еще через десять минут девочка закашлялась, ее начало тошнить, и это был прекрасный результат. Мне показалось, что я впервые за последние полчаса выдохнул.

— Кто-нибудь вызвал скорую? — тут же закричал, понимая, что прошло слишком много времени, карета должна была уже прибыть.

— Я вызвала, сразу же, — отозвалась та самая девушка, на мой взгляд, самая адекватная из всей этой толпы.

— Тогда где она? — рявкнул я, — дайте одеяло, или куртку, что-нибудь, ребенка нужно согреть.

— Евочка! — раздался истошный вопль женщины, бегущей через двор к чуть было не случившейся трагедии. Тут же до меня донеслись звуки сирены.

Я кутал ребенка в одеяло, растирая посиневшую кожу, как почувствовал, что меня грубо дернули за кофту и попытались отпихнуть:

— Что ты делаешь с моим ребенком, шизофреник! Отойди от нее немедленно! Отойди! — кричала женщина, наверняка, мать этой девочки.

Еще раз взглянув на ребенка, убедившись, что она дышит, что я сделал все, что мог, примирительно приподнял ладони над головой, показывая, что руки на виду, и я уже ничего не делаю, стал отходить. Мамаша кинулась обнимать дочь, крича в мою сторону оскорбления, в значения которых я не вникал.

Подбежали врачи, поднимая шум вокруг разрыдавшейся девочки. Ребенок бы не плакал, если бы мамаша своим ужасом не перепугала ее до потери пульса.

— Кто подпустил к моему ребенку психа? — визжала женщина. Кто-то ее поддержал, ко мне обратились несколько взглядов, не предвещающих ничего хорошего.

— Все, все, я уйду! — всплеснул руками, развернулся и быстро пошел к дому, слыша вслед: «вы слышали, он представился врачом»?!

Да, наверное, не следовало этого делать. Просто, в экстремальной ситуации все остальные чувства отключаются. Мозги у тебя отключаются, придурок. Слабый пульс появился практически сразу. Девочка бы пришла в себя даже при помощи того мужчины, возможно, я спас ее от пары сломанных ребер.

Надо же было вылезти вперед! Хотел же просидеть это вечер тихо! Не привлекая внимания! Получить зеленую галочку в журнале «доктора».

— Молодой человек, Баль, так, кажется? — догнал меня на полпути к входной двери один из врачей скорой помощи.

— Кажется, так.

— Вы спасли жизнь этой девочке, мы бы хотели поблагодарить Вас и...

— А можно об этом забыть, будто меня там не было? Понимаете, — начал объяснять, видя изумленные глаза молодого врача, — по некоторым причинам, я не должен был играть в супермена, и если об этом узнают...в общем, давайте вычеркнем мою фамилию, хорошо?

— А что мне написать в отчете?

— Напишите, что Вы ее откачали. И передайте мамаше, чтобы лучше смотрела за девочкой.

Схватив куртку, я быстро вышел на улицу. Прогулка казалась жизненно необходимой процедурой, до возвращения в комнату.

Гребанные клоуны, гребанная мамаша! Девочка действительно чуть не утонула. Меня трясло от негодования, а, может, от страха за ребенка.

Быстрым шагом добрался до парка и гулял там около получаса, стараясь ни о чем не думать, успокаиваясь. Получалось плохо. Если ты часто видишь смерть, ты начинаешь относиться к ней проще, как к чему-то неизбежному, неотвратимому. Нет, привыкнуть невозможно. Скорее, ты принимаешь ее, смиряешься. Но стоит на несколько лет отойти в сторону, абстрагироваться, перестать с ней бороться, то при следующем столкновении тебя снова начинает трясти от ужаса.

Откачал бы этот мужчина ребенка? А что было бы, если бы никто не увидел, как девочка тонет?

Выживет ли она? Шансов много, но возможно всякое. И отек легких, и остановка сердца. Надеюсь, мамаша сознательно отнесется к лечению. Ни единого к чертовой матери сомнения, если родители откажутся от госпитализации, если врачи не увидят опасности, если девочка умрет через несколько дней — в ее смерти буду виноват только я.

Мимо пробежал спортсмен, быстро обгоняя меня и устремляясь вперед, легко касаясь кроссовками асфальта. Взглянув на свои кеды, я тяжело вздохнул — одежда явно не для бега, но что поделаешь? Побежал следом.

Очень хотелось вернуться, попросить докторов, чтобы тщательно обследовали девочку, хотелось попросить ее мать, настоять на госпитализации ребенка... Никто не будет слушать отстраненного врача, а я давно уже сжег свой диплом, чтобы не занимал места на полках.

Бегал я долго, вернулся домой вспотевший, усталый, запыхавшийся.

— Ну, слава Богу! Мы тебя уже потеряли! — всплеснула руками Катя. Ее муж, Михаил, начал ее успокаивать, шепча что-то вроде: я же говорил, что он вернется. Девушка Аля тоже была здесь, почему-то не уехала со всеми гостями. Она скрестила руки на груди и смотрела на меня... «как-то странно» — это самое неподходящее выражение из всех, что только можно подобрать, но иного у меня не получилось. Наверное, выглядел я ужасно, не говоря уже про запах пота, струйки которого до сих пор скатывались между лопаток. Мне хотелось в душ, хотелось переодеться в более подходящую одежду и побегать еще. Мне хотелось оказаться в своей комнате.

— Олег, тебе не следовало вмешиваться сегодня, — наконец, сказал сестра. Я и без нее знал, что не следовало. На мгновение перед глазами возникли стены психбольницы, даже пришлось качнуть головой, чтобы прогнать иллюзию.

— Единственное, что мне следовало, — воскликнул я, яростнее, чем следовало, реагируя на разочарованный взгляд сестры, — утопить в бассейне ее мамашу, которая доверила ребенка двум сумасшедшим теткам, разукрашенным в стиле Джокера!

Эффект был восхитительный. Именно в такие моменты начинаешь понимать, что никто из твоих близких, хм, друзей, не верит в твою невиновность.

«А ведь он может», — настолько ясно читалось на лицах присутствующих, что я усмехнулся.

— Подожди, что ты такое говоришь, Катя, — возражает девушка Аля, — он же спас ребенка, пока мы все испуганно таращили глаза! А мамаша этой девочки, действительно, непонятно чем занималась с Павлом в беседке в саду.

Называется, помощь пришла, откуда не ждали. Но разговор этот пора заканчивать, я повернулся в сторону входной двери и совершенно серьезным голосом произнес:

— Эмиль, пойдем, — кивнул головой и пошел к лестнице. Тишина, ударившая мне в спину, была лучшей наградой, за мой необдуманный подвиг.

С Эмилем мы мылись в душе, после чего, улеглись на мою кровать, я даже уступил ему свою подушку и подвинулся, чтобы парню было комфортно. Он не любил, когда я касался его во время сна. Наверное, я не нравился Эмилю, или же, он не является геем. Скорее всего. Впрочем, я этого еще не решил.

* * *

Нейролептики очень медленно растворяются в воде. Жаль. Мне бы хотелось наблюдать, как они шипят, раздуваются, пенятся... Я мог бы представить, как все это происходит в моем желудке. Как дрянь впитывается в кровь и за несколько секунд разносится по всему организму, наконец, попадает в мозг, где и происходит самое интересное. Нейролептики снижают передачу нервных импульсов в тех системах мозга, где передатчиком этих самых импульсов является дофамин, вызывая при этом такие побочные эффекты, как паркинсонизм, акатизию, дистонию, тризм челюстей, слюнотечение... Гинекомастию, нарушения

менструального цикла — ну хотя бы это мне не грозит, половые дисфункции, депрессию, повышенный риск остеопороза, развития онкологической патологии, бесплодия, возникновения опухоли гипофиза... Я мог бы говорить о побочных эффектах часами. Ну, это все потом, а сначала...

Сначала ты перестаешь быть. Тебя словно нет. Зато есть судороги, скованность, тики, непонятные ощущение в области солнечного сплетения, сон с открытыми глазами, ощущение придавленности к земле. И это только самое начало. А потом ты медленно тупеешь.

Наблюдая, как вода в унитазе уносит в канализацию отраву, я думал о том, что мысль о побеге в первые месяцы заключения была единственной. Правда, потом я перестал понимать, зачем я хочу убежать. И когда один раз меня об этом спросили, я растерялся и полез через забор обратно. Это была моя единственная возможность совершить побег, более меня не оставляли наедине на свежем воздухе.

И все-таки, жаль, что они не пенятся, не раздуваются, не шипят.

Утром мне позвонили и пригласили на собеседование в ту самую компанию, за которую так отчаянно извинялась девушка Аля. Наверное, ей очень понравился Эмиль. Хм, еще бы, Эмиль всем нравится.

К огромному бизнес-центру со странным названием Flower, видимо, хозяин очень любит природу, прибыл на тридцать минут раньше, чем необходимо. Наверное, это из-за огромного желания получить эту работу — объяснил я себе, закуривая сигарету и втягивая в себя воздух через медленно тлеющий табак. Часть продуктов горения всасывается в кровь, часть же оседает в альвеолах, легочных пузырьках..., но это неважно. Для меня имеет значение та самая часть, которая несется с кровью в мозг, затем воздействует на рецепторы, высвобождая дофамин — вещество, вызывающее чувство удовлетворения. И вот они, мгновения счастья.

Курящие врачи обладают огромной силой воли и отвагой. Они посекундно знают, как гробится их организм, и какие будут последствия, но продолжают это делать. Настоящие отморозки.

Внутренне убранство здания, по крайней мере, первого этажа, полностью соответствует названию самого бизнес-центра. Пять, шесть, семь... восемь! Восемь цветочных магазинов. Дурманящий запах, буйство красок. Наверное, это выглядит очень красиво и радует глаз всех работников двенадцатиэтажной свечки каждое утро и каждый вечер, не считая выхода из здания в течение дня, например, на обед.

Надеюсь, ни у кого из них нет аллергии.

Лифт весьма звонко сообщает о прибытии на восьмой этаж, и я сразу оказываюсь в приемной.

Что ж, если сестренка хочет меня спихнуть, устроив на работу, тем самым избавляя себя от угрызений совести, что выставила на улицу бездомного, безработного, душевнобольного родственника, — я сделаю все, чтобы помочь ей. Угрызения совести — это плохо. От них хорошо помогает ударная доза глицина, которая является частью моих замечательных зелененьких нейролептиков. Похлопав себя по карману, словно отмечая, что они всегда со мной, я подошел к девушке, видимо, секретарю.

* * *

Аля

— Он совершенно ничего не понимает в технике! — кричали наперебой Эдик и его начальник Александр. — Максимум, что он делал — это качал фильмы с торрента! Он ничего не знает ни о сетях, ни о безопасности. Аля, он переспросил, что такое «роутер»!

— Эммм, Саша, пожалуйста, дай ему шанс, — мне очень хотелось, чтобы наш любимый системный администратор, наконец, заткнулся и исчез куда-нибудь, прихватив помощника. Например, они оба могли бы начать вводить в курс дела новичка.

— Аля, ты хочешь доверить безопасность нашей компании чайнику?!

— Так обучи его. Эдик будет помогать еще целый месяц.

— Всего месяц! Я этому учился несколько лет! Тут миллион тонкостей и деталей, Алечка, дорогая, одумайся, прошу тебя, — взмолился этот самый Эдик.

Стоило ожидать, что помощник системного администратора планировал в течение стажировки новичка повесить на парня, пардон, никакой дискриминации в IT компании, на нового работника все свои обязанности, а самому свалить в декрет раньше срока, но не тут-то было. Помимо основной работы, бедняге, придется учить админить пользователя с самого нуля.

Все мы способны на подвиги. Не думая о людях лучше, чем они есть на самом деле, мы лишаем их возможности стать лучше.

Следующую неделю Олег вел себя тихо. Он по пятам ходил за своим новым, пребывающим в отвратительном настроении гуру и следил за его работой, часто пометая себе что-то в блокноте. Что мне в Олеге понравилось сразу, так это колоссальное желание работать. Я видела его в деле, видела, каким самоотверженным доктором он чуть было не стал, я решила помочь ему, понимая, что никто не возьмет к себе на работу мужчину двадцати семи лет без опыта работы и со справкой от психиатра. Я дала Олегу возможность, и он использовал ее на всю катушку. Этот парень был единственным, кто уходил после меня с работы. Он смотрел веб-семинары, читал профлитературу. Он действительно хотел разобраться в новой для него отрасли, и только за старания заслуживал десять из пяти.

Голову он мыл не каждый день. Его белые сосульки иногда жутко раздражали меня, как и неизменные бесцветные растянутые свитера и выцветшие джинсы. Он словно специально хотел походить на странного. Даже разработчики посмеивались над парнем. Разумеется, я запретила Нине кому бы то ни было рассказывать о прошлом Олега, но к концу первого дня работы все могли говорить только о том, что «Аля взяла на работу шизофреника».

К нему приглядывались, над ним потешались, на его ошибки, которые вполне мог бы допустить любой человек, реагировали с особым остервенением.

Я не знаю, как он это выносил. С каждым днем, он все больше удивлял меня. Либо, Олег действительно сумасшедший, и я полная дура, так как отдала все пароли крупной компании психу, либо он был шикарным актером.

В первое верить не хотелось, во второе не получалось. Я, как и все, приглядывалась к новому сотруднику, ожидая от него всего, что угодно, частенько лично перепроверяя за ним работу.

А ему нужна была эта работа. Боже, как же ему нужна эта работа! Он терпел все, никто никогда не слышал от него дерзости, не видел ни единой вспышки агрессии, хотя,

провоцировали его многие. Было безумно интересно посмотреть, как блондина, «любимчика директорши» увезут в смиренной рубашке санитары.

Один раз, проходя по коридору мимо кабинета разработчиков, я увидела ситуацию, над которой потом смеялась целый вечер:

Олег сидел рядом со Светой, настраивал ей что-то на компьютере. Света, одна из наших ведущих разработчиков, а так же единственная девушка-кодер в компании, откинулась на стуле, скрестив ноги в лодыжках и руки на груди. Ее квадратное, не знающее макияжа лицо выражало крайнее презрение над действиями сисадмина. Однозначно, она знала больше него, но, по причинам, известным только ей, никогда не выполняла работу, за которую ей не платили, даже если приходилось полдня ждать помощи. Ее короткие светло-русые волосы, собранные на затылке нелепым пучком, нервно дрожали от приступов смеха, которые она давила в себе, следя за попытками Олега реанимировать ее компьютер. Парни, то и дело прыскали в клавиатуры, наблюдая за высокомерным выражением лица девушки, меняющим гримасы. Она никогда не поможет, будет час вот так сидеть, наблюдать, но не подскажет.

— Олег, мне работать надо, ты скоро? — якобы скупающим тоном сказала программистка, кокетливо поджимая губы. Зевнула.

— Еще пару минут, что-то не могу разобраться... — Олег хмурился, вглядываясь в экран. Он будто не замечал смешков, доносившихся со всех сторон.

— Может, это... — Света наклонила голову вперед и посмотрела на парня исподлобья. Я поняла, что наша Света задумала что-то ужасное и жестокое. Приготовилась защищать своего нового работника.

— Что? — спросил Олег, не отрывая глаз от монитора.

— Спросишь у голосов, которые постоянно слышишь. А то так до весны просидеть можно.

Я сжала косяк, на который опиралась, пораженно прикрывая глаза. Хамка. Никакого чувства такта... Боже... В кабинете воцарилась полная тишина. Все смотрела на Олега, а тот, медленно повернул к ней лицо, нахмурился. Склонил голову набок, сморщил лоб, словно от боли. Потом взялся за виски и покачал головой, сжал губы, напрягаясь. Казалось, что у него вот-вот начнется припадок или истерика. Я распахнула глаза и зашла в кабинет, Света опасно откатилась на своем кресле, и тут случилось это. Олег, оторвал ладони от головы, раздраженно взмахнул ими перед собой и воскликнул, громко, на весь кабинет:

— Вы можете говорить по очереди, а не орать наперебой! — с совершенно серьезным лицом.

Минута полнейшей тишины и шока на лицах присутствующих и тут, вдруг, Света закатилась на весь кабинет своим громким, низким хохотом. Парни тут же ее поддержали. Я сама не сдержала улыбки, настолько правдивой была разыгранная сценка.

— Ладно, сегодня не мой день, — совершенно серьезно сказал Олег, — поработай пока так, я подумаю.

— Иди, — Света плакала, — я сама доделаю.

Олег пожал плечами, дескать, как хочешь, и направился к выходу из кабинета. Он ни разу не улыбнулся. На мгновение мне стало жутковато, а вдруг он не пошутил, вдруг действительно обращался к голосам. Проходя мимо меня парень подмигнул, уголки губ на секунду дрогнули

и поползли вверх, от чего лицо приобрело совершенно комичное, забавное выражение. Правда, через мгновение все стало по-прежнему, он вышел из кабинета и пошел к себе. А я, погрозив кулаком Свете, вернулась к своей цели. Куда-то же я шла по коридору?

Вечером у Flower меня ожидал черный Кадилак Эскалейд, машина Димы. Он жил по принципу «ты крут ровно на столько, насколько крута твоя машина». А машины у него всегда были новые, последней модели, максимальной комплектации. И неважно, что сам он до сих пор снимал жилье, главное — это дорогой автомобиль.

Лифт мы ждали вместе с Олегом. Парень, небрежно прислонившись к стене левым плечом, наблюдал за мной. Откровенно, как и в прошлый раз, не пытаясь скрывать своей заинтересованности. В некоторые моменты, не было никаких сомнений, он тащился от того, что у него не все в порядке с головой, с удовольствием пользуясь своим положением. Попробовал бы кто-нибудь другой так на меня посмотреть! Но подобное позволял себе только Олег, и я молчала.

— Тяжелый день? — наконец, спросил он, когда я, призвав все свое терпение и самообладание, отвернулась.

— Есть немного, — вновь посмотрела на мужчину, он продолжал пялиться, не сводя своих больших, серых глаз. — Ничего, впереди выходные, выплюсь.

— Хорошие планы, — ответил он, не то, высмеивая, не то соглашаясь.

— А ты чем будешь заниматься? — спросила я, чтобы поддержать беседу, когда мы зашли в лифт, и я нажала кнопку первого этажа.

— В понедельник я впервые буду работать без прикрытия Эдуарда, буду морально готовиться к фиаско.

— Почему обязательно к «фиаско», может, все пройдет хорошо?

— Ну, к хорошему-то я всегда готов, — улыбнулся он и подошел ближе. Я отвернулась, смотря перед собой, а точнее на двери лифта, он стоял за моей спиной. Молчал.

Что-то неприятное было в этом. Лифт большой, рассчитан человек на двенадцать, почему он стоит так близко? С другой стороны, обратила бы я внимание на это, если бы он не был со справкой? Скорее всего, нет, скорее всего, я была бы погружена в мысли о предстоящей встрече с Димой, я бы даже не думала, что кто-то стоит рядом. Дима около месяца не звонил, изредка отвечая на мои попытки поговорить скупым «я очень занят», а если приезжал ко мне в офис, то лишь для того, чтобы обсудить условия нашего договора. А вот сегодня, вдруг, попросил о встрече, шептал непристойности в трубку, ожидая, что я сделаю вид, будто ничего не случилось. Я, проклиная себя за это, я действительно собиралась сделать такой вид. А разве у меня был выбор?

Но, Господи, как же некомфортно! Олег стоял рядом, я слышала, как он дышит, отчего внутри все неприятно сжималось. Казалось, что мы едем уже час. На таком расстоянии разрешается находиться только родным или любовникам... Если я отойду, он обидится?

— Я не обижусь, если ты попросишь меня отойти, — сказал он очень тихо, на ухо мне. Я вздрогнула, сделала шаг в сторону, обернулась. Он продолжал стоять на том же месте и смотреть на меня. Видимо, увидев, испуг в моих глазах, удовлетворенно усмехнулся. Потом, вдруг, посерьезнел и сказал, уже под звук раздвигающихся дверей:

— Ты вкусно пахнешь.

— Я не пользовалась сегодня туалетной водой, — быстро ответила я, выходя. Он шел рядом.

— И я об этом. Мне нравится, как ты пахнешь, а твоя туалетная вода не нравится.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила я, резко останавливаясь. Он последовал моему примеру.

— Я подумал, что такое приятно слышать. Я знаю, что тебе не нравится, как я выгляжу, ты смотришь брезгливо на мои волосы. Но мне нравится, как ты одеваешься. Я тебя чем-то обидел?

— У меня такое ощущение, что ты впервые разговариваешь с женщиной. Так неуклюже, — я не могла понять, он действительно настолько недалекий или просто издевается. Я понятия не имела, как разговаривать с психически нездоровыми людьми.

— Я был женат, — ответил незамедлительно, — мне нравится говорить простые вещи, глядя в глаза, — и он действительно смотрел в глаза, — а еще мне нравится, когда ты улыбаешься. Зазвонил мой телефон, вероятно, это торопил Дима.

— Твой друг на «пятилитровом убийце окружающей среды»? — понимающе кивнул Олег. — Он никогда на тебе женится, — сказал он, склонив голову набок. — А знаешь почему?

И, не понимая, зачем мне мнение шизофреника, я ответила:

— Почему?

— Потому что он дурак, — весело улыбнулся. — А ты зря тратишь себя на него. Хороших выходных.

— И тебе, — ошеломленная наглостью, и совершенно простым, будничным тоном, с которым он рассуждал важнейших вещах в моей жизни, ответила я.

— Надеюсь, ты когда-нибудь еще позволишь почувствовать мне твой запах и выбросишь свои мерзкие духи, — с этими словами он пошел вперед, и я, постояв еще минуту, покинула здание следом.

— К тебе, ко мне? — спросил Дима, целуя меня в щеку, как только я села в машину. Краем глаза я заметила на заднем сидении букет красных роз, целью которого, по всей видимости, было откупиться от меня, задобрив. Я смотрела, как по улице идет Олег, перекинув рюкзак через плечо и понимала, что он абсолютно прав. Сидящий рядом со мной мужчина никогда не будет полностью моим.

Тогда зачем я с ним сплю?

Этот, казалось бы, совершенно простой вопрос обескуражил. Я впервые задала себе его.

Сидя с широко открытыми глазами, не моргая, я впервые за последние пять лет думала о своей личной жизни. О том, чего я хочу в этой самой своей личной жизни.

— Дима, отвези меня домой, пожалуйста. Мне что-то нездоровится. Давай созвонимся на неделе, — проговорила я четко, громко и уверенно.

* * *

Олег

Новая работа пугала меня до чертиков. Кстати, о чертиках...

В Университете ходила байка про одного психиатра, который «изгонял» бесов из шизофреников. То есть, если человек обращался к нему за помощью, тот, разумеется, по большому секрету, говорил, что пациента захватили бесы, и всего за несколько тысяч долларов, он поможет несчастному вернуть сон, аппетит, хорошее настроение, и... что-то еще... Ах да! И изгонит бесов.

На самом деле, это печальный случай из практики, позднее превратившийся в местный прикол. Как-то раз в клинике, когда мне удалось несколько дней отлынивать от нейролептиков, меня посетила мысль, казавшаяся в тот момент безумно веселой. Я прыгал по кроватям и кричал, что мне срочно нужен экзорцист, что мою бессмертную душу терзают демоны. Я честно пытался зависнуть в воздухе, но раз на десятый понял, что мои бесы летать не умеют. Тогда я хотел залезть по стене, подобно пауку, но тут меня поймали, что-то вкололи и доказали, что смирительные рубашки, хоть и запрещены в нашей необъятной стране, продолжают активно использоваться.

Бесов из меня тогда, кстати, так и не выгнали, еще пару дней я пытался кричать, произнося это слово, правда, уже не понимал зачем. Просто последней мыслью перед началом действия дряни было: я нуждаюсь в экзорцисте. Зациклило меня тогда.

Мне нравилось здание, нравились просторные светлые кабинеты, нравились люди. Практически каждому из них я мог бы поставить диагноз, причем, половине — с первого взгляда. Особенно этой девушке-парне Свете. Не знаю, почему она меня так невзлюбила по началу, сейчас, кажется, относится намного лучше, хотя к ее грубой манере разговаривать я до сих пор не привык, слегка теряясь каждый раз, когда она говорит матерно. Видимо, женщинам приходится оужичиваться, когда те сутками находятся в мужском коллективе. Самое печальное, что ей очень нравится один из разработчиков, но того, судя по порно сайтам, которые он часто посещает прямо на работе, интересуют именно девушки. Женственные, стройные, с формами, в основном блондинки.

С другой стороны, моя начальница, Алла Константиновна не оужичилась же! Красивая девушка, живая, настоящая. Особенно мне очень нравится, когда она зачесывает волосы вверх. У нее очень красивая тонкая шея.

С тех пор, как я смирился с тем, что я шизофреник, я стал совершенно иначе относиться к своим желаниям. Если бы подобные мысли посетили меня раньше, я бы их быстро отогнал и забыл как о страшном сне. Теперь все иначе.

Я знаю, что мне уже двадцать семь лет, слава богу, давно не подросток, но единственное, о чем я могу думать, глядя на тонкий изгиб ее шейки — я безумно хочу поставить на ней засос.

Самый настоящий, красный, если повезет — синеватый. Кровоподтек, разрыв подкожных сосудов. Бесы, захватившие мою голову, на ее светлой коже мой засос смотрелся бы восхитительно! В следующий раз, я скажу об этом Але, когда будет такая возможность. Разумеется, я не собираюсь ее смущать при всех. Хотя, скорее всего, бедная девушка итак будет шараться от меня после нашего недавнего короткого разговора у лифта.

Я снял квартиру недалеко от работы, за тридцать минут быстрым шагом дохожу спокойно. Это очень хорошо, потому что я не люблю ездить на автобусах, а машину мне водить нельзя. Сестра говорила, что будет приходить и помогать убираться, готовить, за почти полгода она приходила два раза — в первую и во вторую неделю. Впрочем, меня это устраивало. Еженедельные походы к «доктору» отменно компенсировали мне недостаток презрения со стороны родственников, так что все в норме.

Скоро год, как я не ем дрянь. Я стал лучше мыслить, намного. Я перестал забывать какое сегодня число и что мне необходимо сделать. Определенно, это хороший знак. Правда, на работе я по-прежнему абсолютно все записываю в свой ежедневник, так как это не то место, где ошибки сойдут с рук, потому что ты неполноценный.

Там, наоборот, приходится из кожи вон лезть, чтобы доказать свою полноценность.

Нельзя не отметить улучшение моей сообразительности. Если раньше мне приходилось пересматривать вебинар, или урок по моей новой специальности четыре раза (как минимум), часто останавливая запись, давая себе время понять речь говорившего, запомнить суть, сейчас хватает одного-двух. Я снова начал читать, и я помню сюжеты новых книг. Если честно, чтобы не расстраивать себя слишком сильно, я начал с книг, которые в свое время зачитывал до дыр: Мастера и Маргариту, Над пропастью во ржи, Сто лет одиночества и прочее. Сюжеты этих историй я помнил до мелочей, поэтому, если забывал на чем остановился, особо не расстраивался, открывал первую попавшуюся страницу и продолжал чтение. Вчера я домучил первую за последние почти четыре года новую для меня книгу: «Гарри Поттер и что-то там», а потом сел и написал изложение. Мой «доктор» сказал, что суть я передал без ошибок.

А еще, у меня опять, практически каждый день, стал появляться утренний стояк. Бесы в моей голове, я подобно тринадцатилетнему мальчишке, разговариваю со своим членом по утрам, подбадривая и здороваясь. Скажу честно, даже если у меня нет возможности заняться сексом, понимание того, что я бы смог — безумно радует и придает смелости.

Как такового своего личного стола у меня пока нет. В моем распоряжении есть ноутбук, который всегда при мне, и стол в приемной, где я периодически слушаю через гарнитуру уроки или читаю по специальности. Девушка Нина, выполняющая одновременно работу секретаря Али и целого отдела кадров нашего направления, благо, фирма не такая большая, обычно пьет мятный зеленый чай из огромной кружки с надписью Pussycat. Вероятно, она имела в виду себя, покупая эту кружку, но я бы с ней не согласился. Скорее Pussy hippopotamus, хотя, скорее всего, это слово слишком длинное, чтобы печатать его на посуде, а мне все еще безразлично на женщин, раз после нескольких лет воздержания глядя на полную, выпирающую из огромного выреза черного платья грудь, я думаю о гиппопотамах.

А, нет... не безразлично.

— Нинок, а у тебя есть только мятный чай? — спрашиваю.

— Всякий есть, — буркает в ответ, перекладывает какие-то бумажки.

— А сделай мне, пожалуйста? Очень хочется. С ромашкой, — убираю волосы с лица и улыбаюсь.

Нина закатывает глаза, но поднимается со стула, демонстрируя мне полные ножки в светлых чулках, округлый зад, обтянутый атласной тканью.

Мне определенно не безразлично.

— О чем это ты думаешь, придурок? Так пялишься, — говорит, опуская пакетик чая в офисную фарфоровую кружку и наливая кипяток из термоса.

— Ты действительно хочешь это услышать?

— Боже упаси! — разводит руками, потом принесла мне чай, и я, следуя порыву, целую по очереди каждый пухлый пальчик ее правой ручки.

— Ты полный придурок, — говорит она, расплываясь в улыбке.

— Знаю, у меня официальное разрешение есть, так себя вести.

* * *

Аля

Годовщину наших отношений с Димой мы всегда отмечали в «Розовом фламинго». Это красивый, уютный и жутко дорогой ресторан. Там мы с Димой и познакомились. На одной из деловых встреч. Я тогда еще работала в банке, а он собирался сделать крупное вложение. Мы понравились друг другу с первого взгляда, но в тот вечер говорили исключительно о работе, как и в следующие пару месяцев, пока я не уволилась и не перешла работать аналитиком в компанию, которой сейчас руковожу. На следующий день после моего увольнения, Дима приехал с цветами и предложил поужинать вместе, но уже не официально.

Он никогда не смешивал бизнес и отношения. Теперь-то я понимаю, что он вовсе не пренебрегал своими принципами, помогая мне выиграть в конкурсе. К сожалению, тогда его уступка воспринималась мной как проявление любви. С высоты своего жизненного опыта, после избавления от розовых очков при помощи моего нового сисадмина, я поняла, что Диме был жизненно необходим этот договор. Ради договора ему пришлось пожертвовать нашими отношениями.

Дима всегда очень много времени уделял работе.

И я всегда уважала его за это. Правда, иногда было обидно, когда он предпочитал моему обществу посидеть за компьютером, но, став начальницей, я начала понимать его намного лучше. Наши отношения были похожи на визиты к очень дорогой проститутке. С единственной разницей, он никогда не платит за секс. Он не делал мне дорогих подарков, не платил за квартиру, не покупал машин. Это я. Я готовила кучу еды, я каждый раз покупала новое белье, я ходила на ужасно болезненные выравнивающие кожу массажи, тратила на свое тело уйму денег и пожизненно сидела на диетах, чтобы ему нравиться. Чтобы выглядеть моложе.

Я написала ему смс сегодня утром, он не ответил. Мы не разговаривали с того самого раза, как он подвез меня до дома.

Из моего кабинета слышались голоса. Я ускорила шаг. Ненавижу, когда кто-то использует мой кабинет для своих целей. Если это опять Нина разместила гостей там, то, клянусь, я лишу ее премии! Просила же никого ко мне не пускать.

Открываю дверь и вижу, как за моим столом сидит Олег, напряженно хмурясь. Увидел меня:

— Добрый день, Алла Константиновна, — как всегда вежливо поздоровался он.

— Добрый день, Олег Николаевич. Могу я узнать, что ты делаешь за моей машиной?

— Да хотел тебе переставить офис, приехал специально пораньше. Но до твоего прихода не успел. Подождешь пару минут?

— Конечно, не торопись. Я действительно приехала на полчаса раньше.

Села в кресло, закинув ногу на ногу. Достала планшет, решив проверить почту.

— Подожди, — вдруг вспомнила, — а с кем ты разговаривал?

— Как с кем? — удивился Олег, — с Эмилиной.

Он абсолютно серьезно посмотрел на пустой стул.

— Кстати, она с тобой поздоровалась, но ты не ответила.

Я тоже посмотрела на пустой стул, перевела взгляд на Олега — его лицо оставалось непроницаемым.

— Ты сейчас шутишь? — наконец, спросила я.

— Нет, — удивленно отозвался он. — Если ты против того, чтобы Эмилина здесь находилась, я ее выгоню прямо сейчас, хотя уверяю, что она никому ничего не скажет. Она, — наклонился вперед, быстро посмотрел на пустое кресло, кивнул, и совершенно искренне взглянул мне в глаза: — она могила, — многозначительно приподнял брови.

От странности и чужеродности ситуации я вспотела. Поерзала на стуле, села прямо.

— И как у тебя дела, Эмилина? — спросила.

— Эм не говорит по-русски, только по-испански. Ты не против, если я буду отвечать за нее?

— Нет, не против...

— Эм говорит, что у нее все хорошо. Благодарит, что ты интересуешься, — потом быстро взглянул на меня исподлобья, — спрашивает, как у тебя.

— Тоже все хорошо, — медленно ответила я.

— Эм рада. Эм говорит, что ты сегодня потрясающе выглядишь, что тебе безумно идет это платье, правда, Эм не уверена, что в нем стоит ходить на работу.

— Почему?

— Эм говорит, что у мужчин только одни мысли на уме, когда они смотрят на тебя в таком платье.

Я поправила подол своего серого, трикотажного платьица, попыталась дотянуть его до колен, но не вышло. Кажется, я покраснела.

— Олег, у тебя тоже только такие мысли на уме? — спросила, вглядываясь в его лицо, не понимая, зачем он издевается, и что это за игра.

— Я думаю, что мне не следует отвечать на этот вопрос. С одной стороны я хочу сделать приятно красивой женщине, с другой — не хочу оскорбить ее профессиональные качества, —

не отрывая глаз от монитора.

— Все, готово. Мы с Эм пойдем. Хорошего дня, — он вышел, пропуская невидимую девушку вперед, а я осторожно присела на стул, с прямой, как спица спиной и еще пару минут удивленно моргала, рассматривая дверь.

Я не сомневалась, что он издевается, иначе... да как иначе он мог бы жить среди нормальных людей! А если издевается... Я на девяносто девять процентов уверена, что он подшучивает надо мной, но продолжаю это терпеть и... чтоб меня!.. подыгрывать ему.

Авторизовавшись на своем рабочем месте, и увидела вместо привычной черной заставки на рабочем столе большой букет цветов.

И первая мысль, опережающая вопросы и сомнения — «Приятно».

Со «Свежими продуктами» дела шли хуже некуда. Вера Анатольевна просекла, что я больше не сплю с ее шефом, начала откровенно дерзить, требуя все больше и больше.

Я начинала ненавидеть этот договор, который должен длиться еще несколько месяцев.

Разумеется, Дима не помогал никак. Все дела велись исключительно через монстра, у которой в личной жизни точно было все плохо. О таких стервах Дима всегда говорил: «недотраханная сука». Я вздрогнула, понимая, что обо мне, вероятно, говорят так же и это... к сожалению, не далеко от правды.

Звонит телефон.

— Алло?

— Алечка, это Вера Анатольевна, тебе сейчас удобно разговаривать?

Жить долго будет, чудовище.

Я верчу в руках флешку, которую забыл Олег, и слушаю очередной монолог, наполненный жалобами и претензиями. Иногда мне кажется, что она, подобно энергетическому вампиру, умудряется через телефонную трубку вытягивать из меня энергию.

И снова: кап, кап, кап.

Смотрю на красные капли на столе — клавиатуру я научилась отодвигать при каждом звонке этой женщины. Киваю, что-то отвечаю, вытирая нос.

В дверь стучат.

— Да, да! — приглашаю я, зажимая нос и продолжая слушать писклявый голос. Олег. Стоит на пороге пару секунд, смотрит на меня, зайти не решается. Я зажимаю плечом трубку и протягиваю ему флешку, продолжая слушать Веру Анатольевну, изредка вставляя: «да-да», «конечно-конечно». Вдруг чувствую, что трубку у меня отбирают:

— Извините, пожалуйста, но линия временно перегружена. Попробуйте перезвонить позже., - говорит Олег и выключает телефон. Не просто сбрасывает звонок, а выдергивает из розетки.

— Ты что себе позволяешь? Это клиенты! — взрываюсь я от подобной дерзости, понимая, что

мое терпение лопнуло, и кое-кто сейчас вылетит на улицу.

— И часто у тебя идет кровь носом? — он подходит сзади, берет меня за виски и отклоняет голову на себя.

— Часто в последнее время, почти каждую неделю, — отвечаю честно, хотя и с тревогой в голове. Почему-то слушаюсь его. Наверное, нахожусь все еще под впечатлением его подвига у бассейна.

— Тебе нужно пройти обследования, это ненормально.

Его руки — холодные, просто ледяные. Он прижимает пальцы к моим вискам, потом к переносице.

— О Боже! — я не могу сдержать стона удовольствия, потом понимаю, кто стоит рядом со мной. Это же не Мено! Испуганно начинаю вырываться.

— Тихо, шшшш. У меня всегда холодные руки, я знаю, что тебе приятно. Расслабься.

Его тихий голос успокаивает, и я действительно расслабляюсь. Одну руку он продолжает держать на переносице, а другой начинает массировать мой затылок.

— Ничего, если я распушу твои волосы? — спрашивает.

Я понимаю, что это полнейший идиотизм. Я пытаюсь представить на его месте Эдика, Павла, Александра, да любого сотрудника нашего направления, но не могу и близко поверить в возможность подобной ситуации. А с Олегом все просто, приятно и уютно.

— Ничего, — тихо отвечаю. Он распускает мою прическу и уже двумя руками массирует голову.

— У тебя очень красивые волосы, — говорит, — хотя мне нравится больше, когда ты их собираешь. И цвет красивый.

— Спасибо, — благодарю я, понимая, что такого удовольствия еще в жизни не испытывала, да простят меня мои любовники. Он слегка тянет за волосы, массирует, надавливает, то сильнее, то слегка. Не забывая про затылок, виски и лоб.

— Light ash brown, — зачем-то сообщаю ему название оттенка своей краски для волос. Кажется, он кивнул.

— А теперь положи руки на стол и положи лоб сверху.

Я слушаюсь.

И вот он уже массирует мне шею, плечи, руки, ключицы, скользя мизинцами по груди, но я делаю вид, что не замечаю этой вольности. Мне просто хорошо, безумно хорошо.

Он снова возвращается к волосам.

— Боже, я сейчас кончу, — окончательно забываю, где и с кем нахожусь.

Олег смеется, я впервые слышу, как он смеется. Тихо, низко, очень тепло.

— Хочешь верь, хочешь нет, но я тоже, — говорит, продолжая улыбаться.

Подобно включению света в комнате по щелчку выключателя, в моей голове заработали мозги. Я широко открываю глаза, понимая, что он расстегнул мне молнию на платье и слегка приспустил его, оголяя плечи и грудь до лифчика. Опустил лямки белья и трогает мое тело!

Быстро одеваюсь.

— Спасибо, было приятно, но... — говорю, краснея так, будто бы мы только что занимались сексом.

— Я рад, что тебе было приятно, — отошел от меня, держа перед собой руки, как тогда у бассейна демонстрируя, что не собирается удерживать силой. — Тебе нужно чаще расслабляться. В идеале, конечно, лучше совсем не напрягаться, но, думаю, ты так не сможешь. Ты изнашиваешь себя, а это плохо. Ты же женщина, ты не должна столько работать.

— Вообще-то у нас в стране равноправие.

— Ну и кому от этого лучше?

— А если бы кто-то вошел! — испуганно причитаю я, застегивая молнию, хватаю зеркало и салфетку, поправляю макияж.

— Не волнуйся, я попросил Эм и Эмиля покараулить.

Замираю, поднимаю на него взгляд.

— За нами наблюдали твои друзья?

— Нет, они стояли снаружи, если бы кто-то шел, они бы постучали, чтобы предупредить. Мы были вдвоем, — успокаивает меня шизофреник, — ну и на всякий случай, я закрылся на защелку. Впрочем, ладно, мне пора работать. Если опять пойдет кровь, вызывай.

Он берет флешку со стола и легкой походкой направляется к двери, действительно открывает защелку и выходит в коридор. А я так и продолжаю стоять как вкопанная еще несколько минут, соображая, что это сейчас было, как так получилось, что я закрылась в своем кабинете с душевно больным, что было бы, если бы кто-то об этом узнал и... почему мне так сильно было приятно, а сейчас так легко и хорошо?

* * *

Олег

Работа по-прежнему пугала меня, особенно после того, как я несколько раз очень крупно облажался.

В первый раз, когда взломали ключ нашего вай-фая и целый месяц за наш счет качали информацию, а во второй... В общем, я случайно отключил не тот сервер, а у Али в это время была какая-то крупная презентация... Но Аля меня, кажется, простила, и обещала, что на заработной плате эти неудачи не отразятся, что несказанно мне радовало, так как женщина, у которой я снимаю квартиру, каким-то образом узнала, что я шизик и увеличила в полтора раза квартплату.

Мой «доктор» сказал, что мне нужно обязательно посещать корпоративы. Новогодний я

благополучно проболел, вернее, проимитировал грипп, не желая показывать всем, что мы с моими испанцами не особо помним как это — отрываться и веселиться.

Приближалось восьмое марта.

Егор из отдела разработки собрал со всех по две тысячи рублей, чтобы купить девушкам цветы и сертификаты в какой-то салон красоты, кажется, принадлежащий его сестре.

Сама же компания выделила кучу денег и сняла ресторан с видом на Неву, в котором всем счастливым работникам «Электронного документооборота точка ру» предстоит потратить несколько часов счастливого выходного. Я не хотел показаться ассоциальным, поэтому действительно собирался посетить это сборище.

В первые пять минут пребывания в ресторане по количеству коньяка и вина на столах я понимаю, что вечеринка будет долгой. Вся наша большая компания, в составе трех направлений и общей сумме восьмидесяти четырех человек разместилась за столами. Я нашел себе место в самом конце зала, рядом с веселой разговорчивой молодой девушкой, которая меня боялась до заиканий, причем настолько искренне, что молчала весь вечер, не отрываясь от тарелки. Я помогал ей укрепиться в ее страхах, периодически отмахиваясь от несуществующих мух и объедая мясо с пустой вилки, запивая вином из пустого стакана. Нет, разумеется, я ел. После больницы, где кормили очень редко и очень скудно, я никогда не отказывался от возможности перекусить, хотя, от некоторых продуктов, таких как сладости, корейская морковка и сыр, благодаря нейролептикам мне теперь не дано получить удовольствия. Я не чувствую их вкуса, совсем.

Через час после того, как все желающие поздравили всех желающих, организаторы праздника приглушили свет, и заиграла музыка. Живая. На сцене выступали парень с девушкой, пели песни по заказу, народ веселился.

Я молча наблюдаю за пьяными коллегами, обдумывая, как сильно меняет людей алкоголь.

Принятый внутрь спирт хорошо всасывается слизистой оболочкой желудка и тонкого кишечника. Особенно быстро натошак. Уже через пять минут он обнаруживается в крови, а через тридцать его концентрация становится максимальной. Через кровь спирт проникает в головной мозг и печень, где его содержание остается наибольшим.

Разглядывая диковато двигающихся в танце людей, я думаю о том, что происходит у них в головах, представляю себе, как алкоголь разрушает их мозг. Умирают клетки, отвечающие за память, не сомневаюсь, что многие завтра утром не вспомнят о том, что творили, далее клетки мозжечка, который отвечает за координацию, в подтверждение моим мыслям наша бухгалтерша чуть не упала, благо вовремя подскочил слегка ошалевший и покрасневшийся от коньяка водитель. Кстати, судя по его лицу, пить ему уже хватит, а лучше бы вообще показаться доктору...

Скоро всем этим людям будет хотеться пить. Очень. Для того чтобы головной мозг не начал гнить, организм заливает в него воду, вымывая умершие клетки. «Уборка», несомненно, вызовет головную боль следующим утром. Вообще, конечно, очень забавно все происходит: человек, напившийся сегодня, завтра будет мочиться своими собственными мозгами.

Мне скучно. Подобного рода вечеринки не для таких зануд, как я, не имеющих возможности разрушать свой мозг по причине приема...ну ладно, спуска в унитаз таблеток от глюков на общую стоимость в тысячу долларов в месяц.

Направляясь к выходу, я старательно обхожу танцпол, наблюдая за тем, как народ двигается в медленном танце, над тем, как напившийся Павел обнимает счастливую Светку, как бухгалтерша, которая замужем и счастлива в браке, позволяет трогать свой зад раздухорившемуся неожиданным вниманием к своей неприметной персоне водителю...

— Олег, привет! Потанцуй со мной! — неожиданно появившаяся рядом Аля обнимает меня за шею и притягивает к себе. Я хочу отстраниться, так как не уверен, что смогу танцевать, но этот ее запах...и открытая шея...Черт, мечта экзорциста, о чем ты думаешь!

— Эммм, меня Эм и Эмиль ждут на улице, — пробую все-таки сбежать.

— Подождут, сегодня тепло.

Аля прижимается ко мне, обнимая за шею:

— Мне нравится твоя одежда, — говорит мне.

Действительно, ради сегодняшнего вечера пришлось съездить в торговый центр. На самом деле, ничего особенного, черные джинсы и пара рубашек, в одной из которых я был одет сейчас.

— А мне нравится твоя, — с удовольствием провожу руками по мягкой черной ткани платья, облегающего стройное хрупкое тело. Мне хочет проверить, так ли упруга ее попка, как кажется на вид, но я, делающий успехи в скорости соображения, понимаю, что этого делать не стоит. Я вдыхаю ее аромат и понимаю, что хочу ее.

Я хочу ее.

Хочу ее трахнуть.

Хочу ее целовать, ласкать, трогать. Трогать везде. И целовать тоже везде. Я хочу быть внутри ее. Я хочу кончать внутри ее. Картинки, как Аля сидит на столе, задирая платье, как оголяет свои ножки, как я снимаю с нее белье, освобождаю грудь, трогаю и одновременно вхожу... настолько ясно возникли в моей голове, что в первую секунду я решил, что это галлюцинации. Опять. Что я перепутал и вместо того, чтобы смыть в унитаз моих зеленых друзей, я по ошибке их проглотил.

Но, кажется, нет. Это не глюки. Это сильное мужское влечение, которого я не испытывал бесы в моей голове знают, сколько времени.

Наверное, она почувствовала мой стояк. Сто процентов, вот как улыбается.

Делаю шаг назад, давая понять, что не буду удерживать, если она захочет уйти, но она снова прижимается, в этот раз еще ближе.

— Олег, — говорит мне, — ты хорошо танцуешь.

— Да? — смущаюсь, понимая, что ведет она, — я плохо танцую, вот Эмиль... Давай, я его позову, ты с ним потанцуешь...

Эта фраза сильно ее рассмешила, я не понимаю что такого, а она веселится, обнимает меня, гладит. Хрупкая такая, тоненькая. Она закусывает губу, а я представляю, как облизываю ее губы, как пихаю свой язык в ее рот, как раздвигаю ее ноги...

Бесы..., и как мужики живут с постоянными желаниями? Как я раньше жил?

— Олег, ты необычный.

— Ты видела мою справку, — улыбаюсь в ответ. Ну как она может не чувствовать, что меня трясет от желаний? Что я больше не вижу в ней ни директора, ни интересную, умную женщину. Я вижу только тело, которое хочу поиметь. Ужасно хочу. Чувствую, что дрожат колени. Я опускаю свои руки на ее попку и понимаю, что готов кончить прямо сейчас. Она позволяет себя трогать, еще сильнее возбуждая своей покорностью. Она гладит мои лопатки. Я хочу пойти в туалет и подрочить. На нее. В смысле, представляя ее. Когда песня закончится, я так и сделаю, если дотерплю. Это будет мой первый оргазм за...

— Олег, — она жестом зовет меня наклониться и шепчет на ухо.

— Помнишь, несколько месяцев назад ты сказал, что хочешь поставить мне засос на шее? Большой и красный.

— Помню, — отвечаю, тихо, как-то глухо.

— Сделай это сейчас, — она наклоняет голову, открывая мне доступ к шее.

Я шумно выдыхаю. Пару секунд обдумываю положение.

— Ты сколько выпила, Аля?

— Я не пила совсем, — удивленно отвечает, — я же за рулем.

— Курила, нюхала? Я надеюсь, не кололась?

— Нет, ничего такого. Я хочу, чтобы ты это сделал, ты же хочешь меня, — проводит рукой по ширинке, я чуть сжимаю ее ягодицы.

— Аля, — говорю, — я больной человек. Ты видела мою справку, — напоминаю. — Не надо так со мной играть, — стараюсь говорить строго.

— Олег, я больше не буду предлагать, — она вновь наклоняет голову. Ей очень весело, Аля улыбается, слегка царапает мой затылок ногтями тонких пальчиков.

Я громко сглатываю.

— Тебе тоже нужна справка, сумасшедшая? Ты хочешь, чтобы на глазах у всей компании местный шизик тебя полапал и оставил кровоподтек на шее?

— Олег, я хочу сделать то, что мне хочется. Потому что моя жизнь больше не приносит мне удовольствия, — прижимается всем телом, я чувствую ее грудь, небольшую, но очень упругую, я воображаю себе ее сосочки — рот моментально наполняется слюной, словно я собираюсь их съесть.

Я наклоняюсь и провожу языком по ее шее, она дрожит в моих руках. Кажется, я тоже дрожу.

— Аля, мне терять нечего, я могу тебя трахнуть прямо тут, обо мне хуже думать не станут. Единственное, я не хочу завтра проснуться безработным.

Она смеется, очень весело, залиvisto. Я тоже улыбаюсь.

— Решай сам, — подставляет мне шею и трется о вздыбленную ширинку. — Возможно, завтра я тебя за это уволю. Ну, так что ты выбираешь?

Она облизывает губы, наблюдая за моим лицом, а потом она... Потом она облизала свой средний палец, не обращая внимания на взгляды вокруг, на то, что песня давно закончилась и все танцуют под что-то веселое, поглядывая на нас.

Присасываясь к ее шее, я чувствую себя вампиров из старого кинематографа, такого пафосного, про графа Дракулу в шикарных старинных одеждах...

Втягивая в себя бархатную, слегка солоноватую кожу, я понимаю, что улетаю. Неосознанно руками я прижимаю ее к своему паху, слегка щипая и лаская сквозь обтягивающее платье, жадно языком вожу по доступной коже. Я кончаю, прямо посреди танцевального зала, рядом с кучей коллег, прижимая к себе свою начальницу и ставя ей колоссальный по размерам и силе засос. Отрываюсь от нее и, раз уж я сегодня вампир, провожу языком по месту «укуса», которое уже здорово покраснело. Видеть следы моего желания, моей грубости на ее нежной коже безумно приятно. Не знал, что у меня имеются психические отклонения, связанные с садизмом. Хорошо, хоть не с мазохизмом.

Это был самый восхитительный оргазм в моей жизни, я просто исчез, не понимая где я, кто я, с кем я... Я забылся, и это было чудесно.

— Почему у меня такое чувство, — она прочистила горло, шепча мне на ухо, — что мы только что переспали?

— Возможно, потому, что я кончил, — пожимаю плечами, по-дурацки улыбаясь. Конечно, я не могу видеть себя со стороны, но судя по выражению ее лица — улыбка самая идиотская в мире.

— Ты...что сделал?! — шипит она.

— Эмм, кончил. Испытал оргазм.

— Прямо так? Боже, ты извращенец! — она начала отстраняться, я пытаюсь удержать, но вовремя понимаю, что лучше не стоит.

— Аля, я...

— Не подходи больше ко мне никогда! — она убегает в сторону туалета.

— Эй, придурок, как тебе удалось только что облапать и облизать нашу директоршу?! — рядом оказался Илья из другого проекта. — И что ты с ней сделал, раз она с такой скоростью уносит ноги?

— Это все голоса, — глубокомысленно заверяю я и все еще на ватных ногах плетусь к выходу. Пожалуй, вечер удался.

* * *

Аля

— Во-первых, он меня младше.

— Ах вот что оказывается, во-первых, — Нина пила противный как на вкус, так и на запах мятный чай из своего ведра с надписью Pussycat. Почему это «Pussy»? Почему не «Dick»? О

Боже, о чем я думаю?

— Я думала, что, во-первых, — выделила голосом, — он убил свою жену.

— Я не думаю, что он сделал это умышленно. Его бы тогда не отпустили на свободу.

— Не бывает дыма без огня, подруга. Он пристукнул свою теперь уже бывшую женушку, потому что, во-вторых, он шизофреник, живущий на таблетках.

— Если бы он был опасен, его бы не выпустили из психушки, — упрямо повторила я.

— Он учился на психиатра! Знаешь ли, психи притягивают психов. Научился маскироваться. Заметь, никто из профессоров, обучавших его, не понял, что он опасен. Маньяки всегда выглядят как обычные люди.

Кто-кто, а Олег точно не стремился выглядеть обычным человеком.

— Я не верю, что он убийца. Скорее, он, наоборот...

— Что?

— Станный, и от этого ранимый.

— У тебя что, материнский инстинкт проснулся?

— Добрый день, — воскликнул Олег, заходя в приемную. — Обо мне говорите? — улыбнулся он но, увидев наши понурые лица, как-то сразу тоже погрузился.

— Привет, Олег. Привет, Эм. Привет, Эмиль, — равнодушно процедила Нина, не поворачивая головы.

— А я сегодня один, — склонил голову на бок, как будто поражаясь глупости Нины.

— Тогда передавай им приветы, — ни малейшего шуточного оттенка в голосе. Если бы этот разговор услышал кто-то со стороны, точно вызвал бы скорую нам всем.

— Олег, привет. Как выходные? — проговорила я, опуская глаза и машинально теребя высокий воротник водолазки, который ужасно чесался, кстати.

К слову сказать, засос получился знатный, на полшеи, красный, яркий фонарь на бледной коже. Олег пару мгновений смотрел на мой воротник, на то место, где касались его губы. От воспоминаний снова стало не по себе. Его влажный язык, его руки на моих бедрах, его мягкая светлая щетина, щекочущая мою кожу...

— Мы теперь будем делать вид, что ты не позволяла мне целовать твою шею, а я от этого не кончил? — будничным тоном, в котором слышался вызов. Ну, или мне хотелось услышать в его словах вызов.

Даже спокойная, не удивляющаяся ничему Нина, погруженная в свои мысли, вздрогнула и посмотрела на сисадмина. Потом быстро огляделась, не слышал ли его слов еще кто. Олег смотрел прямо в глаза, ожидал ответа. Не моргал.

Не имея никакого понятия, что он там себе навывдумывал, я поежилась на стуле:

— Я думаю, что сначала следует все-таки здороваться, а потом уже обсуждать, как и в каких условиях ты можешь испытать оргазм, — спокойно произнесла я. Он не шевелился. Продолжал смотреть. Он не услышал ответа на свой вопрос, а я и не знала, что сказать. А что на это в принципе можно ответить?

— Окей, делаем вид, что ничего не было, — он кивнул и прошел по коридору, кажется, в кабинет разработчиков.

— Ну, так что? — спросила Нина, — ты будешь его увольнять?

— А надо? — я сжалась в кресле в ожидании ответа от своей подчиненной. Веду себя, как дурочка, а ведь он меня младше!

— Да мне-то что, тебя же при всех облизал шизофреник. Только имей в виду, что слухи поползут. Они уже появились, когда ты вдруг взяла на работу бывшего врача, да еще и со справкой. А теперь-то вообще.

— О Боже...

Сначала из-за этого клоуна с толпой невидимых испанцев разрушились мои отношения с Димой, которые длились в течение пяти лет! Потом, сгорела, словно ведьма на жертвенном костре, моя репутация. Под конец, он же на меня еще и обиделся, потому что я не успела прийти в себя после случившегося и продумать свое поведение.

А почему я позволила ему так вести себя на корпоративе? Потому что угораздило меня заехать в «Розовый фламинго» перед гулянкой, чтобы утрясти детали завтрашнего обеда со спонсорами, и увидеть там моего Димочку, ужинающего с девочкой из банка, которую взяли на мое место. Пару минут я стояла, как громом пораженная, и наблюдала, как он ее гладит по руке, как она кокетничает, прижимает локти к груди, демонстрируя ложбинку... Молоденькая, тридцати еще точно нет. Быстро же он нашел мне замену, не стал заморачиваться над переходом наших с ним отношений на новый уровень. В тот момент я окончательно поняла, как прав был Олег. Дима не собирался на мне жениться, никогда. Ему не нужна была семья, жена... Он просто использовал меня, пока это было удобно. А ведь я могла это понять еще только через пять лет, или через десять...а мне бы тогда было уже... Мама дорогая!

Стало дурно, подобно пуле после соприкосновения с ударником, я вылетела из ресторана, затем замерла, сдерживая подступившие слезы. Обида, злость, беспомощность душили, крепче любой удавки. А ведь я до сих пор ждала, что он одумается, что будет добиваться меня!

Во что я превратила свою жизнь? Мне скоро тридцать два, а у меня есть только работа, которая не то, что не приносит удовольствия, которая ежедневно убивает, подталкивая к инфаркту или инсульту. Я чувствовала холод, тоску и одиночество. И благодарность.

Я была так благодарна Олегу за его смелость, за попытку заставить меня взглянуть на вещи иначе, что на всех парах помчалась в ресторан. Время уже было позднее, я приехала ближе к концу вечеринки, впрочем, как и всегда. Очень повезло, что мой шизофреник еще не ушел, я столкнулась с ним прямо на танцполе. Он был одет иначе, по-человечески, с чистыми волосами... даже не так сильно походил на придурка, как обычно.

Большой и теплый. Хотя руки, которыми он прижимал меня к себе, были как всегда ледяными. Я вспомнила свои ощущения, когда он ласкал меня этими руками, расслабляя, насыщая жизненной силой, которую раз за разом плотоядно высасывала из меня Вера Анатольевна. В этот момент мне вдруг показалось, что этот слабый, больной, непредсказуемый человек,

возможно, убийца, самый надежный мужчина на свете. Стало хорошо и спокойно, я могла лишь прижиматься, полная благодарности за те простые минуты радости, что он дарил мне. А еще он меня смешил, хоть и нельзя смеяться над больными.

Приятно было ощущать его эрекцию, понимая, как отчаянно он хочет меня. Словно иметь некоторую власть над этим мужчиной. Мне хотелось почувствовать его еще сильнее. Разумеется, спать я с ним не собиралась, но мне было необходимо его отблагодарить, сделать ему приятно. В голове всплыло его шокирующее желание, о котором он как-то совершенно честно признался мне, и оно, вкуче с гнетущим ощущением безысходности, с потребностью доказать себе, что моя жизнь все еще в моих руках, что у меня хватит сил раздвинуть рамки, в которые я загнала себя, вылилось в...

И еще, я не ожидала, что меня так сильно возбуждают его поцелуи и еле уловимые вращения бедер.

А потом он кончил и... все это стало как-то мерзко. Я осознала, что соблазнила больного человека, хотя он предупреждал, даже просил, чтобы я этого не делала. Что-то было в его беспомощности... словно он ребенок, а я педофил.

Омерзительно, словами не описать.

Зайдя к себе в офис и авторизовавшись за компьютером, я увидела на заставке рабочего стола букет ромашек и снова улыбнулась, ничего не смогла с собой поделать.

* * *

Олег

— Неужели ты что-то понимаешь в компьютерах? — спрашивает меня отец, когда мы всей нашей дружной семьей уселись за большим столом в гостиной Кати. Мои родители очень редко приезжали, буквально раз в два-три месяца, и это было хорошо. Мы всегда встречались у Кати дома, что тоже было хорошо, так как в квартире, которую я снимаю, не хотелось бы принимать гостей. Особенно родителей.

— Вроде справляюсь, — отвечаю, елозя вилкой кусок огурца по тарелке.

Когда тебя привязывают к кровати, ты вырываешься. Всегда вырываешься, потому что обездвиживание — это всегда очень страшно. Ты пытаешься объяснить, что ты в порядке, что ты будешь везти себя смирно, будешь делать все, что скажут. Но сначала ты пытаешься вырваться. Ну, для того, чтобы все это им рассказать.

— И много платят?

Пожимаю плечами.

И чем сильнее ты вырываешься, тем крепче тебя вяжут, а чем крепче вяжут, тем сильнее вырываешься. Замкнутый круг.

Я давно уже понял, что нужно расслабиться и... получать удовольствие. Ибо некоторые вещи неизбежны.

Если ты не можешь изменить обстоятельства, нужно изменить отношения к ним, не так ли?

— Как так получилось, что тебя взяли на столь ответственную должность с высокой заработной платой и полным рабочим днем?

Пожимаю плечами. Чем сильнее барахтаешься, тем туже вяжут.

— Я, надеюсь, эта работа действительно существует, и ты не занимаешься чем-нибудь незаконным?

— Директором фирмы является близкая подруга Кати — Алла Константиновна, — смотрю на Катю в ожидании кивка — дожидаясь.

— Я попросила ее взять Олега на работу. Дать парню шанс и... — улыбается, — кажется, все прошло успешно. Аля часто хвалит его и...

— Катерина, ты понимаешь, что так нельзя поступать. Нельзя играть на чувствах друзей.

Я понимаю, что уже не хочу огурец. «Чем сильнее барахтаешься, тем крепче привязывают. Расслабиться и плыть по течению» — повторяю про себя как мантру. Кажется, я слегка покачиваюсь вперед-назад.

— Вот ей было неудобно тебе отказать и... — вдруг замолкает, подбирая слова.

—..И пришлось взять на работу душевнобольного, — заканчиваю я за него.

На самом деле, в нашей стране, как и в любой другой стране мира, дискриминация таких шизиков, как я, весьма развита. В мире, в котором я живу, не принято слушать шизиков, не принято разговаривать с ними, не принято брать их на работу и отстаивать их права в суде. Не принято смиряться, что один из них — твой сын.

Я смотрю перед собой, фокусируюсь на скором возвращении к своим испанским друзьям, которые ждут меня в моей квартире, на Алиной тонкой шейке, на ее восхитительном и безумно возбуждающем запахе. В последнее время я остро воспринимаю запахи, наверное, это компенсация за ухудшившееся зрение и вкусовые качества. А пахнет она действительно умопомрачительно, очень женственно. Вообще-то, я теперь каждый день мастурбирую на свои воспоминания. В том, чтобы быть психом есть свои плюсы — можно признаваться себе и окружающим в низких вещах и не чувствовать при этом вины или смущения.

Я бы сказал о своих мыслях вслух, но за столом сидит моя мать, а при ней я всегда буду смущаться, насколько сумасшедшим бы ни был.

Я редко слышу, как мама разговаривает, еще реже — когда обращается ко мне. Просто, в некоторых случаях дети не достойны материнской любви. Это нормально.

— А почему бы нам всем не сходить, например, в кино сегодня вечером? Позовем Алю с собой. Заодно я спрошу ее про нашего Олега.

Идея отца кажется восхитительной, поддерживают ее все, особенно дети. Разумеется, фильм выбирается мультипликационный. К слову сказать, та самая едва не утонувшая девочка выжила, мне очень повезло, что на моей совести в глазах окружающих осталась всего лишь одна смерть.

* * *

Аля

Вероятно, лишь я одна в нашем городе не имела никакого понятия о фамилии Баль. Николай Николаевич Баль — известный хирург и профессор на какой-то там кафедре, его жена — Инна Викторовна — гинеколог и тоже преподаватель.

Катя, которая с детства падала в обморок от вида крови, ни в какую не хотела идти в медицинский, зато вышла замуж за стоматолога. Думаю, это тоже считается. Поискав кое-какую информацию, я выяснила, что Олег Баль сдал вступительные в числе лучших, всегда учился на отлично и подавал огромные надежды. Но потом, по какой-то непонятной причине, совершенно неожиданно для всей семьи, выбрал специализацией психиатрию. Разумеется, это был удар ниже пояса. Родители в панике всеми силами пытались вернуть сына на путь истинный, но он сказал, как мне объяснила Катя, «кто-то должен выполнять эту работу. Пусть это буду я, раз никого лучше на курсе не нашлось». Женился в двадцать лет на одногруппнице украинке АLINE Иванчук, и уехал с ней в Киев, где продолжал доучиваться, пока не случился «тот самый роковой день», как было написано в одной из газет того времени.

Погода не особо радовала, но хотя бы не бил тот самый порывистый ледяной ветер, заставляющий людей бегом передвигаться по улицам всю прошлую неделю.

Накрапывал дождик, но в грязных лужах уже начинали отражаться весенние лучики. Жители города с нетерпением ждал весну, щеголяя без шапок и перчаток, тем самым показывая, что к массовому оголению давно готовы.

Приглашение БалеЙ сходить вместе в кино поначалу сильно удивило, но, в конце концов, почему бы и нет? Заодно будет возможность пообщаться с Олегом в неформальной обстановке. В офисе в последнее время мы крайне редко сталкивались. Он успевал поработать с моим компьютером до того, как я приходила на работу, уходил так же старался до меня или после. Кроме того, на мои плечи навалилось так много работы, что не хватало сил даже вникнуть в гуляющие по офису сплетни, вероятно, эпицентром которых были мы с Балем... Пересуды меня не беспокоили, а вот то, что я стала слишком мало спать — весьма. Видимо, мой недосып и постоянные стрессы отразились на внешнем виде, так как один раз кто-то, а я догадываюсь, кто у нас в компании самый главный врач, оставил на моем столе упаковку Глицина.

Засос прошел полностью, уже через неделю он превратился в бледное пятно, а через две и вовсе не осталось ни следа.

Впрочем, как и от ощущения, что мы сделали что-то мерзкое или неприемлемое.

При родителях Олег упорно молчал, стараясь делать вид, что его с нами нет. Он не хотел ни колу, ни поп-корн, ни конфет. Ему было безразлично, на какой фильм идти и с кем рядом сидеть. По странному стечению обстоятельств, я оказалась единственной, кто был рад сидеть рядом с ним, это было заметно, когда Катя распределяла купленные билеты.

Профессор со своей женой вели себя совершенно не так, как должны вести себя... профессор со своей женой. По крайней мере, в моем понимании. Высокий седовласый мужчина с прямой осанкой и квадратными очками, изысканно одетая слегка полноватая пожилая женщина, на которую, кстати, был очень похож Олег, вместе со мной и Катькой гонялись за детками, кидались поп-корном, смеялись, соревновались в игровых автоматах и охотно фотографировались. Развлечения казались безумно веселыми, но Олег упорно не принимал участия ни в чем подобном. Он стоял поодаль и рассматривал проходящих мимо людей, словно стеснялся показать, что он с нами. Одет был в свои неизменные бледно-голубые джинсы, но,

правда, в новую темно-синюю рубашку с длинным рукавом. Дети с ним совсем не общались, как будто у них не было дядюшки.

— Могу я поговорить с Эм? — украдкой спросила я, подходя.

Олег кивнул и качнул головой влево, видимо, воображаемая девушка стояла там.

— А ты бы не мог переводить? Помнишь, я не говорю по-испански.

— Если честно, я тоже уже плохо говорю, многое забылось. Но, думаю, общий смысл передать смогу. О чем ты хотела поговорить с Эм?

— Ты же ей рассказал о том, что случилось на вечеринке?

Олег кивнул.

— Я хотела узнать, что она об этом думает.

— Она, — прочистил горло, — она понимает русский. Но говорит только по-испански. Я не буду переводить твой вопрос.

— Хорошо, мне все равно.

— Эм говорит, что не помнит, когда я в последний раз так хорошо спал и...был так счастлив, — стиснул губы и раздраженно посмотрел в сторону, где якобы стояла Эм, словно, действительно не хотел делиться этой информацией. Боже, у него в голове полный бардак, раз он смущается собственных слов, говорит то, что не хотел бы.

— Кажется, Эм сдала тебя с потрохами, — качаю головой.

Он пожал плечами.

В кинотеатре я сидела от него слева, далее Катя, ее муж, потом дети и их бабушка с дедушкой. Наверное, мультфильм был веселым, но я не особо следила за сюжетом.

За пять минут до начала мне позвонил Дима и ледяным официальным тоном попросил, чтобы мы подготовили версию для передачи к четвергу. Он еще ни разу не связывался со мной первый после разрыва, и...лучше бы и вовсе не связывался. Голос был исключительно деловым, никакого намека, что мы пять лет были вместе, ни остатка от былых теплых чувств. Разболелась голова. Я сидела в кинотеатре и думала, что если сейчас пойдет кровь, то мне придется быстро бежать, чтобы не запачкать никого. На всякий случай достала салфетки.

Его руки, скорее всего холодные, лежали на его коленях. Безумно заманчивые, прохладные большие руки. Я несколько минут неотрывно смотрела на них, потом, не в силах сдерживаться, погладила тыльную сторону его ладони. Я была права, рука оказалась ледяной.

— Можно? — спросила я шепотом.

Олег кивнул и положил ладони мне на лоб и щеки. От удовольствия я прикрыла глаза, еле сдерживаясь, чтобы не застонать. Через какое-то время, он принялся массировать виски, и снова это было восхитительно. Чувствуя себя наркоманкой, получающей запретную, но безумно желанную дозу, я убрала перегородку между креслами и облокотилась ему на грудь. Олег чуток подвинулся, чтобы нам было удобнее, и продолжил расслаблять меня. Его руки массировали мою голову, стягивая волосы, почти до боли, но от этого становилось только

легче. Потом он перешел на плечи, на руки. По очереди размял мои ладони. Внезапно посетило совершенно идиотское желание залезть к нему на колени, почему-то казалось, что он не удивился бы и не подумал обо мне плохо.

— Тебе нравится прижиматься ко мне, да? — спросил он шепотом. В этот момент главный персонаж, зайчик с большой морковкой в лапах, убежал от волка под громкие аплодисменты деток.

Я промолчала.

— Мне кажется, тебе очень нравится, — ответил он за меня, — правда, я пока не понял почему.

— А тебе нравится? Когда я прижимаюсь.

— А ты как думаешь? — он положил мою ладонь на свою ширинку.

— Ты сейчас опять...? — растерянно прошептала я, ощупывая его желание.

— Надеюсь, что нет. Я бы не хотел выглядеть гадко перед матерью.

— Значит, на свете все-таки есть человек, которого ты стесняешься?

— Значит, есть. Только, если ты не прекратишь, меня и это не остановит.

Я замерла, понимая, что глажу его, убрала руку.

Я лежала у Олега на груди, а он обнимал меня. Со стороны мы были похожи на влюбленную парочку. Смотрели идиотский мультфильм, думая друг о друге. Мне хотелось, чтобы он продолжал меня трогать, не ограничиваясь плечами и ключицами. В зале было темно, я очень надеялась, что никто не обращает на нас внимания, хотя, Катя, сидящая рядом, часто поглядывала расширенными в ужасе глазами, перешептывалась с мужем.

Мои соски ныли от необходимости, чтобы он к ним прикоснулся. Я мечтала о поцелуе в шею, таком влажном, чувственном, о касании его горячего языка. Почему в тот момент мне показалось, что в его ласках было что-то детское? Олег — взрослый мужчина, который, к тому же, был когда-то женат. Да, он сейчас адаптируется к нормальной жизни, но...у него получается, не так ли?

Я перекинула волосы на левую сторону, приспустила кофту, оголяя правое плечо. Он тут же наклонился.

— Только поцелуй, окей? — прошептала. Он кивнул и начал ласкать, слегка посасывая. Нежно и очень чувственно, широко открывая рот, облизывая мою кожу, впиваясь в нее, но тут же отпуская. И снова. Пришлось поежиться на стуле от внезапного острого дискомфорта.

Положил ладонь на мою ногу, провел пальцами к бедру, слегка надавливая.

— Видите себя прилично! Тут полный зал детей! — прошипел мужчина справа от Олега. Тот вздрогнул, дикими глазами посмотрел на соседа, потом на меня. Вытер ладонью свою слюну с моей кожи, подтянул кофту, но руку положил обратно на мои стиснутые колени.

— Кажется, это не лучшее место, — прошептал он.

— Почему мне так приятны твои ласки? — ответила я вопросом, тяжело дыша, понимая, что

безумно хочу этого мужчину.

— Все мы слегка извращенцы, — прошептал в ответ, доставая из кармана свой вибрирующий телефон, — мне пора принимать лекарства. Не скучай.

Поднялся и аккуратно протиснулся к выходу, ушел. Катя тут же протянула мне свой мобильный, на экране которого было написано: «Так это правда? Вы с ним спите?» Я отрицательно покачала головой и растерянно пожала плечами, думая о том, что мы «пока» с ним не спим. А если быть до конца честной, то о том, какого это спать с ним?

Фильм закончился минут через десять, и мы всей гурьбой забились в небольшой ресторанчик в развлекательном центре. Профессор с женой, кажется, не заметили нашего милого петтинга с их сыном, они весело обсуждали с детишками меню, выпытывая у официантки подробности составов блюд, Катя с мужем спорили насчет салатов, а я единственная не могла понять, почему никто не спрашивает, где Олег. Наконец, озвучила этот вопрос.

— Он принимает лекарства, — ответил Николай Николаевич, — скорее всего, приходит в себя в туалете.

— Приходит в себя? — переспросила я.

— Да, в течение первых тридцати минут наступает сильная вялость и апатия, потом проходит.

— Так нужно пойти помочь ему! — подскочила со стула, думая о том, в каком из мужских туалетов мог приходиться в себя Олег.

— Да сиди ты, он в порядке. Он каждый день несколько раз через это проходит.

— А ему обязательно принимать эти таблетки?

— Обязательно, — вздохнул профессор, — иначе болезнь начинает прогрессировать. И вообще, раз уж мы коснулись этой темы, — положил руку поверх ладони своей жены, которая хотела его перебить или одернуть. Женщина закрыла рот, опустила глаза, — я очень удивлен, что ты доверяешь ему столь ответственную работу. Я очень люблю своего сына, но я не могу не признавать очевидного. Он мыслит намного медленнее обычного среднестатистического человека.

— Я знаю его способности, скоро год, как он работает под моим руководством. И я бы не сказала, чтобы у меня накопилось много претензий к его работе. Конечно, ему еще учиться и учиться, но ребята помогают. Я думаю, что вы зря списываете его.

— Мне просто не хотелось бы, чтобы твой бизнес пострадал из-за его ошибки, в которой его нельзя будет обвинить. Ты понимаешь, о чем я? Работа Олега — целиком и полностью твоя ответственность, никто не может за него поручиться, да и он сам не может.

— Я понимаю все риски, я перепроверяю качество выполненных им заданий. Но, как мне кажется, с тех пор, как он устроился к нам — ему становится лучше.

Глаза Кати, сверлившие на мне дыру в течение всего вечера, снова округлились, кажется, она подумала о том, что я не увольняю ее брата исключительно из личной симпатии. Потому что мне нравится спать с ним. Похоже, эта мысль посетила нас обеих одновременно, потому что мы обе покраснели и отвели глаза.

Олег действительно появился минут через десять, сел на углу стола, открыл меню. Никто не отреагировал на его появление, только Инна Владимировна погладила сына по руке, кажется, с нежностью. На что он кивнул и слегка улыбнулся.

— Как ты себя чувствуешь, сынок? — тихо спросила она.

— Как пациент Ясперса, — натянуто очень широко улыбнулся, — таблетки как ничто другое помогают мне раскрыть страдающую душу для понимания и помощи, — бесцветным тоном пробубнил, листая страницы с фотографиями блюд и напитков. Я особо ничего не поняла из речи мужчины, но судя по выражению лиц профессора и его жены, она (речь) имела некоторый смысл.

— Я думаю, что тебе достаточно помогают, кроме того...

— Я тоже так думаю, — неестественно громко согласился он, — как говорил Кьеркегор, страх — это головокружение свободы, только во время страха проявляется истинное существование. Что ж, я могу утверждать, что благодаря «помощи» я, наконец, познал себя. Чего никогда и никому не пожелаю.

— Я всегда говорил, что твое увлечение экзистенциализмом до хорошего не доведет, — нарастающим голосом произнес профессор.

— Теперь я с тобой согласен. Одно дело подозревать, что с тобой что-то не так, другое — знать абсолютно все о том, что с тобой происходит, и как тебя от этого лечат. Знание не всегда бывает во благо.

— Какие таблетки ты сейчас принимаешь?

— Гуманизм — основа нашего бытия, отец, — не ответил на прямой вопрос Олег, кажется, он кого-то цитировал. — Надеюсь, когда-нибудь она станет основой моей профессии.

— У тебя нет профессии. В любом случае, копаться в чьей-то голове — это не профессия, это придурь.

— Намного проще разрезать и зашить, или же напичкать таблетками и забыть, — горячо возразил Олег и замолчал, резко захлопнув рот. Пару минут они с отцом смотрели друг на друга, выпучив глаза. Олег первый опустил свои и ссутулился, зависнув взглядом на одной точке. Было впечатление, что он потерялся между своим собственным внутренним миром и реальностью.

— Олег, Олеее, — позвала я, коснувшись руки, но он не отреагировал.

— Оставь его, — махнула рукой Катя. — Скоро придет в себя. Давайте уже спокойно поедим, — и обратилась к детям, — какой момент в мультике вам больше всего понравился?

Пока те наперебой рассказывали свои версии, несколько дополненные и приукрашенные, я смотрела на Олега, который, так и не шевелился, лишь изредка медленно моргал. С трудом поборол острое желание поводить ему рукой перед глазами, побоявшись, что этот жест может быть воспринят как издевательство над больным человеком.

Через какое-то время он вернулся в наш мир, удивленно оглядел присутствующих, затем попытался вникнуть в тему разговора, но слушал рассеянно, ничего не комментируя, в конце концов, сухо попрощался и пошел домой.

— Не нравится мне, что он живет один, — вздохнула жена профессора, провожая сына взглядом. Поджала губы, когда тот остановился, что-то сказал воздуху, потом дернул воздух как будто за руку и потащил к выходу.

— Он действительно кого-то видит, или притворяется? — робко поинтересовалась я.

— Думаю, никто этого точно не знает, но нейролептики должны блокировать голоса и галлюцинации. Хотя, может, и они уже не помогают, — вздохнула женщина.

— А вы не хотите поговорить с ним по душам? Спросить напрямую?

— Я пробовала много раз. Он отвечает туманно, в духе своих философских теорий, которые его и погубили. Тот же Ясперс считал, что достижение предела бытия и мышления прозревается человеком в пограничных ситуациях, таких как страдание, борьба, смерть... Иногда мне кажется, что Олег решил провести эксперимент над собой, познать свой предел...

— Что ты несешь, Инна! — рявкнул профессор, — хочешь сказать, что он специально убил Алину, чтобы через свои страдания подтвердить или опровергнуть эту, без всяких сомнений, лжетеорию? Жаль этого философа нацисты не расстреляли, когда еще была возможность!

— Там была ошибка, да? Он ошибся в дозировке лекарства для Алины, так? — решила, что самый момент все узнать из первых уст.

— Давайте не будем об этом! — воскликнула Катя. — Мы уже пережили этот кошмар четыре года назад, сейчас только-только все стало хорошо. Не знаю как вас, но меня вполне устраивает сложившаяся ситуация. Олег работает, тянется к людям, — она многозначительно посмотрела на меня, — только, я бы не хотела, — продолжала смотреть, — чтобы он подвергся еще одному стрессу, понимаешь? Хватит ему уже испытывать «свои пределы».

Мне ничего не оставалось, только кивнуть. Кажется, родители Кати решили, что мы говорим сугубо о работе, что было большим облегчением.

Беда Олега наложила отпечаток на всю семью. Его трагическая ошибка в расчете дозировки лекарства, затем болезнь нанесли колоссальную травму Балям, на долгие годы оставляя рану открытой, нерв оголенным. Невозможно делать вид, что ничего не случилось, и обсуждать несчастье до сих пор невыносимо сложно. Было очевидно, что Бали не представляют, как вести себя со своим сыном или братом, а он не знает, как выстраивать отношения с ними. Наблюдая за их неловкостью, за спорами и даже короткими вспышками агрессии, я размышляла, почему мне всегда с ним так легко и уютно. Как будто бы я провела десятки, сотни часов в его объятиях, наизусть зная свои ощущения от прикосновений его рук, его губ. Знала и нуждалась в них.

* * *

Слухи, долгое время ничем не подпитываемые, имеют свойство переставать обсуждаться. К сожалению, это был не мой случай.

В нашей, в своем большинстве мужской компании на меня обращали внимание многие мужчины, это было заметно. Это было приятно и совершенно нормально. Мне делали комплименты, улыбались, даже шутили — само собой, в пределах разумного. После того, как я рассталась с Димой, кавалеры стали проявлять намного больше активности. Приглашать на свидания, дарить подарки. Подобные ухаживания со стороны мужчин очень льстили, но не больше. Никто из моих коллег не расценивался мной как потенциальный любовник, боже

упаси, муж. Многих это, к сожалению, обижало. А тут такая сплетня! Служебный роман, да еще с кем! С сумасшедшим!

Признаюсь, стоя на ковре перед своим непосредственным директором, самый главным человеком в компании, я растерялась.

— Пойми, это совершенно не мое дело, но я должен знать, что происходит в моей фирме, — говорил Сергей, — работа Баля меня удовлетворяет, особых претензий к нему нет. Скажу больше, мне доставляет некое удовольствие понимание того, что мы помогаем человеку, от которого все остальные отвернулись. Не буду скрывать, иногда на совещаниях с потенциальными клиентами я упоминаю Олега, если разговор заходит о миссии компании, но... Я бы не хотел, чтобы руководитель важнейшего для меня направления завалила проект из-за связи с душевнобольным.

Внутри меня все словно оборвалось. Вероятно, я покраснела и побледнела одновременно, другими словами, пошла пятнами. Обсуждать личную жизнь с начальством было ужасно. Крайне неестественно и неловко. Я смотрела на своего директора и чувствовала себя нашкодившей школьницей.

— Мы просто друзья с Олегом, никаких романтических отношений между нами нет.

— Я думаю, что иметь романтические отношения с шизофреником крайне странно. Ты такая привлекательная девушка, Алечка, половина нашей фирмы у твоих ног, а вторая половина это скрывает, потому что женаты, и я в том числе, — подмигнул, — думаю, что тебе нет необходимости тратить свое время и рисковать репутацией из-за сомнительных отношений.

— Я думаю, что Вас не касается, с кем я завожу отношения, так как это происходит вне рабочего времени....

Наш разговор растянулся на целый час, директор рассказывал случаи из своей жизни, приводил примеры несчастных служебных романов. Далее мы обсуждали шизофрению и фильм «Игры разума», талант Рассела Кроу в частности... Потом снова переключились на сплетни о нас с Олегом, в конце концов, мне пришлось сказать:

— Я Вас уверяю, мы с ним просто друзья. В любом случае, из-за таблеток он не может... ну, Вы понимаете, — честно слово, я такое не придумала, кто-то где-то говорил мне...

— Да? — удивился Сергей и удовлетворенно рассмеялся, — признаюсь, на какой-то момент я действительно поверил, что у тебя с ним что-то может быть.

А потом, вдруг, добавил:

— Что делаешь в пятницу вечером?

* * *

В пятницу вечером, в самом конце рабочего дня, когда все ушли домой, Олег делал мне массаж, а я, уткнувшись лбом в ладони, отдавалась его рукам, получала несравнимое удовольствие и... корила себя за болтливость, за то, что обсуждала Олега с директором, что рассказала лишнего, тем более, неправду.

— О чем ты думаешь? — словно прочитал мои мысли, — расслабься. Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Тебе не кажется, что наши отношения очень странные, — осторожно произношу я, прокручивая в голове слова директора. — Я могла бы сейчас ужинать с Сергеем, а ты... думаю, тебе тоже есть чем заняться вечером, тем более, завтра выходной. Но ты пришел ко мне и... я отменила ужин, чтобы побыть с тобой. Но... между нами ничего нет, и, не будет.

— Тссс, — шепчет он, расстегивая пуговицы на блузке и раздевая меня до дозволенного ему максимума. Я снова не против. Откидываюсь на стуле, повинуюсь его желанию. Он массирует ключицы и верхнюю часть груди, смотрит очень внимательно. — Я считаю, что любые отношения между мужчиной и женщиной, в принципе, странные. Эталона, к которому следует стремиться, не существует, — говорит.

— У каждого есть свой эталон.

— Это миф, который, к тому же, делает людей несчастными, если в него поверить. Например, ты. Тебе нравятся мужчины такие, как Дмитрий, Сергей: успешные, уверенные в себе. Твердо стоящие на ногах. Когда ты с ними, ты чувствуешь себя защищенной, хотя бы социально. Но хорошо тебе именно со мной, — проводит сомкнутыми ладонями между моих грудей. И почему-то мне кажется, что он не позволит себе лишнего, — ты тратишь время на меня, но не понимаешь почему. Тебя это раздражает, и ты мучаешься.

— И что ты посоветуешь мне сделать?

— Посоветую не заморачиваться и делать то, от чего тебе хорошо.

— А если завтра мне захочется провести время с Сергеем?

— Я думаю, что нужно делать то, что тебе хочется.

— Не всегда. А как же брак? Обязанности, верность?

— Ошо считал, что брак — это высшее оскорбление любви. А любить могут только те, чья потребность быть любимым исчезла. Вот ты. Ты хочешь любить, или хочешь, чтобы тебя любили?

Какой странный вопрос. Конечно же, мне хочется, чтобы... я задумалась.

— Для чего тебе нужен партнер в жизни? Чтобы заниматься с ним сексом? Чтобы родить ребенка? Чтобы он тебя обеспечивал? Родители перестали давить, что ты не замужешь?

— Заводить детей и семью — это правильно. Это нормально. Ты тоже был женат.

— Да, был. Аля, понимаешь, — он наклоняется и трется своей щекой о мою, — на тебя слишком давит общественное мнение. И я говорю это не к тому, чтобы ты была со мной. Заметь, я никогда не намекал на подобное. Всего лишь хочу, чтобы ты разобралась в себе и перестала страдать, поступая против своей природы. Занималась лишь тем, от чего ловишь кайф. И неважно, что это. Позволяешь ли ты себя трогать шизофренику, спишь с женщиной или тремя баскетболистами одновременно.

Я удивленно смотрю на него, наши глаза встречаются.

— Живи так, как тебе хочется. Это твоя жизнь, не экзамен, который нужно сдать. Здесь нет эталонов, нет правил. Никто не имеет права тебя судить или осуждать.

— Ты так живешь, да?

— Мы сейчас говорим не обо мне. Моя жизнь — это завал по всем предметам, если продолжать сравнение с сессией. Сейчас важно, как живешь ты.

— Почему тебе это важно? Почему ты тратишь на меня время?

— Потому что, — он быстро кладет свои ладони на мои груди и слегка сжимает, — ты разрешаешь потрогать сиськи, — широко улыбается.

Олег

Она смотрит на меня, улыбается:

— Олег, если я попрошусь сегодня поехать к тебе, ты подумаешь, что я хочу с тобой переспать? — спрашивает.

— Разумеется, — отвечаю я, возвращая руки к ее голове, массируя виски. Она блаженно закрывает глаза и откидывает голову. Рот слегка приоткрыт, блузка расстегнута, сквозь кружевной белый лифчик можно разглядеть ореолы сосков. Мой рот снова переполнен слюной, а член стоит колом.

— А если я скажу, что хочу поехать к тебе, но не хочу с тобой спать?

— Я тебе не поверю, — отвечаю, проглатывая комок в горле.

— А если я поеду к тебе, будут спать рядом с тобой, но буду пресекать любые твои попытки заняться со мной сексом?

— Хочешь узнать, изнасилую ли я тебя тогда?

— Да. Ответь.

— Нет, не изнасилую. Я не думаю, что получил бы от этого удовольствие.

— Тогда можно я поеду к тебе?

Ее небольшая машина без труда находит место на парковке возле дома, где я снимаю квартиру. По пути я сообщаю, что из еды у меня только зеленый чай и орехи, поэтому мы заезжаем в супермаркет.

В прихожей Аля разувается, проходит в единственную комнату, которая является и спальней, и гостиной, хотя, я редко принимаю гостей, точнее, два раза, когда приезжала сестра. Изучает обстановку: диван с небраным постельным бельем, письменный стол, на котором лежат мои блокноты, книги и аптечка, далее шкаф и тумбочка для телевизора, правда, без телевизора. Кивает, идет на кухню. Пару секунд рассматривает содержимое холодильника, после чего произносит:

— А говорил только орехи и чай! Тут еще молоко и яйца есть!

Пожимаю плечами, дескать, извини за наглую ложь, ставлю пакеты с едой на стол.

Пока Аля готовит ужин, я смотрю на ее стройную фигурку, представляя свои руки на ее попке.

Кажется, за полгода я научился понимать эту девушку, поэтому ее желание поехать ко мне не особо удивило. Удивило, конечно, но не шокировало, как могло показаться изначально. По какой-то причине она меня слушает. Слушает, что я ей говорю. И верит. Никогда не думал, что смогу одновременно быть шизофреником и примером для кого-то.

— Иногда мне кажется, — говорит она, — что я сошла с ума. Ты только не подумай, я не смеюсь над тобой. Просто, я как робот изо дня в день выполняю определенный алгоритм действий, кручусь как белка в колесе... У меня нет даже минуты сесть и подумать, для чего я все это делаю.

— Подумай сейчас. Мне, кстати, нужно выпить таблетки.

Делая вид, что съедаю дрянь, не могу не улыбнуться. Давно я не позировал перед кем-то. Затем иду в ванную и смываю нейрорептики в унитаз. Умываюсь.

На столе меня ждет ужин, а точнее, омлет с ветчиной и сыром, мягкий белый хлеб, подогретый в микроволновке, и чай.

— Тебе же можно есть после таблеток?

Киваю. Мне всегда можно есть, особенно, если так вкусно пахнет. Ужинаем мы молча, после чего она спрашивает:

— Может, посмотрим перед сном фильм? Скачай что-нибудь с торрента. Я пока схожу в душ.

В душ я отправляюсь сразу после нее, затем сообщаю, что фильм докачался. Она одета в мою футболку, которая, к моему сожалению, прикрывает все интересные мне места. Впервые в жизни хочу быть пониже.

— Ты спал здесь с женщиной? — она указывает на диван.

— Если ты хочешь, я поменяю постельное белье. Оно третий день, — иду к шкафу.

— Олег, ты спал на нем с женщиной?

— Нет, я спал один. Ну... с Эмилом.

— Эммм, ладно, с Эмилом не считается, — залазит под одеяло. Ждет меня. — А почему с Эмилом, почему не с Эм?

— Я не настолько сошел с ума, — говорю, — чтобы придумать себе женщину и спать с ней.

Включаю фильм, ложусь рядом с ней, обнимаю, прижимаю к своей груди, не удерживаюсь и целую в лоб. Чувствую, как ее пальчики касаются моей груди, вызывая приятные покалывания на коже, легкую дрожь тела от охвативших меня эмоций. Как тогда на корпоративе, только сильнее, ярче. Одна возникающая перед глазами фантазия заманчивее другой, новое желание слаще предыдущего. Перспектива опьяняет, ощущений вполне достаточно, чтобы почувствовать себя центром Вселенной, словно сама жизнь закрутилась вокруг меня, а не я вокруг жизни, как обычно бывает. Наверное, я начинаю снова понимать, как это, быть личностью, а не тенью без права голоса.

— У тебя очень жесткий диван, — отвечает, — теперь будем спать у меня.

* * *

— Тебе нравится этот фильм? — спрашивает через какое-то время.

— Если честно, то перед моими глазами только картинки о том, как я тебя трахаю. Я смотрю их.

Хихикает.

— Думаю, у тебя фильм интереснее.

— Не то слово, — вздыхаю.

* * *

У Али большая трехкомнатная квартира с огромной лоджией и удобной кроватью в спальне. Мне очень нравится лежать в ее глубокой ванне, правда, она периодически заглядывает убедиться, что со мной все в порядке. На мои шрамы на руках она отреагировала спокойно, только спросила, почему резал по вдоль, а не поперек, на что сказал, что хотел наверняка, а не привлечь внимание.

Уже два месяца, как я живу у нее. Мои вещи лежат в одном из ее многочисленных шкафов, где мне выдели несколько полок, мои ежедневники и лекарства — в прикроватной тумбочке с моей стороны, и кешью всегда имеются в вазочке на кухне. Теперь у меня всегда под рукой есть кешью, даже если я забыл их купить. Аля никогда не забывает. Три раза в неделю она занимается йогой, смотрит урок он-лайн. Мне безумно нравятся ее обтягивающие черные штанишки и белая маечка, ее розовые носочки. У Али впечатляющая растяжка, она может вставать в такие позиции, что мне и не снилось. Обычно в это время я сижу или лежу на диване и неотрывно за ней наблюдаю. Любуюсь. Сначала ее это смешило, потом раздражало, но вскоре она привыкла, даже звала составить ей компанию, но я не стал. Мне больше нравится наблюдать.

* * *

После того, как я стал жить у нее, а это случилось после ночи, когда она осталась у меня, для Али на работе начался настоящий кошмар. Сплетни не просто летали, они бронебойной машиной на тяжелых гусеницах, скрежета и скрипя, бороздили из кабинета в кабинет. При моем или ее появлении коллеги сразу замолкали и опускали глаза, сдерживая улыбки... лучше бы они продолжали говорить.

Мне стали задавать слишком много вопросов, кажется, большинство мужчин мне завидовало. Они хотели знать какая Аля в постели, делает ли она минет, позволяет ли анальный секс, они хотели, чтобы я все это им рассказывал, смакуя подробности. Как никогда жаждали общения со мной, особенно в курилке, где набрасывались, как только я заходил, чуть ли не прижимая к стенке.

— А это правда, что у нее не своя грудь?

Я молчу, делаю вид, что не слышу, что погружен в свои глубокие «ненормальные» мысли.

— Признайся, она же любит, чтобы ее унижали в постели. Все бабы-руководители это любят.

Стараюсь на смотреть в сторону говорящих, понимаю, что сильно раздражаюсь. Мне не нравится, когда при мне говорят об Але в таком тоне.

— Олег, ну имей совесть, дружище! Не будь таким придурком, признайся, у нее сто процентов есть какое-нибудь отклонение!

— Отклонение? — переспрашиваю. Народ тут же оживляется, засыпает меня вариантами. Оглядываю мужчин, не понимая, почему их это так волнует.

— А мне кажется, она в постели бревно бревном! Хотя, я бы ее трахнул.

— Задница у нее что надо...

Понимаю, что врезать по морде — нормальная реакция любого здорового мужчины, когда при нем оскорбляют его женщину. Понимаю, что если я сейчас это сделаю, меня будут считать буйным психом, могут вызвать скорою, могут проверить кровь и понять, что я не принимаю лекарств... Если же я спущу на тормозах, то подтвержу, что я тряпка, тем самым разрешая не считаться со мной. Чувствую, как обстоятельства зажимают меня в тиски, от густого сигаретного дыма становится дурно.

— Олег, брат, ну не молчи! Скажи что-нибудь! Может, дашь пару советов, как затащить ее в койку? Я бы уж точно смог заставить ее почувствовать себя униженной по полной программе! — смеются, изображая гадкими жестами, чтобы они хотели сделать с моей Алей.

— Я знаю, — говорю, не выдерживая, — что подавляющему большинству мужчин сложно подчиняться женщине, сложно признавать ее превосходство, поэтому подобные вопросы и имеют место быть. Особенно, если она молода и привлекательна. Унижая старшую в должности женщину, обсуждая между собой обстоятельства, в которых вы могли бы доминировать, становится легче смириться с собственной слабостью...

Меня с размаху прижимают к стене, сигарета падает из рук.

— Придурок, — шипит Илья, я чувствую его слюни на своем лице, — ты что такое несешь таким умным тоном?!

— Прекратите немедленно!

Нас пытаются разнять. Получается. Я держу руки перед собой, как обычно показывая, что не собираюсь ничего делать...

Мне везет, так как большинство мужчин не стало бы бить неполноценного, коим меня считают.

Больше я не курю, только утром и вечером на балконе Али.

Через некоторое время коллеги, убедившись, что я никому ничего не собираюсь рассказывать, перестали мучать вопросами. Это случилось резко, в конкретный день, я даже могу назвать дату, если потребуется, потому что в этот же самый день надо мной стали посмеиваться, так как кто-то пустил слух о том, что я импотент. Многим, кому особенно хотелось затащить Алю в кровать, очень не хотелось верить, что я ее трахаю.

А еще, она позволяла мне себя обнимать. В офисе, разумеется, это было неуместно, но за пределами... Когда я хочу. Трогать ее, целовать ее щеки, руки, шею и плечи. Ласкать, прижимать к себе. Это было очень приятно. Надеюсь, ей тоже.

Аля не скрывала, что мы живем вместе, часто при всех уточняла, не забыл ли я дома ключи, а так бывало пару раз, когда она уезжала ужинать с партнерами или клиентами, а я часами у

входной двери ждал ее возвращения.

Или спрашивала, есть ли дома хлеб, что бы я хотел на ужин, просила что-нибудь купить. И прочее, прочее, прочее.

Наверное, моя истерзанная психотропными веществами нервная система постепенно восстанавливается, иначе, почему мне безразлично такое отношение?

Я позволял ей делать все, что она хочет. Она не хотела заниматься со мной сексом, — и я не настаивал, она хотела спать со мной в одной кровати — я тоже был не против. Я ласкал ее, потому что ей это нравилось, особенно, когда я целовал шею, но я не требовал, чтобы она трогала меня в ответ, потому что чувствовал, что ей этого не хотелось. Правда, Эмилю и Эм пришлось остаться в моей квартире, которую я продолжал снимать, понимая, что Аля может выгнать меня в любой момент, опять же, потому что ей так может захотеться.

Моя сестра была в бешенстве. Я слышал, как она ругалась с Алей по телефону, обвиняла ее в всевозможных извращениях, произнося слова, значения которых не знала. А я знал, и мне было неприятно это слышать. Катя думала, что Аля меня использует, вот только для чего — оставалось загадкой. Члены моей семьи часто забывали, что я был признан полностью дееспособным, в состоянии самостоятельно принимать решения. После одного из таких разговоров Аля заплакала, и у нее пошла кровь из носа, тогда я посоветовал больше не отвечать на звонки сестры.

Мне нравилось жить у нее дома, нравилось наблюдать за ней, нравилось прикасаться к ней, пользоваться ее мылом и ее шампунем. Мы жили вместе, но не были должны друг другу что-либо, мы, как и советовал Ошо, не требовали друг от друга любви, и это было ново для нас обоих. Мы строили идеальные отношения между мужчиной и женщиной, поступали только так, как нам нравится, и никогда не обижались.

Почему-то Аля была в восторге от моих изложений, которых за год накопилось пять блокнотов. Я начал писать, находясь еще в психбольнице, когда доктор, и, заметьте, без кавычек, посоветовал мне тренировать память таким образом. Каждый вечер, перед сном, я записывал все, что со мной случилось за день, плюс свои некоторые мысли и наблюдения по этому поводу. Из этого упражнения можно было извлечь много плюсов, например, утром, прочитав такой текст, я точно мог сказать, что случилось вчера, не боясь, что что-то забыл. Данное понимание придавало уверенности в себе. Прокручивая в голове события дня, я еще раз обдумывал свое поведение, пытался определить, лучше мне или хуже. Ну и, разумеется, тренировал память.

Каждый вечер, укладываясь в постель, Аля открывала один из моих, как она говорила, «дневников», и принималась читать, как развлекательную книжку. Я не понимал, что она находит в этом такого уж интересного — обычная жизнь обычного среднестатистического слабоумного, но она читала взахлеб, не отрываясь. Иногда смеялась, зачитывая что-то вслух, иногда мне казалось, что она вот-вот заплачет. В такие моменты я не хотел знать, что именно она читает. За месяц она проглядела все мои изложения, а затем, каждую ночь, ждала очередную запись и тоже читала ее, иногда что-то обсуждая со мной после. Практически всегда она спрашивала, не против ли я. Ей казалось, что она вторгается во что-то личное. У шизиков не может быть секретов, — отвечал я, — каждый секрет шизофреника может стать причиной обострения, рецидива.

Единственная информация, которой не было в «дневниках», заключалась в том, что я давно не принимаю нейролептики, транквилизаторы и прочую психотропную дрянь. Только

натуральные снотворные и глицин. Причиной этого был страх, ибо никто в мире не должен был знать о моем самолечении. Иначе мне снова начнут колоть яд насильно.

Таким образом, Аля знала практически все о моей жизни. Ей казалось, что это очень трогательно, мне казалось, что это глупо. Я мог бы и так все рассказать, если бы кому-то в мире было интересно послушать.

Перед сном я всегда делал ей расслабляющий массаж. Начинал с головы, переходил на шею и плечи. Далее руки, очень тщательно, каждый пальчик. Потом спину, поясницу, ягодицы и ноги, заканчивая ступнями. Она говорила, что рождается заново, после моих массажей. Перед первым разом, я еще раз показал ей справку и напомнил о том, что у меня отобрали лицензию, лишив права, когда бы то ни было заниматься врачебной деятельностью. Я также объяснил, что целенаправленные внешние раздражения от прикосновений мои рук воспринимаются рецепторами кожи и мышц, рефлекторными точками, и передаются в центральную нервную систему. Что любой массаж оказывает некоторое влияние на человека, и при неумелых действиях массажиста, может закончиться печально, но она лишь нетерпеливо постучала ножками по кровати и попросила продолжать. Что я и сделал.

Ей нравилось думать, что от нее зависят наши отношения, а мне просто нравилось к ней прикасаться.

* * *

Я не предполагал, что наша связь может зайти далеко, с тех пор, как мою голову захватили бесы, я перестал строить планы на будущее, но в тот раз, когда она не пришла ночевать, я понял, что сгораю заживо.

Я прождал ее всю ночь, но она так и не появилась. Я добирался с работы до дома один, так как Аля собиралась ужинать с Сергеем, ее директором, потом написала мне смс: «не жди меня». Но я не мог не ждать. Я ходил из угла в угол, смотрел в окно, вертел в руках телефон и жутко нервничал.

Взглянув со стороны на свое поведение, я понял, что ревную.

Теория Ошо, разумеется, великолепная, она идеально правильная и честная, но... Он не подумал, что делать с мужскими инстинктами, такими как чувство собственности, желание обладать женщиной, не позволять никому из других самцов прикасаться к ней.

Тут уже не думаешь ни о каких там: это ее выбор, я не имею права менять человека, я должен принимать ее такой, какая она есть... Тут хочется просто свернуть шеи, обоим!

А грудь изнутри сдавливается так, что хочется кричать. Или выть. Или сделать себе больно, чтобы перебить неприятные ощущения. Или отключиться.

Я достал из портмоне нейролептики, вытащил пару таблеток — знакомый щелчок упаковки, и несколько минут смотрел на них, неотрывно.

Здравствуй, рецидив.

На вкус они сладковатые, — какой-то придурок догадался добавить в дрянь ароматизатор, чтобы психи думали, что глотают конфетки. Ну, те, кто еще пока что-то ощущает. Запивать следует большим количеством воды. Через десять минут, после попадания внутрь, дрянь уже поступает в мозг, почки и печень. В другие органы тоже, но в меньших количествах. Меня

интересует мозг. Практически мгновенная блокировка дофаминовых рецепторов. Другими словами, мозг частично отключается, мир воспринимается через мутную призму, тормозит. Агрессия, страх, нервозность действительно пропадают, но, увы, вместе с тем происходит нарушение способности мышления и моторных навыков. Превращение человека в овощ.

Зато нет никаких мыслей в голове. Нет, вру, есть одна. Словно тебе нужно сделать что-то важное, что-то срочное и жизненно необходимое, но ты забыл что именно. Ощущения, что мысль где-то рядом, что еще чуть-чуть, и ты поймаешь ее за хвост, поймаешь и поймешь, что тебе нужно сделать. Но бесполезно. Ты, подобно коту, прыгаешь на добычу, но маленькая серая сволочь каждый раз успевает выскользнуть из-под когтистых лап, как бы близко ты ни был, как бы тщательно не подкрадывался.

Я спустил таблетки в унитаз и лег на диван, более не имея желания спать рядом с ней. Наверное, я все больше превращаюсь в себя самого, раз начинаю испытывать подобную брезгливость.

Увиделись мы только на работе следующим днем. Она была в той же одежде, что и вчера, хотя я знаю, что она терпеть такого не может. Увидев меня, Аля опустила глаза, я тоже отвернулся. Больше в течение дня мы не общались.

Ужинали дома молча. Я не спрашивал, потому что не хотел знать подробностей, она не рассказывала, щадя мои чувства. Я написал свои изложения, взял подушку и пошел спать на диван. Свет в спальне горел еще некоторое время, потом она его погасила. И пришла ко мне.

Пару минут сидела рядом, наблюдала за тем, как я имитирую глубокий сон, с помощью медленного размеренного дыхания и расслабленного лица, прикрытых век, потом сказала:

— У меня с ним ничего не было. Мы попали в небольшую аварию и полночи сидели в ГИБДД, я не стала тебе писать, чтобы ты не переживал за меня.

Хорошо, что я шизофреник, иначе я бы испытал к себе отвращение, так как, услышав, что она попала в аварию, а не занималась сексом, почувствовал облегчение. Правда, на одно мгновение, потом резко сел. В коридоре горел свет, поэтому я мог видеть ее лицо, даже выражение глаз.

— Ты ударилась? Ты ездила в больницу? — выпалил я, хватая ее за скулы и вглядываясь в глаза.

— Да, да, ездила. Все в порядке, нас просто «догнали» и слегка подтолкнули...

— Голова не болит? Не кружится, не тошнит? Точно? — мне хотелось прощупать все ее тело, чтобы убедиться, что с ней действительно все в порядке.

— Тебе нужно было спросить, где я была, раз это так сильно тебя волнует, — сказала она, убирая за спину растрепанные по плечам пышные волосы.

— Мы же договорились, что никаких требований и никаких обид.

— Но ты обиделся.

— Это лично мое дело, не забивай голову.

— Мне приятно, что ты обиделся, — провела рукой по моей щеке, очень нежно улыбаясь,

смотрела как будто с благодарностью. Кажется, я опять забываю моргать.

— Олег, мне иногда кажется, что ты большой ребенок. В эти моменты мне становится не по себе, понимаешь? Ты мне нравишься, но...

— Аля, я не ребенок, — терпеливо объясняю. — Просто из-за нейрорептиков моя реакция несколько заторможена. Я трачу на обдумывание мысли в несколько раз больше времени, чем нужно здоровому человеку. Иногда, я понимаю, о чем был разговор только спустя несколько часов.

— Я знаю. Твоя прямота, твои рассуждения... твоя непосредственность — все это обезоруживает, понимаешь?

— Твой друг сказал, что быть с душевнобольным то же самое, что быть с ребенком? — спросил прямо, продолжая читать в ее глазах ответы на свои вопросы раньше, чем она успевает что-то сказать.

— И он, и Катя, и Нина, и Света... Они все относятся к тебе хорошо, но никто не одобряет моего влечения. Ты меня младше.

— На четыре года. И только. Аля, у меня могут случиться зрительные или слуховые галлюцинации, я могу не успевать следить за темой разговоров, но я взрослый мужчина, дееспособный, который вправе поступать так, как считает правильным. Когда ты со мной, ты не делаешь ничего плохого или незаконного, если тебя саму не смущает моя справка, конечно. И если ты меня не боишься.

Она приблизила свое лицо и поцеловала меня. Сладко и нежно. Потом еще раз, но в этот раз я ответил. Я думал, что растеряюсь, если попаду в подобную ситуацию когда-нибудь, но нет, не растерялся. Инстинкты взяли свое, мне совершенно не потребовались мозги, когда я ее целовал. Все было совершенно естественно, натурально, по-настоящему.

— Ты колешься, — прошептала она, на что я решил, что буду бриться чаще. Она гладила мои волосы, убирая с лица, а я гладил ее плечи и спину, потом руки, потом грудь. Но уже не с целью расслабить для массажа, с целью расслабить для секса.

Аля раздевалась сама, я только помогал ей, стягивая пижаму и оголяя ее восхитительные формы, которые я столько раз трогал через ткань, пока мы спали. Смотреть на ее грудь оказалось безумно волнующе, ощущения были сильнее, чем я помнил. Затем, уже лаская пальцами и языком ее соски, чувствуя, как она ерзает по моим вздыбленным штанам, я ощутил себя полноценным, настоящим мужчиной, и это понимание меня испугало, правда, секундой позже безумно понравилось.

Она сидела сверху, голенькая и прекрасная, я целовал ее шею так, как она любила, одной рукой лаская грудь, снова спину, бедра...куда мог дотянуться, а пальцами второй играя с клитором. Она стонала сладко, искренне, безумно эротично.

— Наверное, нам нужно продолжить, — часто дыша, прошептала она.

— Тебе сейчас хорошо? — спросил я, вводя средний палец в нее, она сделала пару вращений бедрами, откинув голову.

— Мы как студенты, которые боятся перейти к главному.

— Но тебе же это нравится.

— Безумно.

— Тогда делаем так, как тебе нравится.

— Тогда, — она задыхалась, ерзая на моем среднем пальце, в то время как большим я ни на секунду не прекращал гладить клитор, — я хочу засос на шее, как тогда.

Я жадно обхватил губами ее кожу, не отдавая себе отчета в том, что в такт ее движениям толкаюсь бедрами. Наверное, со стороны это выглядело не особо красиво, скорее неприятно, но мы летали. И она улетела первая, кончая то ли очередного движения моих пальцев, то ли от легкой боли, когда я чуть укусил ее кожу. Внутри нее было так горячо, бесы..., я даже думать не мог о том, чтобы почувствовать собой, как внутри нее горячо. Не мог позволить себе мечтать о подобном!

— Я хочу еще, — прошептала она, приходя в себя, облокотившись на меня, — ты поцелуешь меня там?

В момент я уложил ее на спину и разместился у ее ног.

Она стонала, даже всхлипывала, иногда подаваясь вперед, а когда кончала, руками прижимала мое лицо к себе.

— А ты? Снимай штаны, я хочу тебя.

— У меня нет презервативов, и мне не рекомендуется иметь детей, — ответил в своей манере. Наверное, в этот момент я впервые пожалел, что отказался от стерилизации, которую мне предложили сразу, как поставили диагноз.

— У меня тоже нет... Тогда давай поменяем позу, ложись на спину, — она поднялась с дивана, — я хочу тоже ласкать тебя.

Следующие часы я помню плохо, кажется, я кончил несколько раз. Не было меня, Олега Баля, не было шизофреника с бесами в голове, думаю, Али-директора, Али — умной рассудительной женщины там тоже не было. Были инстинкты и потребности, которые кричали нам что делать, и как нужно двигаться. Наверное, мы были похожи на дорвавшихся друг до друга кроликов, позволяя себе все, что только захочется, прося друг друга делать вещи, которые требовал организм для усиления или продления оргазмов. Исполняли просьбы друг друга много раньше, чем мозг успевал их проанализировать.

Мы лизали и облизывали, посасывали, втягивали в себя и целовали половые органы друг друга. Слегка кусали, дразнили, помогали руками. Терлись друг от друга, тут же целовались, жадно обмениваясь слюной и продолжали. Как сумасшедшие, как обезумевшие от страсти, встретившиеся после долгой разлуки любовники.

После очередного оргазма Аля грубо оттолкнула меня, насколько ей позволяли силы, свернулась калачиком, дрожа и вздрагивая, прикрыла глаза. Кажется, последняя вспышка оказалась особенно яркой. Я аккуратно перенес ее на кровать, не реагируя на просьбы не трогать, — она боялась, что я снова начну ласкать. Мы слишком раздражили друг друга, до такой степени, что прикосновения стали нетерпимыми.

Правда, через полчаса она приползла на мою сторону кровати и легла на грудь, жалуясь, что

замерзла. А еще через два прозвенел будильник.

* * *

Аля

Когда вместо положенных восьми часов ты спишь два или три, ты по определению не можешь хорошо себя чувствовать. Но я ни разу с самого детства не ощущала себя настолько отдохнувшей, полной сил и счастливой. То, что вчера произошло между мной и Олегом, было потрясающей дикостью, в которой не было места стеснению, желанию понравиться, выглядеть красивой и эротичной, казаться лучше, чем я есть на самом деле, как случилось у меня с другими мужчинами.

Обычно на протяжении всего полового акта мои мысли были заняты тем, насколько я сексуально выгляжу, хорошо ли смотрюсь в этой позе, не слишком ли яркое освещение, возможно, сейчас видны дефекты моего тела, вдруг он думает, что мне давно пора на депиляцию или что я поправилась...

Вчера я и близко не думала о чем-то подобном. Мой шизофреник оказался сумасшедшим, безбашенным любовником, который делал все, лишь бы я улетала. Сколько же у меня оргазмов вчера было? А ведь это был только оральный секс!

Я поднялась с кровати и пошла в душ. Трогая себя под струями горячей воды, вспоминала, что он делал вчера со мной... Боже, я бы ни одному другому мужчине не позволила подобного. Сгорела бы со стыда! Он так глубоко засовывал язык, он облизывал мои бедра, тысячи раз целовал... Посмотрела на себя в зеркало. А ведь это все я! Это я просила снова и снова ставить засосы на шее, на груди, на бедрах. На запястье у меня обнаружился целый браслет из его поцелуев. А он совершенно не удивлялся этим сумасшедшим желаниям, просто кидался на меня, как голодный тигр, целуя везде, где я только не попрошу.

Через полчаса я разбудила Олега, он отправился в душ, а я уже при макияже и с прической принялась готовить завтрак, думая о том, что мне нравится заботиться об этом мужчине.

Если у меня не было желания — я не готовила. Если он не хотел помогать мне убираться, — он не помогал. И никто ни на кого не обижался, никто ничего не требовал. Мы изначально понимали всю абсурдность наших отношений, поэтому старались сделать все, чтобы еще больше не усложнять их.

Пока Олег умывался, я вспомнила то, что подвигло меня вчера вечером пойти к нему и поговорить. Его дневники. Я не ожидала, что он так сильно расстроится из-за того, что я не ночевала дома.

«Мне кажется, что я не человек, а песочная фигура, которая медленно сохнет, рассыпается и раздувается ветром»

«Моя привязанность к ней пробивается даже сквозь стонные глыбы безразличия ко всему миру, возведенные посредством нескольких лет непрерывного приема лекарств».

«Мне всегда нравилось смотреть на женщин. Даже когда я был в невменяемом состоянии в больнице, я предпочитал, чтобы за мной ухаживала медсестра, а не медбрат. Но я уже давно перестал надеяться, что смогу испытать столь сильные чувства. Мне хочется ободрать кожу со своих рук потому, что в этот момент я не чувствую ее прикосновений, но знаю, что чьи-то другие руки ласкают ее».

«Я успел забыть, как это больно, не иметь возможности обладать женщиной, которую отчаянно хочешь».

...

Ни на секунду я не сомневалась, что это он писал не только для того, чтобы я узнала, хоть и понимал, что я в любом случае прочитаю. Он всегда говорил то, о чем думает, как бы это не шокировало меня, особенно по началу.

Было видно, что Олег не знал, как себя вести, он нерешительно замер в дверях кухни, поглядывая на приготовленную для него тарелку с кашей. Я оттянула воротник пижамы и показала следы его любви. Кажется, он еще больше смутился, убрал мокрые пряди с лица за уши, тогда я подошла и поцеловала его в губы, а он ответил на поцелуй.

Утро прошло по обычной программе, но, несмотря на это, на работу мы опоздали. Наверное, дело было в том, что Олег успевал потискать меня каждый раз, когда я проходила мимо, на что уходило больше времени, чем мы рассчитывали. Пока я была за рулем, он вел себя смирно, не мешая мне следить за дорогой, но как только мы зашли в лифт, снова обнял, резко прижимая к себе и, подобно страстным мужчинам из мексиканских сериалов, чувственно провел ладонями по моему телу, лаская бедра, талию, грудь, через высокий воротник целуя шею. Двери лифта открылись, и половина нашего проекта, ожидающая опаздывающую на утреннюю планерку директоршу, замерла, тарачась на нас. У некоторых от удивления отпала челюсть. Олег опустил руки, а я поправила платье, он пошел вперед, но я успела окликнуть, выходя следом:

— Олег, подожди, — задержала его за рукав. Он повернул голову, ожидая чего угодно, но не легкого поцелуя в губы, — до вечера, — сказала я.

Он широко улыбнулся, кивнул, и пошел по коридору в сторону кабинета системных администраторов, где пару недель назад ему, наконец, поставили стол.

— Так, чего ждем? — обратилась я к ошалевшей толпе, — в зал переговоров, — и громко цокая каблуками, пошла по коридору впереди всех.

Планерку я вела намного жестче, чем обычно. Переполнявшая меня энергия бурлила, била через край. Хотелось прыгать, жестикулировать, призывать к активным действиям. Невыспавшийся народ, угрюмо смотрел на меня, мечтая вставить спички в глаза, подозревая, что их начальница сама недалеко от получения диагноза. Я настолько бойко подбадривала коллег, что, забывшись, закатала рукава кофты, открывая всем вид на мое новое украшение, оставленное губами Олега. Разработчики и аналитики захихикали, но я, вместо того, чтобы покраснеть и опустить рукав, пощелкала у себя перед глазами, привлекая внимание:

— Смотрим на мое лицо, и думаем о работе, а не о моей личной жизни, в которой, кстати, все в полном порядке, — и продолжила тему планерки.

Мы занимались оральным сексом каждый вечер. Возможно, не всегда так долго, как в первый раз, но обязательно до нескольких моих оргазмов и одного его. Когда я сильно уставала в офисе, он начинал с массажа — теперь я раздевалась перед ним полностью, ему вообще нравилось, когда я ходила по дому или спала обнаженная. Он разминал мои мышцы, изредка надавливая на особые точки — нервные окончания, было жутко больно, но после этого неизменно становилось безумно хорошо. Затем он начинал целовать мою спину и плечи, мы покупали только съедобные масла для массажа.

В офисе Баль вел себя неизменно прилично, никогда меня не компрометировал, хотя, признаюсь, поначалу переживала, что с этим могут быть проблемы. Очень редко прикасался. Точнее, лишь в те минуты, когда я вызывала его помочь мне «привести в чувства» компьютер. Он становился позади моего стула, наклонялся, прижимаясь своей щекой к моей, покрывал своей ладонью мою, держащую мышку, и проверял, что именно моему компьютеру не нравится. Это было абсолютно не навязчиво и очень приятно.

Олег был уникален, ни один мужчина не удовлетворял меня так, как он, и я говорю сейчас не только о сексе, хотя и об этом тоже.

А еще, кажется, ему становилось лучше, не зря же он написал в своем дневнике: «с тех пор, как я стал заниматься любовью, я снова начал чувствовать мир».

* * *

Как бы я ни старалась свести к минимуму общение с подругами, совсем избежать этих встреч не получалось. Мои отношения с психически нездоровым человеком неизменно становились главной темой вечера, к которой девочки умудрялись свести любые наши сплетни. Наверное, если бы одна из моих подруг стала жить с убийцей-шизофреником, мне бы это тоже не понравилось, поэтому я на них не обижалась.

— Как же ты с ним встречаешься, если он импотент! — удивлялась Маша, та самая девушка, которая рассказывала мне про него небылицы на дне рождения у Кати. Кстати, Катя никогда не приходила на встречи, если там была я. — Я специально уточнила у знакомого врача, назвала ему таблетки, которые принимает Олег. Врач сказал, что мужское бессилие вероятно в восьмидесяти пяти случаях.

— Девочки, даже если бы он был бессилён, — решила я заступиться за своего шизофреника, — вы себе даже не представляете, что он творит с помощью языка, — широко улыбнулась и быстро облизала вдруг пересохшие губы.

Девочки охнули, рисуя в головах ясно какие сцены. Они сгорали от любопытства слышать детали. Недоступное, странное и необычное всегда притягивает. А Олег к тому же был очень симпатичным шизофреником, никто не мог не согласиться с этим. Его опасность, непредсказуемость притягивали, возможно, и меня тоже, но, разумеется, хотелось верить, что я испытываю к нему более глубокие чувства.

Несмотря на все мои старания, после каждой такой встречи я возвращалась домой в неизменно паршивом настроении. Мне говорили о неизбежности рецидива, о прошлом Олега, о его нестабильности. О том, что у него никогда не будет нормальной работы, карьеры, он всегда останется просто шизиком. На всю жизнь. Говорили, что мне нельзя рожать от него, потому что пораженный ген передается по наследству. Меня спрашивали, понимаю ли я, зачем пошла на такие отношения. Чего я от них жду? Как долго планирую их продолжать? А что потом? Выгнать его на улицу? Что будет, когда мне захочется нормальной семьи, детей?

Кстати о нормальной семье. Ну, почти о нормальной. Сергей продолжал приглашать меня на свидания. Я была благодарна судьбе, что в тот раз, по пути в гостиницу мы попали в аварию. Во время ужина он говорил о моей карьере, о его помощи мне... О возможностях, которые передо мной могут вдруг открыться... Боже, я повела себя как настоящая проститутка. Непонятно, что тогда на меня нашло, почему показалось, что мне обязательно переспать со своим боссом. Сергей непременно хотел, чтобы это «что-то» на меня нашло снова.

Один раз он даже предложил мне родить от него ребенка. Не прямым текстом, конечно, этот

опытный в общении с людьми... вернее, с клиентами мужчина завел разговор издалека. Начал убеждать меня, хоть я и не спорила, что счастье наше в детях, ведь ничто не сравнится ощущением себя матерью, в его случае — отцом. Жаловался, что мечтает о сыне, хотя его жена, родив десять лет назад ему чудесную дочурку, наотрез отказалась продолжать размножаться. А потом он вдруг сказал про биологические часы, которые тикают, как бы мы не пытались молодиться. К счастью, на этом наш разговор прервал телефонный звонок, и я поспешила скорее убраться из кабинета. Услышала вслед: «Аля, я не шучу. Подумай».

* * *

Олег

Как-то раз я спросил у Али, хотела бы она, чтобы я перестал быть шизофреником. Она ответила, что вполне достаточно того, что я буду оставаться самим собой.

Потратив несколько дней на обдумывание ее ответа, я пришел к выводу, что она меня оставит, если мне станет хуже. А как иначе можно истолковать ее слова?

Жить намного легче, когда тебе нечего терять.

Терять вообще очень больно, поэтому, когда в моей жизни не осталось ничего, чем я дорожил, я принял решение самостоятельно взяться за свое лечение. Несмотря на то, что мой диплом давно сожжен, некоторые знания в моей голове до сих пор были живы. Когда, после перевода в новую клинику мне значительно снизили дозу лекарств, и я начал потихоньку соображать, очень медленно и мучительно я пришел к мысли, что собирался когда-то лечить людей, страдающих недугом, от которого сейчас мучаюсь сам. Моя непоколебимая уверенность, что я смогу помочь пациентам с психическими расстройствами оказалась столь сильной, что умудрилась выжить, несмотря на всю дрянь, которой меня пичкали.

Еще участь в университете, читая различную литературу, общаясь с моим ментром, пусть земля будет ему пухом, профессором Кирилловым, я пришел к четкому пониманию: шизофрения — это не заболевание, или, точнее, шизофреники не существуют. Большинство лжеврачей, едва взглянув на пациента, ставят крест на его жизни, накачивая его психотропами, постепенно разрушающими его центральную нервную систему, превращая в безвольное растение, лишая возможности жить нормальной жизнью. Хотя, кто из людей мечтает жить «нормально»? За годы своей жизни я понял следующее: абсолютно все, и больные, и здоровые мечтают стать счастливыми. Не нормальными, а счастливыми!

Когда я вышел из больницы, единственной моей целью было снова научиться искренне улыбаться.

* * *

Когда мы впервые пришли в гости к ее друзьям вместе, признаюсь, мне стало очень не по себе. У меня не получилось с первого раза запомнить имена этих людей, поэтому я ни к кому никак не обращался. Я ходил за Алей по пятам, изредка выходя покурить, слушал ее разговоры с друзьями, совершенно не понимая, над чем они смеются.

В психбольнице я стал крайне мнительным, если кто-то где-то шутил, мне казалось, что надо мной. Не так. Я был на сто процентов уверен, что надо мной. Единственное, чего удалось достичь в борьбе с этим недугом, — я перестал обижаться, принимая насмешки как неизбежное.

Сегодня, каждый раз, когда все смеялись, я внимательно смотрел на лицо Али, пытаюсь понять, о чем она думает. Аля бы не стала смеяться надо мной. А раз ей весело, значит, все в порядке. Как и везде, куда мы приходили с Алей и где знали про мою проблему, мужчины с недоверием поглядывали на то, как я обнимаю эту девушку, как она прижимается ко мне. Они не понимали, почему такая красотка, как Алечка, тратит на меня время.

До меня у нее были только успешные, состоятельные мужчины. Избранные.

— Олег, а ты не мог бы подробнее рассказать о своей болезни? — обращается ко мне одна из девушек. Невысокого роста, что компенсируется огромными каблуками, на которых ее ноги кажутся еще более кривыми, чем есть на самом деле. Блондинка с голубыми глазами и неправильным прикусом, портящим все впечатление о девушке, как только она открывает рот. Я хотел посоветовать ей обратиться к ортодонту, но не стал. Судя по тону, кажется, она со мной кокетничает.

— Шизофрения — это не болезнь, — отвечаю, — в большинстве случаев, это другой взгляд на мир, который чужд сначала родителям, потом психиатру, после чего последний начинает превращать пациента в больного человека.

— То есть ты считаешь, что психиатрия — это зло?

— К сожалению, во многих случаях. Психиатрия — это искусство, эта абсолютно не логическая профессия. Чтобы помочь пациенту, врачу в первую очередь необходимо его понять, а для этого нужно прочувствовать проблему, поставить себя на место этого человека, пустить внутрь переживания пациента, и лишь потом оценить насколько неадекватным является его поведение. Такое вполне возможно, но это, разумеется, большой духовный труд. Намного проще выписать психотропные средства, чтобы тот не выкаблучивался и не отвлекал на себя внимание, да и дело закрыто.

— А как же голоса? Галлюцинации?

— Все относительно. Например, что есть депрессия? Допустим, у человека кто-то умер, бросила девушка, выгнали с работы — каждый реагирует по-своему. Кто-то плюнет и пойдет дальше, у кого-то пропадет сон, аппетит, могут появиться приступы агрессии и раздражительности. Замечая, что с человеком не все в порядке, близкие тащат несчастного к врачу, тот, не вникая в его жизнь, подмахивает назначение и диагноз — получаем больного.

— Ну, это депрессия. А что насчет шизофрении? — настойчиво возвращает к интересующей его теме один из мужчин. Как оказалось, вокруг нас собралась целая куча народа, все с интересом слушают, что я вещаю.

— Я тебя уверяю, — говорю, — менее трех процентов пациентов психбольниц действительно нуждаются в лечении. Остальным всем поломали жизни наши чудо-доктора. Допустим, меня сейчас лечит мой бывший сокурсник. Я прекрасно знаю, на что способен этот «врач», каждый раз прихожу в ужас от лекарств, которые он мне прописывает.

Чувствую, как кто-то меня обнимает. Моя Аля. Пришла меня защищать, как обычно делает, когда я нахожусь в большой компании.

— А ты слышишь голоса? — кто-то спрашивает.

— Слышал, — отвечаю, — сейчас нет.

— Это началось после смерти твоей жены?

— Это началось после того, как меня посадили на транквилизаторы и некоторые другие психотропные препараты, — улыбаюсь, чувствуя округлости моей девочки.

— А что шептали голоса?

— Это была моя покойная жена, — говорю, — звала меня на помощь. Я даже видел ее, видел, как она тянет ко мне руки...

Чувствую, как Аля прижимается очень сильно. Жалеет меня. Глажу ее по распушенным восхитительным волосам.

— Я бы утопился, — шепчет кто-то из друзей Али.

— Я решил отравиться, — зачем-то добавляю, хотя ко мне не обращались с вопросом.

Кажется, я делаю успехи в общении, начинаю самостоятельно поддерживать разговор с незнакомыми людьми.

Щекотливую тему никто продолжать не хочет, мужчины и женщины пораженно смотрят на Алю, не понимая, почему она проводит время со мной. Я тоже не понимаю.

Домой едем молча.

— Я все испортил? — спрашиваю, когда она, надев спортивные штаны, разминается перед йогой.

— Нет, с чего ты взял? Ты отвечал на вопросы, — не смотрит на меня. Спрашиваю, почему.

— Олег, у меня сердце сжимается. Мне до безумия жаль тебя. Что может быть страшнее, чем пережить смерть любимой женщины? А потом еще слышать ее голос...

— Я солгал. Я не слышал ее голос. Просто после такого ответа обычно любопытные прекращают спрашивать.

— Ты солгал? — пораженно смотрит на меня.

— Конечно. Мои галлюцинации были результатом слишком большой дозы нейролептиков в сочетании с успокоительными. Обычный бред, воплощение переваренной мозгом полученной за прошедшее время информации. Примерно то, что может присниться.

— Все равно это ужасно. Представляю, как ты любил ее, раз решил отравиться.

— Это тоже не совсем правда. Конечно, я любил свою бывшую жену, по крайней мере, мне хочется сейчас так думать. Я не помню, что чувствовал. Мои родители уговорили меня показаться врачам после смерти Алины. В то время гремело расследование, шли непрерывные допросы, обвинения... В общем, они практически насильно притащили меня к психиатру. Мой отец не верил в мою профессию, да и сейчас не верит, но ему было намного легче думать, что у меня поехала крыша, чем поверить в то, что я допустил столь ужасную ошибку при расчете дозировки лекарства. Я был расстроен, сильно переживал...кажется. «Доктор» с первого взгляда нашел у меня психоз, положили в палату. Не успел я прийти в себя, как мне начали колоть лошадиные дозы психотропов. Я пытался отказываться, так как понимал, что они делают и какой будет результат, но меня никто не слушал, а сопротивляться сил не было.

Иногда меня привязывали к кровати. Через два месяца выпустили. Тут я допустил ошибку, сразу бросил принимать лекарства. Мне хотелось, чтобы эта дрянь скорее из меня вышла и...началась ломка. Сильнейшие отходняки. Депрессия. Я неделями не выходил дома, не желал никого видеть. Кричал, разбивал мебель. Плохо соображал. В то время я совсем не помнил об Алине, меня волновало другое. Мне казалось, что кто-то следит за мной, что мои близкие хотят сплавить меня в психбольницу. Что меня все ненавидят. Я сражался с невидимыми, несуществующими врагами, пока не проиграл. Сдался, — понимаю, что поступаю эгоистично, но продолжаю говорить:

— Сожрал львиную дозу лекарств, запил все водкой и отключился. Когда меня откачали и вернули в психбольницу, опять начали колоть дрянь. Боясь, что я вновь попытаюсь навредить себе, дозу увеличили. Я находился словно в коматозе, ничего не видел, не слышал, не замечал. Помню только, что было очень страшно. Непонятно от чего. Я шугался любой тени, не говоря уже о людях. Я был уверен, что против меня ведется заговор вселенского масштаба. Мне безумно хотелось убежать, спастись от этого ужаса и боли, которую, как мне казалось, все хотели причинить мне. Как только меня отпускали домой, я искал способ сбежать на тот свет, пока меня окончательно не заперли в психбольнице, — говорил очень спокойно, без каких-либо эмоций. Я анализировал свое прошлое, собирал в кучу факты, которые и вывалил на девушку. Наверное, мне давно хотелось поделиться, раз я произнес столько слов.

Аля смотрит на меня, хлопая ресницами, поджимает губы.

— Кажется, я стал говорить слишком много, — смущаюсь, — прости меня.

— Олег, дорогой, что ты несешь! — садится ко мне на колени, обнимает, — сейчас все позади, ты на свободе. Ты же больше не хочешь сбежать на тот свет? Не боишься?

Я отрицательно качаю головой.

— Практически нет. Мне очень повезло, что больницу, в которой меня держали, закрыли, и меня пришлось перевести в другую. Там я попал к настоящему врачу, который быстро распознал во мне зомби, напичканного всякой гадостью, чтобы не доставлял санитарам проблем. Он урезал дозу нейролептиков, и я постепенно в течение пары месяцев приходил в себя. Начал думать, разговаривать. Еще через три меня посчитали готовым к выписке.

— Но ты сказал, что сейчас наблюдаешься у плохого доктора.

— Да. К тому ездить очень далеко, к сожалению. Но ничего, я теперь в состоянии следить за тем, что мне прописывают, контролировать дозировку.

— Голосов больше не слышишь?

Опять качаю головой.

— Мой теперешний «доктор» ставит мне диагноз «вялотекущая шизофрения», другими словами, это шизофрения без симптомов. То есть болезнь, которой нет, — пожимаю плечами, — ты бы доверяла такому врачу?

— Я совсем ничего в этом не понимаю. Я очень хочу, чтобы ты выздоровел.

— Я не знаю, что значит выздороветь. Все, что со мной случилось, сильно изменило мой характер, поменяло отношение к жизни. Сейчас я смотрю на мир как будто со стороны, наблюдаю за собой, за тобой. Делаю выводы, которые ты каждый вечер читаешь в блокнотах,

надеюсь, они тебя не пугают. Не думаю, что смогу когда-нибудь стать тем, кем я был до психбольницы. Да я уже и не помню, каким я был.

— Чего тогда ты хочешь от жизни?

— Я хочу спокойствия. И возможности испытывать эмоции. Понимаешь, нейрорептики глушат абсолютно все всплески: горе, радость, любовь... А мне нравится испытывать что-либо.

— Олег, можно я буду всегда с тобой?

— Ты можешь быть со мной столько, сколько тебе хочется, помнишь? Мы живем по твоим правилам, — легко целую кончик ее носа, потом губы. Что-то во мне очень возбуждает Алю, и я склонен думать, что это не моя ущербность. По крайней мере, она всегда относится ко мне как к здоровому мужчине, особенно во время секса.

Часть 2

Спасение шизофреников — дело рук самих шизофреников?

Взято с форума в утвердительном варианте.

Олег

Приторный, сладкий вкус взбитых сливок я по-прежнему не чувствую, впрочем, как и вкус шоколадной глазури, но хрустящие грецкие орехи в торте, кусочек которого в данный момент пережевываю, не могут не доставлять удовольствие. В помещении душно, несмотря на работу кондиционера в приемной, который, к сожалению нельзя включить мощнее, так как Нина боится простудиться. Впереди у нее отпуск в Турции, к которому девушка усиленно готовилась в течение последних двух месяцев, а именно, сидела на строжайшей диете, ходила в фитнес клуб, где занималась с, как она сказала, «умопомрачительным мужиком», как я понял, — с тренером. Не сказал бы, что заметна какая-нибудь разница между ее предыдущим внешним видом и теперешним, но девушка с такой мольбой смотрела мне в глаза, спрашивая моего мнения, что пришлось солгать, назвав ее «секси-красоткой», что она сразу же передала Але, в результате чего этим же вечером я получил втык дома. Это, кстати, был первый раз, когда я подумала, что Аля меня ревнует.

— Олечка, и что там дальше? — спрашивает меня Вероника, миленькая девушка с бухгалтерии. На первый взгляд она весьма недалекая, но, как я выяснил позже, Веро намного глубже, чем старается казаться. Видимо, это ее способ защиты от внешнего мира.

У каждого из нас своя война, свои баррикады и свои способы наступления. Каждый приспосабливается, как может. Мне ли не знать.

Недавно Нина очень помогла Веронике в решении какого-то рабочего момента, за что последняя притащила торт, откусать который меня и пригласили девушки, забывая, что я не люблю сладкое. Обижать их не хочется, поэтому я старательно выбираю орехи из своего небольшого куска, рассказывая, как мне кажется, смешные истории, чтобы отвлечь внимание от своей не заинтересованности в еде.

— Олечка, ну и что?! — кладет мне руку на плечо Вероника, она смеется, видимо, истории кажутся смешными не только мне.

— Ты скажешь уже или нет!? — нервничает Нина, которая отрезала себе уже пятый тоненький кусочек лакомства.

— Ну, я и говорю: «если вы не видите Эмиля, это не значит, что он не видит вас!»

Нина хохочет, прикрывая рот салфеткой, а Вероника падает на стол, не в силах сдержать эмоции. Мне кажется, что она переигрывает.

Опять касается меня рукой:

— Ну, ты даешь! — смеется, — Я представляю себе его лицо!

— Так, что здесь за балаган?

Мы все вздрагиваем и смотрим снизу вверх на Алю, которая из-за нашего громкого смеха подошла незаметно и сейчас стоит совсем близко, уперев кулачки в бока. Смотрит грозно, глаза прищурены, губы стиснуты.

— Ой, — пытается успокоиться Вероника, — Алла Константиновна, Олежка сейчас такой анекдот из жизни рассказал...

— Я так понимаю, что у вас троих нет работы? Вероника Александровна, если Вам больше не нужен Ваш кабинет, я поговорю с Сергеем Игоревичем, и сегодня же Вы переедете в приемную, — ледяным голосом, как только она умеет, произносит Аля.

Улыбки исчезают с наших лиц, девушки опускают глаза под тяжестью взгляда начальницы. Мне тоже становится не по себе.

— Аля, так обед же... — возражает Нина.

— Я просила с утра отправить факс, ты отправила?

Я понимаю, что лучше молчать, потому что влетит и мне.

— Пока не получилось... — пробует оправдаться Нина.

— Так чего ты сидишь без дела? — повышает голос. Нина быстро поворачивается к компьютеру, берет трубку телефона, и набирает номер.

— Я, пожалуй, пойду, — тихо говорит Вероника, судя по интонациям — пытается извиниться.

— Давно пора. Устроили тут пикник на рабочем месте. А Вы, Олежка Николаевич, в мой кабинет, живо.

Поворачивается и марширует к себе. Глаза девочек наполняются искренним сочувствием, а я, пытаясь их подбодрить, киваю, поднимаюсь с места и спешу за своей начальницей.

Как только мы оказываемся в ее кабинете, и я прикрываю за собой дверь, она сразу начинает кричать:

— Ты что себе позволяешь?! У тебя работы нет? Ты представляешь, как сложно было тебя отмазать после прошлого промаха? А если бы Сергей зашел и увидел?

— «Олежка Николаевич»? — переспрашиваю, скрещивая руки на груди, с трудом сдерживая

улыбку.

— Как я поняла, теперь тебя так все зовут! — она нервничает, ходит по кабинету.

— Да Вы, — нарочито вежливо произношу, — Алечка Константиновна, кажется, ревнуете? — смеюсь.

— Я? — эмоции через край. — Я? Я тебя ревную? — говорит так, будто это высшая глупость в мире, прижимает руку к груди, растопырив пальцы, задыхается от возмущения, — Олег Николаевич, Вы забываетесь, — она всегда обращается ко мне на «Вы» и по имени отчеству, если мы ссоримся. Даже когда мы находимся дома.

— Тогда Вы, Алла Константиновна, будете не против, если я сегодня вечером заеду к Веронике, помогу починить компьютер...

— Куда ты собрался заехать?! — кричит она. Понимаю, что ей не до шуток, пытаюсь не смеяться, но губы сами расплываются в улыбке. Борьба, отражающаяся на моем лице, еще больше раздражает Алю: — Да ты... Да я... Ты совсем обнаглел?!

— Аля, да ладно тебе...

Она хватает со стола мышку и запускает в меня. Еле успеваю пригнуться, мышка звонко ударяется о стену и разбивается.

— Вы портите имущество компании! — восклицаю я.

— Я сейчас испорчу работника компании! — хватает со стола ежедневник, — я вычту мышь из твоей зарплаты, имей в виду.

— Да ради Бога! — понимаю, что нужно спастись бегством, пригибаясь, отпрыгиваю к выходу, открываю-закрываю за собой дверь, слышу, как об нее ударяется что-то тяжелое.

Нужно что-то делать с Алиными нервами, хотя ситуация и кажется сейчас весьма забавной, в купе с остальными ее срывами не может не беспокоить.

Делаю шаг в сторону и натываюсь на нашего главного директора — Сергея. Он направляется к Але.

— Эммм, Сергей Игоревич, лучше не ходите к ней пока... — только успеваю проговорить, как Сергей, который, разумеется, меня не слушает, резким движением толкает дверь. Я, хватаясь за голову, наблюдая, как моя точная девочка кидает несколько ручек, парочка из которых попадает директору по голове.

Вот бесы.

Я захожу следом за Сергеем, чтобы не бросать Алю одну в неприятной ситуации, но та отчаянно машет, чтобы я убирался. Жестами спрашиваю: «точно?», нетерпеливо указывает в сторону выхода. Обострять ситуацию мне не хочется, поэтому я покорно закрываю за собой дверь.

Кажется, у Али будут крупные неприятности из-за меня. Но что я такого сделал? За что мне извиняться? Почему она так разозлилась? Утром же все было нормально... Направляюсь в сторону своего кабинета, обдумывая случившееся.

— Ну что? — пристыженным шепотом спрашивает Нина.

Пожимаю плечами.

— Ну, ты и бабник! — укоризненно качает головой. Я замираю, выпучив глаза. Понимаю, что запутался окончательно, но Нина непреклонна, уточнять почему я «бабник» не собирается. Фыркает, протягивая мне тарелку. Отказываюсь от своего недоеденного торта, ворую горсть мятных сосательных конфет со стола девушки и прячусь в своем кабинете.

Вечером Аля со мной не разговаривает, все попытки обсудить случившееся пресекает, от массажа отказывается, про секс я даже не заикаюсь, опасаясь, что снова придется спасаться бегством от ее метких бросков. Видимо презервативы, которые теперь всегда лежат в тумбочке с моей стороны, и, на всякий случай, в портмоне, сегодня не понадобятся.

Сидит на диване, пилит ногти, хотя прекрасно знает, что я не выношу этого звука, от которого у меня волосы на теле дыбом встают, и кажется, что пыточный инструмент елозит по моему черепу, а не мертвым клеткам ее ногтей. Передачу, которая идет по телевизору, досмотреть очень хочется, я терплю из последних сил, практически не сомневаясь, что она умудрится «пилить громче», если я увеличиваю громкость. Ее цель — показать мне, что я ей безразличен, и ей плевать, что мне неприятно. Но я-то знаю, что она просто привлекает к себе внимание тем способом, до которого смогла додуматься.

Такая глупенькая иногда.

Сажусь рядом, вырываю из ее рук садистское орудие, убираю в косметичку, которую бросаю на пол, обнимаю Алю за плечи. Она дергается, вырывается, отодвигается на полметра, но не уходит. Улыбаюсь, вновь пододвигаюсь. Она снова отсаживается. И так раз пять, пока мы не оказываемся на краю дивана, и ей бежать некуда.

Трусь колючим подбородком о ее шею.

— Прости меня, — шепчу, нацеловывая плечико через пижаму.

— За что ты извиняешься? — говорит строго.

Попал. За что я извиняюсь?

— За то, что я такой дурак, — выкручиваюсь, как могу, морща лоб.

— Не проходит, — дергает плечом. — Конкретнее.

— Какая же ты у меня смешная, Боже ты мой, — мне надоедают эти игры, хватаю ее в охапку и усаживаю себе на колени.

Презрительно хмыкает, делает вид, что ей это не нравится, но не уходит.

— Я смешная? — как бы возмущается. — Олег...Олежка Николаевич, — шипит, — попрошу Вас не забывать, у кого из нас должность выше и работа ответственнее, — отворачивает голову, не давая целовать ее в щеку. Что ж, куда могу дотянуться — целую шейку и чувствую, как попадаю на те самые точки. Улыбаюсь.

— Такая дурочка, — говорю, — такая маленькая обидчивая дурочка, — шепчу на ухо, — кто таких дурочек только в директора берет?

Она возмущается, начинает вырываться, но я сильнее, держу крепко, поворачиваю лицо к себе, целую в губы. Прижимается, сама целует, обнимает.

Какая же глупенькая, Боже мой.

— А еще врешь, что старше меня, — смеюсь, — судя по твоему поведению, тебе не больше пяти лет, — продолжаю смеяться, но она уже не обижается.

— Тебе она нравится? — спрашивает.

— Кто? — не понимаю. Кажется, секс все-таки будет, по крайней мере, мои руки уже ласкают напряженные сосочки, и меня никто не отталкивает.

— Эта шлюшка из бухгалтерии, — обиженно.

— Как тебе только компанию доверили, глупышка, — целую ее, — прекраснейшая женщина из всех, кого я только видел, позволяет прикасаться к ней, зачем мне кто-то еще?

Либо я полный кретин, — думаю, — либо она действительно меня ревнует.

* * *

Сегодня утром ее подушка снова была испачкана кровью.

Лучше кого бы то ни было в этом мире понимаю, что я не врач, и никогда в жизни больше не смогу быть врачом, но я, несмотря на это, веду пациента уже несколько месяцев. Самого сложного, самого важного и самого ответственного пациента в моей жизни, мою Алечку.

«Свежие продукты» заказали нашей фирме еще один модуль, поэтому долгожданное прекращение отношений с Верой Анатольевной и Дмитрием, к моему огромнейшему сожалению не случилось. Если мы случайно встречались с Дмитрием в офисе нашей компании, а он как специально еженедельно тратил время на то, чтобы потрепать нервы моей Але, мужчина не спускал с меня глаз. Смотрел очень долго, иногда обращался в манере: «сбегай, попроси Нинок, чтобы кофейку мне принесла» или «метнись в машину, кажется, я оставил там папку с документами»... В общем, старался всячески унижить, особенно при Але. Следуя правилу «клиент всегда прав», я исполнял его просьбы-приказы, наблюдая победоносный взгляд мужчины, обращенный ко всем присутствующим, а в особенности к моей девушке. Этот взгляд как бы говорил: ну и на кого ты меня променяла, идиотка?

Подавляющему большинству людей необходимо унижить кого-нибудь, чтобы доказать свое превосходство, утвердить свой статус.

Как-то вечером мы очень подробно обсудили этот момент с Алей, после чего она начала относиться проще.

— Эй, мальчик, — обращается ко мне Дмитрий. Мы находимся в переговорной, я настраиваю оборудование для презентации. Он всегда обращается ко мне «мальчик», хотя в отцы мне не годится. На вид этому мужчине чуть больше сорока. Подтянут, в дорогом костюме, чисто выбрит. Производит впечатление блестящего бизнесмена, коим, впрочем, и является.

— Извините, я сейчас очень занят, — отвечаю, тестируя работу проектора. Через пятнадцать минут приедут партнеры «Свежих продуктов», которые тоже хотят купить программу, которую мы разрабатываем. Аля сидит напротив меня, облокотившись на спинку стула и закинув ногу

на ногу. Читает материалы, которые будет презентовать. В кабинете находятся еще несколько аналитиков и ведущие разработчики.

Сергей смотрит на наручные часы, вздыхает, читает что-то в телефоне.

— Они в пробке, — объявляет на весь кабинет, — задерживаются на пятнадцать минут. Как там тебя? — явно обращается ко мне, я поднимаю голову, — да, ты. Успеешь все там настроить. Сбегай до Нины, попроси ручку с красной пастой и зеленый маркер. Надеюсь, ты не перепутаешь? — поднимает брови, улыбается. Свидетели сего диалога тоже улыбаются, но мне это безразлично. Я смотрю на Алю, которая отрывает взгляд от бумаг и смотрит на Дмитрия. Потом на меня. Я медленно ей киваю, напоминая, о чем мы говорили несколько дней назад. Она секунду сомневается, потом кивает в ответ, подмигивает, насмешливо улыбается, бросает косой взгляд в сторону моего обидчика и возвращается к чтению.

Мы понимаем друг друга без слов, я облегченно выдыхаю. Пришлось превратить подобные ситуации в игру, целью которой было не допустить, чтобы Аля нервничала. Я поднимаюсь со стула и иду в сторону двери.

— Зеленая ручка и красный маркер! — кричит мне в след, пытаюсь запутать. Я бы не хотел когда-нибудь работать на этого человека.

Помимо «Свежих продуктов» впереди замаячил, как объявил на планерке Сергей, «самый важный проект за время существования компании», москвичи собирались заказать нам огромный модуль для работы в банке. На этой же планерке Сергей очень хвалил мою девочку, и объявил, что из всех руководителей направлений именно ей доверяет вести архиважного клиента от начала и до конца действия договора. За Алю были рады все: она сама, ее друзья, коллеги, родители так вообще прыгали до потолка, ну... она так сказала. Я сам с ними еще не успел познакомиться, общались только по телефону.

Только я был не рад.

Потому что очередная победа неминуемо влечет за собой новую ответственность и новые стрессы. Я просил, чтобы она отказалась, но меня и слушать не хотели. Доверие подобного масштаба означало успех, признание. В своей жизни я пока не встречал ни одного человека, кто не нуждался бы в признании, в похвале. Я понимал Алю, но легче от этого не становилось.

Каждый вечер я жду, когда она освободится. Иногда сижу в ее кабинете, иногда в приемной, если идут совещания. Частенько мы попадаем домой глубоко за полночь. Иногда мне кажется, что если моя Аля вдруг простудится и не выйдет на работу, то весь мир рухнет, — столько она пытается на себя взвалить. Ежедневно со скандалом я тащу ее на обед, потому что времени пообедать у нее, видите ли, нет, срабатывает только угроза: «я сейчас закину тебя на плечо и перенесу в кафе, если ты не оторвешь глаза от ноутбука. И мне плевать, кто нас увидит по пути и что подумает». Говорю предельно серьезно. Она знает, что я могу, что мне нет никакого дела до зрителей. Она знает, что я во много раз ее сильнее. На встречную угрозу: «я тебя уволю», отвечаю: «тогда буду висеть на твоей шее безработным. Увольняй».

Слушается меня.

Я таскаю ей сухофрукты, орехи, печенье в кабинет, ношу кружки с горячим чаем. У меня даже получается ее немного откормить, из-за чего появляется новая проблема: «я толстая, ты меня разлюбишь». Иногда мне кажется, что из нас двоих я самый нормальный и психически здоровый человек.

Но, несмотря на все ее комплексы, неуверенность в себе и синдром «начальницы», который так и «лезет» из нее периодически, если ей что-то не по нраву, никто себе даже представить не может, какое место она стала занимать в моей жизни.

За несколько месяцев, что мы живем вместе, она вытеснила из моей головы все мысли, содержащие местоимение «я», заменив их собой. Клянусь, я этого не хотел, я понятия не имею, когда это случилось, но единственное, что в этом мире сегодня имеет значение — это Аля.

Я стараюсь проходить мимо ее кабинета не реже двух раз в час, я прислушиваюсь к голосам в коридоре, надеясь, что услышу ее смех или же строгий голос, что бывает гораздо чаще.

Мои чувства становятся похожими на манию, но я ничего не могу с собой поделать. За время, что мы живем вместе, я привязался к ней так сильно, что приравниваю наши встречи в конце рабочего дня к оргазмам.

Вот я сижу в тускло освещенной приемной, в самом углу за ноутбуком. Если кто-то проходит мимо, — он не замечает меня, настолько мало внимания я к себе привлекаю. На улице давно стемнело, основной свет в помещении погасили. Аля с руководством и ведущими разработчиками в переговорной планируют работу с москвичами. Обычно я или раскладываю пасьянсы — если сильно устал за день, или читаю, или доделываю что-то по работе.

Я знаю, что скоро она выйдет из кабинета, распахнув матово-стеклянную дверь, и мы поедem домой, скоро я смогу ее потрогать, понюхать, лизнуть, и от предвкушения мое сердце бьется учащенно. С каждой минутой время нашей долгожданной встречи приближается. Я жду, я визуализирую ее перед собой. Сегодня она одета в сиреневую прозрачную блузку, и черные брюки со стрелками. Волосы собраны в пучок, пробор набок.

Я частенько поглядываю на дверь, представляя себе ее появление, отчего сердце замирает. Это похоже на сладкую прелюдию, предоргазменное состояние. Еще чуть-чуть, еще немного подождать, и все случится. Я волнуюсь, не понимая почему, ерзаю на стуле.

Жду.

И вот это происходит. Я слышу шум — двигаются стулья, коллеги поднимаются из-за стола, — это означает, что совещание закончилось. Это означает, что сейчас я ее увижу. Сердце колотится сильнее, я даже прижимаю к нему руку. Я жду. Голоса становятся громче, я могу разобрать некоторые слова, — мое руководство подходит к двери. Я опускаю крышку ноутбука — неважно, что делал до этого, и поднимаюсь со стула.

Обычно она появляется первой. Ищет меня взглядом и всегда улыбается, когда находит. Закатывает глаза, показывая, как ее все достало, после чего быстро несколько раз кивает на выход, дескать, пора сваливать скорее.

Лифт всегда находится на нашем этаже, я забочусь об этом.

Прежде чем нас кто-то может догнать, мы уже едем вниз и идем к машине.

Мне не нравится, что Але приходится еще и рулить после тяжелого дня, я бы хотел, чтобы она расслаблялась рядом со мной, возможно, начинала уже дремать, так как она не высыпается, это я знаю точно. Но рулить мне нельзя, и я сажусь на пассажирское кресло. Все что я могу сделать — это уговорить ее вызвать такси, если время слишком позднее. Иногда она соглашается.

Вечером мы всегда много разговариваем, она мне жалуется на коллег, начальство, клиентов. Я всегда не ее стороне, неважно, что она рассказывает. Мы вместе ищем выходы из сложившихся ситуаций, иногда это происходит уже в душе, так как время позднее, и спокойно поговорить не получается.

Потом я делаю ей массаж, даже если она уже спит. Потому что она слишком напряженная, потому что я очень боюсь за нее.

Я прописал...если можно так выразиться, ей слабые антидепрессанты, травы, которые продаются без рецепта. Слежу, чтобы она не забывала их принимать.

И, несмотря на все мои усилия, у нее идет кровь. И во сне, и в течение дня. У нее нет времени обследоваться у врача, но я и так знаю, какое ей необходимо лечение. Ей нужно сменить работу.

Понимаю, что я стал частью ее жизни, вписался в ее сумасшедший график, что я не имею права менять девушку кардинально, не должен даже просить о подобном, да мне и предложить-то нечего. Моя Аля предпочитает высокий уровень жизни — дорогую одежду, шикарные рестораны. Она заставила меня отказаться от моей квартиры, потому что «в таких трущобах жить нельзя». К сожалению, я не могу обеспечить ей те условия жизни, к которым она привыкла, но... Если кто-то думает, что я испытываю угрызения совести из-за того, что не оставляю ее, — этот человек ошибается. Тут нужно понимать, что только я знаю, как нужно обращаться с моей Алей. А другие мужчины? Пусть даже состоятельные... они делают только хуже. Это она уже проходила до меня. К чему ее привели прошлые отношения? Только я могу помочь ей, и я, бесы в моей голове, делаю все, что в моих силах.

* * *

Аля

Чем дольше я живу с Олегом, тем сильнее понимаю, как недалеко от него ушла в плане «ненормальности», и то, что у него есть справка, а у меня есть — форменная несправедливость.

То, что я собираюсь произнести сейчас, лишний раз подтвердит сказанное выше.

Мне не нравится, что он перестал общаться со своими испанцами.

Говорит, что поссорился с ними. Ни Эм, ни Эмиль больше не приходят на работу или к нам в гости, мы вместе не ходим в кино, хотя это и позволяет сэкономить на билетах...

Олег меняется, в этом нет никаких сомнений, но я безумно боюсь любых перемен.

За последнее время я прочла множество литературы по шизофрении, общалась с мамой Олега, которая подробно рассказывала, как распознать признаки ухудшения. Мне следует обращать внимание на любое изменение в поведении, явное проявление страха, тревоги, плохой сон, беспричинный смех и прочее, прочее. Я искала что-то подобное в поведении Олега всю весну и начало лета, так как мне сказали, что это самое время для обострений. Но подобных симптомов в поведении мужчины обнаружить не удалось, ничего подозрительного, помимо иногда грубого: «как же ты меня замучила своими расспросами», не слышала.

Изо дня в день он становится все нормальнее, что радует и пугает одновременно. Когда я практически силком затащила его в свою квартиру, а потом и в свою жизнь, я видела перед собой человека, сумевшего приспособиться. Пусть даже его адаптивность заключалась в

невидимых друзьях, являющихся частью личного пространства, куда он всегда мог сбежать, если внешний мир на него давил. Выдуманный мирок принадлежал только ему, был своего рода отдушиной. И он рушился прямо на глазах, ненужный и забытый.

Я стараюсь заменить его воображаемую вселенную собой, но у меня слишком мало опыта. Иногда, когда Олег часами не разговаривает со мной, я теряюсь. Понимаю, что если желание побыть в одиночестве относить к признакам шизофрении, то всех людей на планете пора распределить по больницам, поэтому стараюсь не обращать на это внимание. Но мне страшно, потому что я не знаю, о чем он думает. Нет, конечно, самого Олега я не боюсь, даже мысли нет, что он может причинить мне вред. Мне страшно, что он может причинить вред себе.

По субботам я всегда убираюсь в квартире. Так было заведено еще моей мамой в доме родителей, и я впитывала такой распорядок с детства. Олег лежит на диване с отсутствующим выражением лица. Кажется, он спит с открытыми глазами.

— У тебя все хорошо? Олег, может, сможешь мне? — спрашиваю.

— Аля, давай вечером, я неважно себя чувствую, — отвечает вяло.

— У тебя что-то болит? — сажусь рядом.

Отворачивается.

— Тут болит, — отвечает, прижимая руку к затылку, — дай мне полчаса.

Олег

Мне следует выходить куда-нибудь с Алей чаще, но пока не получается.

Я лежу на диване с закрытыми...с открытыми глазами — это неважно, и жду, пока подействуют успокоительные, которые я сам себе прописал взамен транквилизаторов, рецепт на которые мне подмахнул «доктор». Сон стал отвратительным, прерывистым и пустым. Мне нужно немного времени, чтобы прийти в себя, чтобы все стало как прежде. Аля переживает за меня, и это плохо, но мне нужно хотя бы еще минут двадцать. Или сорок.

Первый на очереди клиент экзорциста, мать твою, приходи уже в себя!

Тебе нельзя поддаваться!

Очнись!

Открой глаза...бесы..., оторви свой зад от дивана и иди, рассмеши ее!

Обними ее, помоги ей!

Меня от себя тошнит. Такое впечатление, что я наблюдаю за собой со стороны. Вижу, как я лежу на диване, как я жалок и отвратителен. Тошнота подкатывает горлу, ненавижу это ощущение.

Иду в ванную комнату, закрываюсь на защелку и включаю воду, чтобы было не так слышно звуки.

Меня выворачивает несколько раз, я обнимаю унитаз, руки дрожат.

Меня тошнит снова и снова. Желудок болит, спазмы не прекращаются.

Я смотрю на себя как будто бы сверху, я анализирую, что со мной происходит.

Мне не подходят эти успокоительные — делаю вывод, и меня снова тошнит. Крутит живот. Вот черт. Голова кружится, забираюсь на унитаз, стараясь не упасть.

Бесы..., мне нужно успокоиться.

Опираюсь лицом на ладони.

В палате психбольницы нас лежало пятеро.

Мои родители платили бешеные деньги психиатру, который меня вел, за особое отношение ко мне. В мои наивные двадцать четыре года мне казалось, что особенное отношение заключается, как минимум, в отдельной палате, улыбках медсестер и сладких булочках на полдник. Один раз я попытался сообщить о том, что меня не устраивает, своему «врачу», на что тот пригрозил переводом в соседнюю палату, которая была в два раза больше моей, но в которой лежало тридцать человек.

Моим родителям нельзя было заходить в «мои покои», как называли палаты санитары, подсмеиваясь над нами, или «мою камеру», как говорили пациенты, из-за решеток на окнах. Мои родители не знали, где и в каких условиях я живу.

По крайней мере, у нас не воняло так сильно. Мимо соседней палаты было невозможно пройти, не зажимая пальцами нос. Мы нарекли ее «комнатой смертников». Обычно из нее выбирались только ногами вперед. При каждом таком случае мы говорили: «еще один задохнулся». Нам казалось, что это смешная шутка.

В «комнате смертников» держали обреченных больных, многие из которых были не в состоянии передвигаться самостоятельно, некоторые были привязаны к койкам из-за буйного нрава, ну или из-за желания выбраться из этого ада, и те, и те ходили под себя. Все это убиралось один-два раза в день, иногда реже. Санитары брезговали лишним раз заходить туда.

«Блатных» пациентов в больнице было пятнадцать человек, соответственно три палаты. На этаже располагались два туалета и душевая, в которой многих мыли прямо из шланга.

Это очень больно.

Напор сильный, да и вода ледяная. Никто не заботится о том, чтобы психам было комфортно. Несколько раз меня тоже мыли подобным образом, в те моменты, когда я сам не мог о себе позаботиться, а прикасаться ко мне было противно. Я помню, что сидел на корточках прямо на грязном полу, прикрываясь руками, а санитары смеялись и кричали, чтобы повернулся спиной, передом, нагнулся... Если не слушался, напор делали еще сильнее, а воду холоднее. Все слушались санитаров, те умели доносить свою мысль, как никто другой.

Я не думаю, что доктора были в курсе подобного, даже мой тогдашний «врач» хоть и был крайне туп, не являлся настолько жестоким человеком.

Просто далеко не каждый нормальный, адекватный человек захочет идти ухаживать за

сумасшедшими, получая при этом обещанные государством копейки. В психбольницах всегда есть открытые вакансии, берут всех желающих. А кто туда идет добровольно? За редким исключением те, кому нравится издеваться...

Со мной лежал юноша по имени Костя. Я запомнил его потому, что он все время пытался шутить, а потом сам долго смеялся над своими собственными шуточками, которых никто кроме него не понимал. Я хорошо помню теплое весеннее утро, когда он появился впервые:

— Привет! — запрыгнул на мою кровать, протянул руку, — Костик — F 23.2

— Олег — F 20, - пожал я его ладонь. Костик скривил вздернутый, покрытый веснушками, нос.

— Дурацкое имя, тебе не подходит. Я буду звать тебя Ольгой.

Константин, рыжих худой паренек, которому едва ли исполнилось двадцать, панически боялся, если до него дотрагивались другие мужчины, и в голове у него было вечное кораблекрушение со всеми страхами, безумием и ужасом этой катастрофы. Я склонен думать, что он действительно часто подвергался насилию, но мать и отчим этот факт отчаянно отрицали, да и врачи говорили, что никаких физических травм у него никогда не было найдено. Хотя, насиловать же можно по-разному, не так ли?

Из всех мужчин больницы, включая докторов, он разговаривал только со мной, почему-то он считал меня женщиной, возможно, из-за длинных светлых волос, которые мне не обрезали.

Костик считал меня страшенькой женщиной, и всей своей огромной, еще детской душой сочувствовал мне, особенно, когда я брил лицо под надзором санитаров, разумеется.

Он постоянно болтал сам с собой и частенько хохотал до истерики, пока ему не вкалывали успокоительные. Мне казалось, что его губы могут порваться, так широко он улыбался, он икал, задыхался, катался по полу, но смеялся. Обычно в это время мы вместе с другими пациентами больницы молча сидели на койках, прижав колени к груди, и смотрели на него.

Потом появились два новых санитаря. Я не могу вспомнить их внешности, кажется, один носил усы.

Они периодически накачивали Костю чем-то и уводили купать, после чего притаскивали и бросали на кровать, побитого и не в себе.

После первого такого раза его смех стал походить на нервные заикания. Он жаловался врачам, родителям, но я был единственным, кто верил в то, что его действительно насилуют. Насколько мне известно, санитары сразу выделили Костю среди остальных пациентов, он им очень нравился из-за смазливой, девчачьей внешности. Когда Косте надевали на голову парик, он и вовсе превращался в симпатичную девчущку, очень молоденькую и по-детски угловатую.

Я пытался ему помочь, но меня, как и Костю, как и любого другого пациента психбольницы, никто не хотел слушать. Я говорил с санитарями, но они лишь смеялись. Я пытался им угрожать, я не мог выносить крики Кости по ночам, пока его «купали». Вся больница слышала, содрогалась... Я представлял себе, что стены вот-вот рухнут, что здание начнет обваливаться, предпочтительнее с крыши, а потом мы все провалимся под землю, в Ад...

Санитарам нравилось слушать его резкий, потом уже сорванный голос, они никогда не затыкали ему рот.

А потом я не выдержал и попытался подраться с ними. С буйными психами разговор короткий. Неделю я не приходил в себя, кажется, меня не кормили, потому что, открыв глаза, я понял, что от слабости не смогу даже пошевелиться. За мной не особо ухаживали, скажем так.

— Очухался, придурок? — меня утащили в душ и мыли из шланга, как бешеное животное, к которому опасно подходить. И они были правы. Я ненавидел их сильно, остро, всей душой. Я ненавидел их так, как только можно ненавидеть других людей. Я желал им зла, я мечтал, чтобы они умерли.

Мне советовали... кажется, одна из медсестер, которая, кстати, присматривала за мной, когда меня отпускали домой, попытаться их убить, но у меня физически не было такой возможности, я был обессилен, и я слишком плохо соображал, чтобы придумать другой способ помочь парню.

А потом Костя повесился на спинке кровати.

Я прекрасно помню ту ночь. Он долго копошился, рвал простыни, плел прочную веревку. Я слышал все это, понимал, что и зачем он делает. Я еле сдерживал слезы, но лежал и молчал. Не было даже мысли позвать кого-нибудь из персонала больницы на помощь. В палате все знали, что он хочет покончить с собой. Все молчали. Мы понятия не имели, что сказать ему, чтобы убедить остаться с нами. Если бы у меня в тот момент было чуть больше смелости, я бы тоже повесился, но такая смерть была не для меня, слишком сложная. Я бы не смог.

Он умер, и началось расследование. Его родители, хоть и верили врачам больше, чем собственному ребенку, подняли на уши всю больницу, затем милицию и прокуратуру. Семь человек, включая меня, из сорока пяти, подтвердили факт насилия и жестокого обращения. Тут и мои родители подтянулись... Ту психбольницу закрыли через несколько месяцев, но об этом я узнал уже из другой клиники, куда меня перевезли родители, как только узнали о случившемся.

Костик спас нас всех.

* * *

Кажется, я отключился, очнулся прямо на полу в ванной. Отрываю лицо от прохладного кафеля, силюсь подняться.

— Олег, Олег, ответь! — Аля долбится в дверь. — Олег!

Я понимаю, что она сейчас откроет замок монеткой и пытаюсь подняться. Бесы, я упал прямо с унитаза.

Голову обносит, у меня не выходит встать даже на четвереньки.

Я пытаюсь снова. И снова.

А она уже заходит, уже садится рядом со мной.

— Родной, ты как, тебе плохо? — ее взволнованное личико бледнеет, испуганные глаза часто моргают. Аля трогает мои щеки, словно не веря, что это я перед ней.

— Голова закружилась, — говорю. И зачем-то повторяю: «Голова закружилась», — мне не идет новое лекарство, все в порядке, «все в порядке».

Она помогает мне сесть, я подтягиваю штаны, встряхиваю головой, прогоняя наваждение.

— Аля, мне уже лучше, честное слово. «Честное слово». Давай я приведу себя в порядок, — прошу ее выйти.

— Нет уж, я тебе не доверяю, — обнимает меня, целует в щеку, — ты же ничего не задумал плохого? — серьезно смотрит в глаза.

— Нет, разумеется, нет, — мне становится лучше, приступ потихоньку проходит, меня отпускает, — просто тяжелые воспоминания. Дай мне минуту.

— Хоть две, — снова целует, ну уже в другую щеку, — ты весь ледяной, Олег, тебе не холодно?

Кое-как я убеждаю ее покинуть ванную и окончательно прихожу в себя под душем. Потом я снова ложусь на диван, а Аля продолжает убираться.

— Олег, ты бы не мог мне помочь развесить постельное белье на сушилке? — замирает передо мной с тазиком.

— Аля, я... — я бы хотел, чтобы она не подходила ко мне какое-то время. Мне очень стыдно за случившееся, я себя ненавижу за то, что так жалок, что заставляю ее беспокоиться. Я хочу, забыть о своей слабости, я хочу, чтобы ничего этого не было, хочу, чтобы она не трогала меня.

— Мне просто так лень, — капризничает, — пожалуйста. Я ненавижу развешивать белье. Вот не поверишь, я лучше перемою три тонны посуды, вычищу пол в подъезде, но не буду развешивать выстиранное.

Скептически хмурюсь, смотрю на нее:

— Правда? Ты никогда не говорила.

— Ну, я старалась показаться идеальной хозяйкой, — подмигивает, — меня даже трясет от перспективы, что придется это сделать. Пожалуйста, Олеееее!

Смотрит очень жалобно, морщит лоб, поджимает губки.

— Хорошо, — поднимаюсь и подхожу, беру из ее рук тазик с горой белья. Чувствую частые покалывания на коже затекших ног и рук, обычное после обморочное состояние.

— Спасибо, — целует меня и убегает в ванную закладывать новую стирку.

Какая же она глупенькая все-таки у меня. Не может развесить белье на сушилке...это же такая мелочь, — ухмыляюсь я, занимаясь тем, чем попросили.

— Готово! — возвращаю ей пустой тазик. Она прыгает от счастья, глаза горят, обнимает меня за шею:

— Спасибо, большое спасибо! Ты себе не представляешь, как я рада, что ты живешь со мной, и не вздумай меня за это высмеивать, — грозит пальцем и подмигивает.

Пару минут обдумываю услышанное, хожу по залу вокруг дивана, потом захожу в спальню, где она вытирает пыль:

— Аль, — говорю, — а давай я теперь всегда буду развешивать белье?

— Это было бы шикарно. Колоссальное облегчение, — хлопает в ладоши. И я понимаю, что мне безумно нравится быть таким важным и необходимым ей в бытовых делах. Нравится быть полезным. Бесы, обитающие в моей голове, это так приятно, когда тебя хвалят.

— Аль, — снова захожу в спальню через какое-то время, — а что тебе еще не нравится делать по дому? — спрашиваю.

* * *

До Алиных родителей можно добраться либо за рулем в течение четырех часов, либо за восемь, если путешествовать поездом.

Мы едем на машине.

Аля в полный голос подпевает Кети Перри, вернее, частенько перекрикивает девушку, у певицы в этом случае нет никаких шансов — у моей Али кнопки переключения громкости, чем она и нагло пользуется.

Я сижу рядом, рассматривая стены леса, примыкающие с двух сторон к трассе. Едем мы быстро, деревья мелькают, сливаясь, если расслабить зрение, в однородный коричнево-зеленый фон, изредка разбавленный указателями и прочими знаками дорожного движения. Над головой безоблачное голубое небо, позади пыльный раскаленный город, впереди — ужин в кругу семьи.

Алины родители — предприниматели, у них сеть мелких продуктовых магазинчиков по всему городу. Как я понял, бизнес прибыльный, но очень пыльный, поэтому Алины отец с матерью старались сделать все, чтобы дать дочери блестящее образование в большом городе, статус офисного работника, если повезет — руководителя. Повезло. Или же, что вероятнее, не повезло.

— Не волнуйся, — говорит Аля мне, — они хорошие.

Я пожимаю плечами, отвечаю:

— Я и не думал.

— И не обижайся на них, если что. Ну, ты понимаешь...

— Аля, я никогда ни на кого не обижаюсь.

— Им очень хочется с тобой познакомиться. Понимаешь, Дима, он... у него никогда не было времени на подобную поездку. Ну, или он просто не хотел.

— Что вероятнее.

— Ты обижаешься?

— Нет, с какой стати?

Всего лишь готовлюсь к очередной выставке.

Рассматривают нас придиристо, после чего Алин отец, Константин Петрович, говорит, обнимая дочь и протягивая мне руку:

— Ну, наконец-то ты поправилась! Хоть на человека стала похожа.

Я пожимаю его руку и на мгновение прикрываю глаза, понимая, что для кое-кого вечер испорчен. Но, кажется, нет. Аля берет себя в руки, даже улыбается:

— Это меня Олег откармливает, — ощущение, что она хвастается мной.

Константин Петрович и Светлана Афанасьевна не могут не нравиться. Два позитивных, крайне милых человека, умудрившихся сохранить любовь и семейное счастье на протяжении тридцати пяти лет. Мне даже кажется, что они похожи между собой — примерно одного роста, голубоглазые, русоволосые, седину видно только у моего тестя, видимо, теща красит волосы.

Живут родители Али в большом частном доме, позади которого расположен сад и огород. В саду я мимолетно замечаю поспевающие ягоды вишни, а в огороде — высокие кусты картофеля.

Дом оказался просторным и уютным, видно, что совсем недавно здесь делали ремонт. Стены поклеены однотонными обоями, в комнатах расположена со вкусом подобранная светлая мебель, если я не ошибаюсь, цвет называется «дуб». В принципе, мне здесь нравится. Родители Али далеко не бедные люди, это становится заметно, стоит лишь переступить порог их жилища, но без лишнего пафоса. Техника, мебель, — все вещи в доме дорогие, качественные. Аля говорила, что родители купили ей квартиру на двадцатипятилетие, сами же они не хотят переезжать в город, занимаются огородом и садом в свое удовольствие. Ее отец варит очень вкусное тыквенное варенье, без зазрения совести выдавая его за персиковое. Аля сказала, что отличить практически невозможно.

Оглядывая грядки из окна просторной кухни, не могу не отметить педантичность родственников своей девушки. Излишнюю аккуратность. Не заметно ни одного сорняка, ни одной бесполезной травинки. Грядки прямоугольные, идеально ровные. На кустах помидоров висят крупные зеленые плоды.

За обеденным столом разговор заходит о том, как мы с Алей познакомились. Аля в красках описывает мой подвиг у бассейна, я ее не перебиваю, хотя мне и не привычно, когда так много говорят обо мне в моем присутствии. Обычно окружающие из кожи вон лезут, чтобы сделать вид, что я и моя болезнь их не интересуют. Родители Али часто переглядываются, поджимают губы, им не нравится, что я ниже их дочери по должности, им не нравится, что я меньше нее зарабатываю, что я живу у нее — вернее, что мне больше негде жить. Им не нравится, что я шизофреник. Но, несмотря на это, они ведут себя абсолютно тактично. За весь день не было произнесено ни одного лишнего вопроса или случайной фразы, которая могла бы меня обидеть. Кажется, они смущаются даже больше меня.

— Душевноутонченный, — в одну из повисших за столом пауз помогаю я подобрать определение моего недуга. Смотрят в нерешительности. — Человек, обладающий особой чувствительностью, — киваю я, продолжая есть. Кстати, ужин оказался безумно вкусным, не помню, когда в последний раз я ел так много.

Я показываю Але знак, что хватит обо мне, после чего она переводит тему в менее опасное русло. Теперь ко мне обращаются редко, и это очень устраивает даже более чем. Я в основном молчу, слушая, как Светлана Афанасьевна с Алей взахлеб обсуждают людей, которых я не знаю, а Константин Петрович изредка вставляет пару слов.

— Я пойду отдыхать, — говорю Але после небольшой прогулки по городу в компании ее

родителей.

— Тогда пойдем все вместе домой, — отвечает, — не хочу, чтобы ты разгуливал по незнакомым улицам в одиночестве. Как тебе моя малая родина, кстати? — смеется.

Мы идем в сторону дома, родители чуть отстали, идут позади, разговаривают с какой-то женщиной, кажется, их родственницей.

— Очень уютный, — отвечаю. На самом деле, я плохо запомнил достопримечательности. Вообще особо не смотрел по сторонам, изредка кивая на истории о казусах из детства Али, которые случались то тут, то там. Девушка про каждый метр пути могла рассказать что-то забавное.

Жаль, что я практически ее не слушал. Чувствовал лишь тяжесть в голове, безумно хотелось спать. Я все-таки продолжаю принимать лекарства, от которых мне недавно стало дурно. Ничего лучше, продающееся без рецепта, найти не удалось, а без них я стал совсем плохо спать, что приводит к рассеянности, ошибкам на работе.

Аля провожает меня в комнату на втором этаже, помогает постелить кровать, после чего спускается к родителям, пожелав мне сладких снов и обещая скоро вернуться.

Весь день рулила она, но устал именно я. Что ж, спать — так спать. Раздеваюсь, выключаю свет, отмечая Алины детские фотографии на комод. Мне хочется их рассмотреть внимательнее, но я вынужден отложить это занятие на завтрашний день, присаживаюсь на постель. Впервые за день я могу позволить себе расслабиться, и меня тут же, как по команде, начинает трясти. Причем не так, как от холода, например, а крупной прерывистой дрожью. Я нервно вздрагиваю, потом на четверть минуты становится легче. И снова. И снова.

Достаю успокоительные. Делаю это очень неудачно, именно в тот момент, когда трясет. Таблетка падает. Я наклоняюсь, ползаю по полу, некоторое время пытаюсь ее найти — не получается. Достаю другую. Ложусь на кровать — мир переворачивается, мне кажется, что я лежу на кровати, прибитой к потолку и вот-вот упаду на пол. Ну, с потолка упаду. Двумя руками держусь за спинку кровати несколько минут, потом понимаю, что я не сумасшедший, что я не могу лежать на потолке. Просто мне снова стало дурно. Сажусь и подпираю кулаками виски. Сдавливаю череп. Картинка перед глазами мерцает, поэтому я опускаю веки, закручиваюсь в пьяной карусели.

Надеюсь, сейчас никто не зайдет в комнату и не увидит меня в таком состоянии.

Я стараюсь быть сильным ради Али. Для Али. Я обязан, и я хочу поддерживать ее. Понимаю, что стал слишком много нервничать в последнее время, слишком много стараться. Я пытаюсь форсировать свое возвращение в реальность, все происходит слишком быстро для меня, но иначе не получается. Она испытывает неловкость, если я говорю с Эм или Эмилом, даже по-испански...особенно, если по-испански. Люди оборачиваются, ей становится стыдно. И мне становится стыдно. Поэтому больше этих двоих в наших жизнях никогда не будет. Сейчас я даже думаю, что зря их придумал.

Переживаю за Алю, поэтому плохо сплю, не отдохнувший как следует мозг соображает еще медленнее, чем обычно, а в моем положении — это недопустимо. В таком состоянии у меня не получается заботиться об Але так, как следует. Если я уделяю ей меньше времени, ей становится хуже, это видно сразу. Она нервничает, у нее идет кровь, что с каждым днем пугает меня все больше. Если Але хуже — я еще больше переживаю, поэтому совсем не могу спать, забываю еще больше информации, чем обычно, ошибаюсь на работе, отчего Аля переживает за

меня, ей становится хуже...

Тру глаза.

Бесы в моей голове, как мне выбраться из этого гребанного замкнутого круга? Я не планировал влюбляться, я не планировал так быстро менять себя, я не планировал более в жизни за кого-то переживать.

Спать Аля приходит поздно вечером, все это время она разговаривала с родителями и их друзьями, кажется, она очень расстроена. Отворачивается от меня.

Чувствую, как мне становится хуже.

Следующим днем мы идем к кому-то в гости. Я в основном молчу, как обычно не привлекаю к себе внимания. Аля выглядит разбитой, словно она, как и я, не спала сегодня.

Понимаю, что хочу уехать домой, мне здесь плохо. И ей здесь плохо, что намного важнее.

Идем по главной улице города мимо торгового центра. Вокруг толпы натянуто-улыбающихся людей, сжимающих в руках пакеты с покупками. Их лица напоминают мне клоунские физиономии, меня не покидает чувство, что вокруг меня разыгрывается неудачная театральная постановка, что у всех этих людей большие проблемы, но, несмотря на это, они улыбаются, надеясь получить неплохой гонорар. Бесы, они все что, наглотались антидепрессантов? В их жизнях происходит черт знает что, а они радуются, покупая тряпки на распродажах. В любом случае, меня это не касается, мне нужно дотянуть до вечера, когда я окажусь в темноте и тишине комнаты на втором этаже дома Алиных родителей, а потом, как проснемся, мы поедем домой.

Улица кажется бесконечной. К моему огромному сожалению, из-за отличной погоды мы решили прогуляться, а не ехать на машине. Лучше бы я сидел, чем шел. Интересно, чем сейчас занимались бы Эм с Эмилем, если бы существовали? Ловлю себя на мысли, что я не придумал им занятия на эти выходные. Следовательно, сегодня эти двое не существуют даже в моем воображении. Меня не покидает чувство, что я их медленно убиваю.

Аля в сторону родителей смотрит редко, на мой вопрос «все в порядке?», отвечает «конечно», тему продолжать не хочет. Подходим к светофору.

— Олег, не ты потерял? — отец Али, Константин Петрович, поднимает с земли телефон и притягивает мне.

— Нет, не я, — хлопаю себя по карману.

Мы начинаем оглядываться в поисках хозяина трубки, им, а точнее ей, оказывается девочка лет тринадцати:

— Огромное вам спасибо! Это уже третий телефон в этом месяце, меня бы дома «убили» родители, — радуется ребенок. Она обращается ко мне, но я киваю на Константина Петровича, показывая, кто сегодня герой. Девочка выглядит такой счастливой, что мы тоже не можем сдержать улыбок. Помимо нас с Алиной семьей она кажется единственным реальным человеком на этой улице. Я оглядываюсь по сторонам, хочется скорее рассказать Але об этом забавном случае, и вижу, как они с матерью перебегают дорогу на красный цвет светофора. Одна из машин тормозит, яростно сигналив, водитель появляется из окна и злостно ругается, но

я не слышу, что он говорит....

Не обращая никакого внимания на идущих навстречу людей, делаю несколько шагов в сторону, подхожу к дороге...

— Смотри куда идешь! — возмущается налетевшая на меня актриса.

Боже, мне действительно становится хуже...

Яростно тру глаза.

Мне дурно.

Картинка перед глазами расплывается, резко меняется, становясь черно-белой. Ощущение, будто я куда-то лечу, напрягаю мышцы рук и ног, чтобы не упасть. Лечу или падаю... Я ощущаю себя, но это уже не я... вернее я, но в прошлом.

Я вижу Алину на противоположной стороне дороги. Не Алю, а Алину. Вижу, как она машет мне. Я нервничаю, так как мы опаздываем в гости, показываю ей знаками, как сильно недоволен ее халатным отношением. Она невинно пожимает плечами. Нас разделяет две полосы встречного движения. Светофор очень долгий, мы ждем. Я еще больше нервничаю, хожу из стороны в сторону. Светофор горит красным. Я махаю рукой, понимая, что уже точно опоздал, а встреча была для меня очень важной. Бесы, я даже не могу вспомнить, с кем именно у меня была встреча... Укоризненно качаю головой... делаю все, чтобы Алине стало стыдно. Она достает косметичку и красит губы... Чертова идиотка, она думает о макияже, пока я от бешенства рву на себе волосы!

Резко поворачиваюсь спиной к ней и ухожу, сжимая кулаки от злости, но вдруг слышу позади себя визг трения шин об асфальт, крики. И ее крик. Оборачиваюсь и вижу Алину, но уже лежащую на асфальте. Она подумала, что я обиделся, она побежала меня догонять, надеясь, что успеет проскочить...

В момент я подбегаю к Але и дергаю ее за руку:

— Ты совсем рехнулась? — кричу. — Ты понимаешь, мать твою, что ты делаешь?

Она пробует отойти, но я не пускаю.

— Олег, мне больно, на нас смотрят, — пытается меня успокоить, поглядывая по сторонам, но я не обращаю внимания.

Я вижу перед собой аварию. Лужу крови, бледное тело...

— Если у тебя не хватает мозгов, запомнить на какой сигнал светофора следует переходить дорогу, то будешь всегда ходить со мной за руку! — кричу. — Ты себе представляешь силу удара даже на сорока километрах в час? Когда ты начнешь думать головой? — истошно кричу.

— Олег, Олег, милый, все в порядке, — говорит быстро, ласково. Проводит рукой по щеке, успокаивая, но я отворачиваюсь. Снова дергаю ее за запястье, в которое вцепился мертвым хватом. Мне кажется, что если я отпущу — Али не станет, что я навсегда потеряю ее.

— Олег, прости меня, пожалуйста, — заглядывает в глаза, — я не подумала.

— Ты не подумала! — ору я на всю улицу. — Как мне заставить тебя думать о таких вещах?!

— Я теперь всегда буду думать, я клянусь тебе. Олег, родной, честное слово. Больше такого не повторится. Я всегда буду переходить только на зеленый, и смотреть по сторонам.

Она меня обнимает, прижимается. Я быстро ощупываю ее тело, проверяя, нет ли травм, хотя и понимаю, что им взяться неоткуда. Просто мне так спокойнее.

— У вас все в порядке? — рядом с нами замерли ее родители.

— Да, — говорит Аля. Я прячу лицо в ее волосах, радуясь, что она живая и здоровая.

До родственников Али мы идем быстрым шагом, я держу ее за руку, она меня гладит по плечу, иногда шепчет что-то нежное. Я хочу принять успокоительные, но понимаю, что это будет уже четвертая таблетка за день, при норме две за сутки, а еще даже не обед.

А потом я понимаю, что устроил сцену посреди улицы, на глазах у ее родителей. Бесы...

Сажу за столом, молчу, ни с кем не разговариваю. Смотрю на синяки на запястье Али от моего захвата. Перевожу взгляд на часы, мечтая скорее оказаться дома.

В психбольнице, во время тестов, всегда спрашивают: какой сегодня день недели, какое число. Какая по счету моя кровать от двери, если считать слева-направо. А если справа-налево? Что я ел на завтрак. Если отвечаешь на все вопросы, могут попросить рассказать Теорему Пифагора, законы Ньютона. Необходимый минимум знаний здорового человека.

Далеко не всем удавалось ответить на столь «каверзные» вопросы. Я провалил тесты раз двадцать.

Если бы меня спросили сейчас, какой сегодня день недели, месяц, год — я бы не ответил.

Я сижу и нервно вздрагиваю, периодически заверяя Алю, что со мной все в порядке.

Я пытаюсь быть сильным мужчиной. Для нее.

Пялюсь на светло-фиолетовые стены. Иногда они становятся бледно зелеными, иногда розоватыми. Надеюсь, что это из-за освещения. Вокруг много людей, но у меня не получается сфокусировать взгляд ни на одном лице. Мне определенно не идет новое лекарство.

Очень сильно хочется спать.

— А это правда, — спрашивает меня девочка подросток, — что Вы совершали самоубийства?

Вижу два голубых блюдца ее глаз, смотрящих на меня в диком восхищении. Позади нее стоят еще три девочки и два юноши, всем на вид — около пятнадцати.

— Довольно неудачные, как видишь, — отвечаю, слегка улыбаясь. Пью воду из стакана, становится чуть легче.

— А расскажите, как это, — они уже сидят вокруг меня, подперев ладонями подбородки, глаза горят, рты от нетерпения и предвкушения запретных знаний приоткрыты.

— Я думал, — говорю, — что принадлежать к субкультуре «Эмо» уже не модно.

— Вы наш кумир, — уверенно заверяет одна из девочек, — когда тетя Света рассказала о новом женихе Али, мы пришли в полный восторг! Совершить подобное может только очень сильный человек, — переглядываются в поисках поддержки, кивают друг другу. Кажется, они говорят искренне.

— Напротив, — отвечаю, — сильные люди остаются на земле, они сражаются. А слабые сдаются, сбегают от проблем. Чтобы покончить с собой много ума не надо.

— Я пыталась несколько раз, — шепчет девочка с волосами, окрашенными в седой цвет. Она одета во все черное, отмечаю кожаный шипованный напульсник на запястье, наверное, представительница субкультуры «Готов». — Но не смогла, — снимает его, чтобы показать мне запястье, где есть тоненькая полоска зажимающего шрама, как от пореза во время готовки обеда. Кажется, она хвастается. Все заглядывают мне в глаза в ожидании похвалы.

Ну что ж. Показываю им свои запястья с грубыми белыми шрамами.

— Вау! — восклицают детки.

— А расскажите как это, умирать, — мечтательно спрашивает девочка с седыми волосами.

— Правда, что вся жизнь проносится перед глазами?

— Не правда, — одергивает юноша, — это все вранье. Просто душа покидает тело. Вы же видели свое тело со стороны?

— А свет в конце туннеля?

— Ну, — смеюсь, — думаю, самоубийцы свет в конце туннеля не увидят. По крайней мере, я не видел.

— А что Вы видели? — пододвигаются ближе.

— Ничего, просто темно, — отвечаю. Дети разочарованно вздыхают.

— Резать вены слишком больно, — говорит голубоглазая девочка, — я бы лучше отравилась. Это очень красивая, быстрая смерть. Ты выглядишь как живая, как будто бы спишь, просто мертвая...

— Вообще-то, — говорю, — не совсем так. Рассчитать смертельную дозировку лекарств — практически невозможно. Думаю, не каждый врач сможет составить себе идеальный яд для быстрой смерти. В любом случае, организм борется до последнего. Когда отравка попадает внутрь, сразу же начинается сильная рвота. Режущая, нестерпимая боль в желудке и рвота. Какая бы поза не была запланирована для смерти, человек оказывается на четвереньках. Если повезет, он успевает добежать до унитаза, мне не повезло. И вот ты плачешь от невыносимой боли, не в силах справиться со спазмами. Тошнит не переставая. Но отравка уже попадает в кровь и разносится по органам. Голова кружится, клетки мозга гибнут, отчего болит затылок и виски. В ушах стреляет. В глазах то темнеет, то светлеет, появляются разноцветные пятна. Контролировать тело практически невозможно. Снова и снова падаешь на пол. Голова такая тяжелая, что шея не справляется, приходится поддерживать руками. Все это время продолжает тошнить. И единственная мысль — не захлебнуться, не упасть и не задохнуться в собственных рвотных массах. А сил уже нет. Падаешь, поднимаешься, снова падаешь, снова поднимаешься.... И тут, вдруг, появляется сумасшедшее, неудержимое желание жить. Думаю, это срабатывают инстинкты. Не получается просто расслабиться и отключиться, ты

барахтаешься, скользишь, приводишь себя в чувства, зовешь на помощь. Борешься, цепляешься за этот мир до последнего. А потом, если повезет, или не повезет, тебя находят в омерзительном состоянии и откачивают. Несколько дней жуткие боли в животе, трубки во рту, постоянное промывание желудка, а тебя все тошнит и тошнит...

— Достаточно, Олег, — Аля кладет руки мне на плечи, — я думаю, молодежь уже поняла, что травиться не стоит.

Дети, глаза которых, кажется, сейчас вылезут из орбит, медленно кивают и рассасываются по комнате.

— Перегнул, да? — сжимаю губы, — воспоминания...

— Надеюсь, это несколько отрезвит детей, а то Люда жалуется, что чуть что — я покончу с собой. Ультиматумы сплошные.

Домой добираемся на такси, а утром уезжаем. Константин Петрович собирает нам сумку со свежими помидорами и баночкой тыквенно-персикового варенья. Кажется, знакомство с родителями прошло вполне успешно, по крайней мере, никто ни с кем не поссорился.

* * *

— Жаль, что не получилось задержаться у родителей еще на день, — говорит мне Аля, когда мы поднимаемся в лифте на работу, — а по-хорошему, так еще недельку бы отдохнуть в тишине и спокойствии. Обожаю бывать у мамы с папой.

— А ты никогда не думала над тем, чтобы вернуться в свой родной город?

— Что? — Аля смеется, — никогда в жизни. Ты что? Бросить карьеру? Да я лучше умру! — договаривает уже по пути к своему кабинету.

— Нина, доброе утро. Сергей уже в офисе?

— Доброе утро. Насколько мне известно, начальства еще нет.

— Передай ему, как появится, что я жажду с ним встречи. Мне написали москвичи, в пятницу они будут у нас.

— Ура! Поздравляю, Алла Константиновна, — Нина хлопает в ладоши. Наблюдать восхождение на эшафот нет ни сил, ни желания, я молча направляюсь в свой кабинет.

Следующие несколько дней мне казалось, что я снова стал одиноким. Круглые сутки был предоставлен самому себе, и даже ночью не имел возможности привлекать ее внимание. Аля работала. Впереди маячил грандиозный проект, грандиозный шанс, бешеные деньги. Успешные врачи, а я собирался стать именно успешным врачом, зарабатывают не плохо, знаю по своим родителям. Но суммы, которые называла мне Аля, не шли ни в какое сравнение даже с пятилетней заработной платой специалиста в области медицины.

— Если наша компания получит этот заказ, мы взлетим на новый уровень, понимаешь? — вздох рассказывала она мне. — Олег, после этого договора в наших жизнях все изменится!

В чем, в чем, а в этом я не сомневался.

«Олег, не мешай, я занята».

«Олег, еще час и поедем домой, подожди немного».

«Олег, ты можешь поставить себя на мое место? Потерпи, скоро все станет по-прежнему».

Ну и я терпел, а что мне оставалось делать?

К лекарствам я, кажется, адаптировался. По крайней мере, многие побочные эффекты прошли. Или я к ним привык и перестал замечать, не знаю. Во всяком случае, после поездки к родителям Али хуже мне не стало.

К презентации готовились всем офисом. Уборщики отдраили помещение, вымыли окна. Руководство закупило в переговорную новое оборудование и удобные мягкие кресла, Нине полностью обновили компьютер, докупили канцелярских принадлежностей. Народ вырядился чуть ли не в смокинги и бальные платья. Цирк. После того как утром я решил неудачно пошутить над всем этим ажиотажем, Аля запретила мне одеваться как обычно, пришлось тоже надеть брюки со стрелками и белую рубашку, что сразу же ухудшило мое настроение.

Хотя, когда я смотрел на мою девочку, настроение поднималось моментально. Поднималось и оттопыривало штаны, насколько было возможно.

Новый костюм невероятно шел Але, в нем она казалась еще более хрупкой и женственной. Облегающие, чуть зауженные к низу брюки стройнили ее не хуже привычных узких юбок, пиджак подчеркивал тонкость талии, дополнял образ топ в цвет. Я бы подписал любой договор, лишь бы только работать с такой девушкой. Свои мысли я озвучил вслух, за что Аля очень тепло поблагодарила за поддержку. Она нервничала, несмотря на полную готовность к встрече. Сергей страшно боялся упустить новых клиентов, поэтому усиленно давил на Алю, сваливая на нее ответственность за предстоящую встречу, это не могло не чувствоваться.

В день «Икс» поведение Сергея хоть и было крайне предсказуемым, все равно застало нас всех врасплох.

Москвичи, в количестве семи человек, вальяжно расхаживали по приемной, а наш директор, как мальчик на побегушках, носился вокруг них, предлагая то чай, то кофе, то воду, спрашивая, как они долетели, не твердые ли были кресла в салоне самолета, не жесткой ли туалетная бумага в отеле...

Наши гости оказались мужчинами за пятьдесят. Полные, неприятные на вид, но, судя по глазам, самоуверенные и считающие, что мир принадлежит только им. Вероятно, я преувеличиваю, и к нам приехали совершенно обычные люди, просто мне с самого начала не понравилась эта сделка, поэтому не пришли по нраву и ее участники.

Сергей и несколько его помощников, запыхавшихся в попытке угодить, лишь подтверждали впечатление.

Я уже давно закончил готовить к презентации переговорную, поэтому сейчас сидел в своем кабинете, через опущенные жалюзи наблюдая за гостями.

— Они идут к нам! — воскликнул залетевший в кабинет Александр, мой прямой руководитель. Бросился к своему компьютеру, молниеносно набрал пароль, пригладил волосы, открыл свернутую страницу браузера и принялся закрывать вкладки со страницами форумов и прочей информацией, не относящейся к работе.

— Думаешь, они будут проверять, чем ты занимаешься? — спрашиваю, скептически приподнимая брови.

— Ты лучше молчи, — говорит мне, — Олег, ты хороший парень, но чтобы не спросили — ты молчи. А то ляпнешь еще что-нибудь...

Голос Сергея за дверью становится громче, кажется, он специально нас предупреждает о том, что скоро зайдет, вероятно, чтобы мы успели прекратить неприличные, порочащие компанию дела, которыми якобы занимаемся. Ну и бред. Итак, дверь в наш небольшой, более чем скромный кабинет открывается. Александр, вечно сутулившийся, худой, но жилистый мужчина около тридцати лет, резко выпрямляется на стуле, я и не подозревал, что он умеет сидеть настолько прямо... Его губы расползаются в широчайшей улыбке коммивояжера, обнаруженного на пороге вашего дома воскресным утром, с целью предложить вам купить косметику с большой скидкой. Александр косится на меня, показывая знаки, что надо улыбаться. Я пытаюсь, честное слово.

— А это кабинет системных администраторов, бессменных лекарей основных трудяг нашей компании, железных, разумеется, — подмигивая, представляет нас Сергей. Мне одному кажется, что сравнение выглядит более чем убого? — Александр и Олег.

Помимо гостей в кабинет заходят Аля, Нина с подносом, на котором стоят бутылки с минералкой и лежит шоколад, ну и сам Сергей, разумеется. В и без того небольшом кабинете становится тяжело дышать. Мне кажется, что это лучший момент, для того, чтобы попросить добавить нам несколько квадратных метров и поставить кулер, но я продолжаю молчать. Смотрю на пол в поисках красной ковровой дорожки, не нахожу, слава моим бесам.

Один из мужчин, как я понял, самый главный, делает шаг вперед, смотрит на меня. Он очень крупный, хоть и невысокий мужчина, с огромным пивным животом. Глаза — узкие щелки, полные губы расползаются в улыбке, открывая вид на идеально-ровные зубы.

— А, это тот самый Олег? — спрашивает он, упираясь рукой о мой стол. Я киваю, так как в любом случае, я единственный работник в компании с этим именем, но обращаются, по-видимому, не ко мне. Отвечает Сергей, который, кажется, нервничает. Закатывает рукава пиджака, тут же раскатывает обратно, мнетя на месте:

— Да, это он.

Некоторое время все рассматривают меня, а я их.

— Знаете, при всем моем уважении, но мы бы не хотели сотрудничать с компанией, где столь ответственную должность занимает ненадежный человек, — говорит гость низким голосом, стараясь поддерживать дружелюбные интонации.

— Я с вами совершенно согласен... — начинает Сергей, но гость его перебивает:

— Я думаю, что это прекрасно, если вы, а, значит, теперь и мы, помогаем людям с проблемами такого плана, но, понимаете... — делает паузу.

— Конечно, сегодня же мы его уволим! — горячо заверяет Сергей.

— Нет, что Вы, Сергей Игоревич. Ни в коем случае. Я думаю, что Олегу больше бы подошла должность в отделе клининга. Ему бы самому стало легче. Меньше нервов, напряжений от высокой ответственности.

— Я с Вами полностью согласен, Нина, немедленно подготовь приказ о переводе.

— А почему вы все говорите так, как будто меня здесь нет? — подаю я голос. Говорю нейтрально, но тут же натываюсь на яростный взгляд Сергея, сопровождающийся резкими жестами недвусмысленно предлагающими «заткнуться».

— Сынок, скажи, тебе нравится работать в этой компании? Тебе удобно здесь? — нарочито дружелюбно обращается ко мне гость. Таким же тоном мой отец разговаривает с младшим из детей Кати, которому три года.

— Хм, — выдавливаю из себя, — меня все устраивает, — вижу знаки Сергея и добавляю, — спасибо, что спросили.

— Вот и славно, — он треплет меня по голове, я уклоняюсь.

— А теперь мне, наконец, покажут кабинет святая святых — отдела разработки? — спрашивает гость, после чего они все уходят. Аля на меня не смотрит. Нина, которая покидает комнату последней, пожимает плечами, словно извиняясь.

Кажется, меня только что переквалифицировали в уборщики.

Жду Алю до последнего. На часах уже почти два, я отчаянно борюсь со сном на привычном месте в углу приемной. Голоса из переговорной не утихают ни на минуту. Да сколько можно мусолить одну и ту же тему!? За день, помимо основной работы, я успел очистить свой компьютер от личной информации, подготовить документы и памятки для нового сотрудника. Я даже кое-где наклеил стикеры... В общем, издевался над собой как мог. А Али все нет.

Когда полчаса назад я попытался заглянуть в кабинет, чтобы спросить долго еще будет сие собрание мирового значения, она мне махнула выйти, а потом написала смс: «не мешай, они у нас на крючке».

Больше я не мешал, сидел тихо, ждал.

Но как же долго, бесы!

Хорошо, что хоть не принял успокоительные, а то уснул бы прямо на столе.

Бесконечное ожидание, бесконечная усталость от столкновения с новым проявлением несправедливости. Вот так, за одну минуту я, проработавший здесь больше года, потерял место, потому что не понравился новому клиенту.

Представляю себе лица наших сотрудников, когда их бывший сисадмин наравне с уборщицами, будет гонять со шваброй по кабинетам... Унизительно. Так не пойдет. Придется искать другую работу. Но какую? Кто меня еще может взять с моей проблемой? Если только пойти убираться в другую организацию... Родители Али меня точно возненавидят. Как же хочется вернуть то чувство, которое не покидало меня после выхода из больницы, а именно — безразличие ко всему миру. На душе было так легко, так спокойно. От меня никто ничего не ждал, это была настоящая свобода, сродни той, что испытывают живущие на улице бродяги. Сейчас, из-за Алечки, все иначе. Мне обязательно нужно что-то придумать. Ради нее. Ради нас...

Двери открываются, и гости высыпают в приемную. Я, как обычно, подрываюсь с места, но подходить не спешу.

— Алла Константиновна, Вы просто чудо. Шикарная презентация, — моей Але целуют ручки, — мы еще никогда не имели чести работать со столь компетентной и приятной женщиной, — говорит один из мужчин. Раскрасневшийся от удовольствия Сергей стоит чуть позади.

— Вы меня смущаете, — говорит Аля, оглядываясь.

— Только мы совершенно бессовестно Вас с Сергеем задержали! Вы уж простите нас, дотошных. Мы просто обязаны доставить Вас до дома в целости и сохранности. У нас два лимузина.

— Нет, спасибо, я за рулем, — говорит Аля, мягко забирая руку.

— Вы очень устали, я настаиваю, чтобы Вы приняли наше предложение. Мы Вам компанию составить, увы, не сможем, сразу поедем в гостиницу, но вторая машина полностью в Вашем, Алла Константиновна, распоряжении.

Аля в нерешительности смотрит на меня, потом на Сергея, который качает головой, дескать, не вздумай проговориться, что ты живешь с ним. Несколько секунд она сомневается, потом вздыхает и говорит:

— Хорошо, спасибо.

— Вот и чудесно.

Они покидают приемную, гася за собой свет. Я остаюсь один и в темноте.

* * *

Я на нее не обижаюсь. Отметаю даже мысль о возможности подобного, которая возникает во время анализа случившегося инцидента.

Аля поступила именно так, как требовал от нее здравый смысл. Все в порядке.

Я иду по ночному городу, руки в карманах куртки, смотрю на асфальт перед собой, другими словами, куда иду — не вижу.

Нет, разумеется, я не обижаюсь. И телефон я выключил не потому, что не хочу слышать ее голос, я всегда рад ее звонкам. Просто, мне нужно побыть одному, подумать.

Происходят слишком резкие перемены в жизни. Утром у меня была работа, женщина... наверное, я был вполне счастлив.

Холодный осенний ветер покалывает уши и лицо, чувствую, как закладывает нос, что является предвестником насморка. Чихаю.

Возвращение происходило слишком быстро, слишком удачно все складывалось. Находясь в клинике, я планировал потратить на адаптацию как минимум полтора года. А тут — бах — неплохая должность, бах — гражданский брак... Я удачливый сукин сын, однако. Так мне сказал один из врачей, когда я пришел в себя после ударных доз транквилизаторов и умудрился вспомнить, а потом рассказать обо всех ужасах содержания в больнице прокурору.

О том, как в «камере смертников» кровати стояли вплотную друг к другу, врачи не имели возможности подойти к пациенту при необходимости. О том, что некоторые пациенты спали на раскладушках в коридоре, потому что в состоянии рецидива они требовали к себе

круглосуточное внимание, особый уход, а коридор, в отличие от палат, легко проглядывался на дальнейшее расстояние... О тумачах, о мерзкой пище, которой нас кормили, о воровстве наших личных вещей из передач родственников...

Это были мои собственные круги ада, через которые я был обязан пройти, чтобы измениться. Чтобы захотеть снова жить.

Ноги сами приводят меня к «трущобам, в которых невозможно жить». Обычная хрущевка, расположенная в спальном районе, каких в нашем городе сотни. В окнах моей бывшей квартиры горит свет. Счастливики.

Но спать где-то нужно, поэтому я направляюсь в сторону ближайшей гостиницы. Я бы взял такси, но наличных у меня нет, а поблизости как назло ни одного рабочего банкомата.

Перед уходом домой, Нина зашла в мой уже теперь бывший кабинет и сказала, чтобы я пару дней не появлялся на работе. Не маячил на глазах перед клиентами и Сергеем. Они с Алей собирались попробовать уговорить директора передумать.

Хорошо, что определенный минимум лекарств у меня всегда с собой, поэтому я засыпаю быстро. Сил нет даже на изложения.

Да и кто их теперь будет читать? Почему-то раньше в написании своих мыслей я видел какой-то смысл помимо того, чтобы рассказать о них Але.

Она, кстати, мне не звонила. Я включил сотовый перед сном.

* * *

Просыпаюсь я поздно — у меня же выходной. Брожу по городу, перекусываю фастфудом и орешками, которые купил в супермаркете.

Аля мне не звонит, а я не звоню ей. У нас обоюдное молчание. Очень медленно, с трудом шевеля остатками извилин, понимаю, что меня, кажется, бросили.

Сажу на лавочке в парке несколько часов, практически не шевелясь, обдумывая последние месяцы своей жизни. Пытаюсь понять, что именно я сделал не так, почему ее чувства резко изменились. Вероятно, новым клиентам удалось сделать то, что не получилось ни у начальства, ни у друзей Али, ни у наших с ней родителей — донести до девушки весь ужас отношений с психом.

Внутри пусто. Придется в любом случае увольняться, потому что видеть ее каждый день...

Разве я могу ее оставить? Как же она без меня?

А, может, я ошибаюсь и у нее все хорошо? Сам придумал ей осложнения от стрессов, почивал таблетками, а девушка абсолютно здорова. Может, мне хотелось думать, что ей нужна помощь? Для того, что было не так мерзко от собственной неполноценности.

Если мы останемся вместе, то вся наша жизнь будет походить на события последней недели. Моя аудитория — детки-эмо, которые еще не поняли, что жить чудесно, а умирать страшно. Мои друзья... хм. Никто из моих друзей не стремится со мной общаться, правда, я тоже не стремлюсь, но это же понятно почему. Практически у всех семьи, дети. Я непредсказуем, я могу быть опасен. Я не хочу ставить кого бы то ни было в неудобное положение. Аля всегда

будет тянуться к здоровым людям, к нормальному общению.

Мне нужно взять себя в руки, чтобы не поехала крыша. Не допустить рецидива.

Когда я планировал свою реабилитацию, я и мысли не допускал об отношениях с женщиной.

Так или иначе, я еду к ней домой на метро. Мне необходимы лекарства и дневники. Хотя бы последний. Думаю, остальные вещи можно будет забрать позже. Просто мне жизненно необходимы мои дневники, чтобы перечитать свои мысли.

Кажется, мне становится хуже.

Я должен еще раз поразмыслить над ситуацией, чтобы окончательно понять, что у нее все будет хорошо без меня.

Аля выходит меня встречать в прихожую, молчит. Выглядит очень грустной. Кажется, ей неприятно мое присутствие. Борясь с желанием убежать немедленно, прохожу в спальню.

Тут так чудесно пахнет. Свежестью и ей. Мне кажется, ее нежный, и в то же время сводящий с ума, мгновенно возбуждающий меня запах повсюду.

Хочется прихватить с собой что-нибудь из ее вещей, чтобы нюхать перед сном, но она за мной наблюдает, и я этого не делаю.

Она молчит, и я молчу. Я не хочу быть ей в тягость.

— Поздравляю с успешной презентацией, — не выдерживаю. Просто хочу услышать ее голос. Она отворачивается и выходит из комнаты. Кажется, я ее чем-то обидел.

Я беру пакет из тумбочки, складываю туда необходимый минимум одежды, аптечку и свой последний ежедневник, — самые важные на данный момент для меня предметы. Наверное, она хочет, чтобы я скорее освободил ее квартиру, но у меня нет моральных сил заниматься этим прямо сейчас. Может, она сама выбросит остальные вещи?

На минуту замираю, рассматривая нашу...ее кровать, после чего иду к входной двери. Наверное, мне нужно что-то сказать, поблагодарить ее за это время, за ее внимание. Сказать, что я люблю ее. Возможно, следует попытаться поговорить.

Но она молчит, и я молчу

Я уже подхожу к цели, как она меня обгоняет, встает перед входной дверью, широко расставляя руки и ноги, кричит:

— Не пуцу! Слышишь? Я тебя никуда не пуцу! — кричит громко, до хрипоты, слезы брызгают из глаз, — Олег, не уходи, не бросай меня, я умоляю, я все сделаю. Прости меня, только не бросай! — кричит.

— Аля, я...

— Не пуцу! — кричит, и я не узнаю ее звенящий голос, переходящий на визг. Рыдает. Бесы... Я делаю шаг к ней, хочу ее успокоить, но она кричит: — Нет! Не пуцу тебя! — она думает, что я хочу уйти, но как же мне подойти к ней, если она стоит на пути к двери?! Медленно опускаю пакет на пол:

— Я никуда не уйду, Аля. Не собирался даже, — держу руки перед собой, как обычно, пытаюсь ее успокоить. Сердце колотится, мысли в хаотичном порядке проносятся в голове, я пытаюсь придумать, как сейчас поступить, чтобы не навредить ей. Понимаю, что она не владеет собой.

— Не лги мне! — кричит и топает ногами, ее трясет, бесы, у нее истерика... Я полностью теряюсь, я ни разу не видел ее в таком состоянии... — Ты хочешь бросить меня, оставить одну, — кровь прыскает из ее носа, — Я тебя на пуцу!

— Алечка, я никуда не уйду от тебя, родная, девочка моя, ты что, иди ко мне, — уговариваю ее, пытаюсь скрыть свой страх за нее. Я развожу руки, приглашая обнять себя, но она мне не верит.

— Ты лжешь! — указывает на пакет с лекарствами, — ты собрал свои вещи, ты хотел меня бросить!

С этими словами, она бросается на колени и обнимает мои ноги, я тут же приседаю, пытаюсь ее поднять, прижать к груди, но она отбивается, дрыгается, трясется, кричит и рыдает, всхлипывая и заикаясь.

— Не уходи, не бросай меня, Олег, я умоляю тебя, — очень жалобно, дрогнувшим голосом.

— Глупышка моя, я собирался выбросить мусор, — говорю нежно, хотя меня самого потряхивает от понимания ситуации. Она в шаге от психоза, — ты что навывдумывала, маленькая?

— Мусор? — не верит. — Это же твои лекарства.

— Да? — делаю вид, что удивляюсь, — вот я придурок! Перепутал! Вот видишь, какой я забывчивый... Как я без тебя? — обнимаю, наконец, удается прижать ее к себе, — я без тебя и дня не проживу, да что там, и часа.

— Я тебя сильно обидела, я тобой пренебрегла. Олег, я себя ненавижу, я такая дрянь. Ты тоже должен ненавидеть меня.

— Ты что такое говоришь, дурочка моя, — крепче прижимаю ее к себе, поднимаюсь и несусь в комнату, присаживаюсь с ней на диван, надеюсь, что если мы окажемся подальше от входной двери, ей станет легче.

— Я тебя недостойна, — рыдает.

— Это же была наша игра. Девочка моя, моя единственная, самая родная, — укачиваю ее, — ты же самый важный человек в моей жизни, я сразу понял, что это такая игра.

— Игра? — переспрашивает, всхлипывая, видит свою кровь на моей рубашке, пугается. Я вижу, как округляются ее глаза, она смотрит на свои руки...

— Конечно игра, — силком поднимаю подбородок, заставляя смотреть на мое лицо, пытаюсь отвлечь, — Я себя отвратительно вел, заставлял тебя ревновать, уделял тебе мало внимания, вот ты и решила наказать меня, дать понять, что достойна большего. Я все понял и клянусь, что буду внимательнее. Я обещаю стараться лучше, прости меня, Алечка.

— Что ты такое говоришь? Ты хотел уйти.

— Да нет же! Даже если бы ты меня выгнала, я бы жил под твоей дверью, — говорю абсолютно серьезным голосом, она хихикает сквозь слезы, — Честное слово, так бы и было. Я от тебя никуда не денусь, хоть ногами выпихивай, — глажу ее, говорю шепотом и так нежно, как только могу, стараясь скрыть собственное волнение.

— Ты, правда, меня не бросишь? — продолжает плакать. Я вытираю рукой ее слезы и кровь с лица, которая все еще идет, хоть и тише. Она вся перепачкана, не понимает что делает, продолжает нервничать. Чувствует влагу, хочет потрогать нос, но я резко убираю ее руки, прижимаю к себе, целую в макушку:

— Это слезки, малышка. Кровь не твоя, не волнуйся. Я никогда тебя не оставлю. У меня и мысли такой не было.

— Олег, я просто подумала, что....- она развела руками, громко всхлипывая.

— Я с тобой, родная, я тобой моя принцесса, моя маленькая, моя хорошая, — практически напеваю, укачивая ее, — без тебя меня не будет, ты же знаешь. Больше, — снова вытираю слезы и кровь с ее лица, — больше чтобы такого я от тебя не слышал, а то обижусь.

Она кивает. Несколько раз, с огромным энтузиазмом.

— Олег, я так устала. Я смертельно устала. У меня нет сил, я выдохлась, сдулась. Сергей на меня давит, запретил говорить, что я живу с тобой, и я послушалась. Будь проклят этот договор! А потом ты не пришел ночевать, и на работе тебя не было, а я боялась звонить.... Я боялась, что ты сбросишь, что будешь недоступен... Я так боялась, что ты не придешь, Олег! Мне плохо без тебя.

— Я знаю, маленькая, — шепчу, качаясь вместе с ней вперед-назад.

— На работе все требуют от меня результат, каждый день. Сергей требует. А я все делаю и делаю, делаю и делаю... Олег, — она снова начала плакать, — я же тебя предала, из-за работы...

— Еще чего, вот придумала. Ничего ты меня не предала. Забыла? Это была игра. Наша игра.

Кивает.

— Олег, если ты меня оставишь, я не выживу.

— Знаю, — еле слышно говорю я. Ее сердце колотится, она вся ледяная, трясется. Но, кажется, она помаленьку успокаивается, нам получается удержаться, мне удастся удержать ее до того, как она переступит грань.

— Олег, можно, я не пойду завтра на работу?

— Конечно, я все устрою.

— Олег, — плачет, — я хочу родить ребеночка.

— Тогда у тебя будет ребеночек, — убаюкиваю.

— Я хочу от тебя.

— Значит, будет от меня.

— А он не будет болеть?

— Мы научим его жить, не нервничая, он никогда не будет болеть.

— А можно прямо сейчас?

— Нужно, — целую ее в лоб, — только дай мне пару минут отдышаться, — прижимаю ее к себе, прикрываю глаза, облегченно выдыхая. Неужели мы победили на этот раз? О, Господи, она почти попала в ад, через который пришлось пройти мне. Сколько жизней испорчено из-за ненужных стрессов, из-за неприятностей, о которых через неделю и не вспомнишь. Мы слишком близко принимаем к сердцу вещи, которыми по-хорошему следует пренебречь, проблемы, решения которых у нас перед носом. Нужно лишь протянуть руки...Нет, я ее не отдам, чего бы мне это не стоило. У Али все будет хорошо.

Мы идем в душ, и я помогаю ей умыться, а потом мы любим друг друга без всякой защиты, под струями теплой воды. Когда она начала меня ласкать, от предвкушения перспективы почувствовать ее ТАК, у меня закружилась голова. Она все еще не в себе, наверное, мне следовало уложить ее спать, а уже завтра обговорить ее спонтанную идею, но я слишком боюсь ей перечить, пока она в таком состоянии, я готов сделать все, лишь она успокоилась, почувствовала себя в безопасности.

— Боже! — выдыхаем мы друг другу в губы, когда я оказываюсь внутри, и скорее, чем моя совесть успевает что-либо прошептать, я начинаю двигаться, улетаю.

— Я буду с тобой, — говорю я, понимая, что вот-вот достигну пика, все сильнее ускоряюсь.

— Олег, я люблю тебя, — шепчет она. Я кончаю, слушая самые прекрасные слова в мире. Кажется, что она очень медленно поет мне их в ухо, после чего те эхом еще несколько минут отдаются от стенок как будто бы пустой головы.

Часть 3

Вот так вот... тихо и не заметно может убежать ТВОЯ крыша.

(с)

Олег

Навороченный коммуникатор лежал на кухонном столе потускневшим экраном вниз. Отхлебнув холодной воды из стакана, я посмотрел на холодильник, раздумывая, съесть ли мне бутерброд, прежде чем позвонить Нине, или же сначала решить дела, а потом позавтракать. Перевел взгляд на темно-синий корпус телефона, брезгливо толкнул его пальцем. Теперь я понимаю, что ощущают победители, герои, спасшие жизни людей. Понятия не имею, откуда это чувство, но с тех пор, как я отключил ее сотовый — а это в любой другой ситуации являлось бы сверх наглостью с моей стороны — я понял, что изменил ее жизнь. А еще, что самое главное, я успел это сделать до того, как ей начали звонить с работы.

Аля сладко спит за стенкой, надеюсь, ей снится что-то хорошее. Я плотно задернул шторы в спальне, включил кондиционер, чтобы не было душно, укрыл ее хорошенько — надеюсь, она проспит еще часа три-четыре.

Я же обещал обо всем позаботиться.

Беру свой телефон, набираю номер Нины.

— Как не выйдет на работу? Какой еще отпуск?! — Нина возмущается так, будто Сергей вчера переписал на нее «ЭД точка ру» и теперь успех компании ее касается в большей степени, чем рядового наемного работника, — дай мне ее немедленно!

— Нина, мы с Алей берем неделю отпуска. К сожалению, мы не можем заехать в офис, поэтому просим, чтобы ты прислала на почту образцы заявлений, мы их подпишем и отправим с курьером.

Через полчаса Нина мне перезванивает:

— Сергей говорит, что ты можешь катиться ко всем чертям, а Аллу Константинову он ждет через полчаса в своем кабинете. Олег, лучше не злите Сергея, он в очень плохом настроении и не понимает подобных шуток.

— Хорошо, как хотите. Тогда Аля берет больничный.

Ну, я же обещал обо всем позаботиться.

Следующей, кому я позвонил, была моя мама. К тому времени, когда сонная Аля выплыла из спальни, шаркая мягкими тапочками по полу, у нее уже был готов больничный лист на две недели. Аля молча забралась ко мне на колени, обняла за шею и снова опустила ресницы. Я принялся ее укачивать, как вчера вечером, прижимая к себе.

— А сколько сейчас времени? — спрашивает она тихим голосом.

— Понятия не имею. Аль, а когда ты в последний раз была на море?

Уже следующим вечером мы летели с огромной скоростью в комфортабельном Боинге прямиком в Турцию. Девушка из туристической компании с полуслова поняла, что от нее требуется, и подобрала для нас с Алей уютный отель, находящийся вдали от шумных баров и дискотек. Разумеется, уровень обслуживания был выбран пять звезд и все включено, чтобы не беспокоиться о пустяках. Мы хотели уехать туда, где можно ни о чем не думать, забыть обо всех проблемах, об ответственности и о людях, которые на нас надеются, которым мы что-то должны.

Помимо нас в отеле «Санрайз» отдыхали пожилые семейные пары в основном из Германии и Австрии, а так же молодые семьи с маленькими детьми. Песочный пляж располагался на территории отеля буквально в трех минутах ходьбы, но мы в основном нежились в шезлонгах у бассейна. Мы много спали, ели в основном фрукты и овощи, насыщая организмы полезными веществами, бартером забирая у горячего южного солнца драгоценный витамин D, взамен предоставляя лишь накопившуюся в каменном городе усталость и негатив. О том, как отреагируют коллеги на наш бронзовый загар после пребывания в больнице, — а мама уж позаботилась о таком диагнозе для Али, что ни у кого сомнений не осталось, что девушка нуждается в срочной госпитализации, — мы решили пока не думать.

— Признайся честно, говорит мне Аля, — тебя подослали конкуренты нашей компании, чтобы ты испортил мне карьеру, — смеется, — понятия не имею, как у тебя это получается, но я впервые за свою жизнь сейчас думаю только о себе. И поступаю так, как хочется именно мне.

— Аля, так живут счастливые люди. Поверь мне, есть вещи важнее, чем стремление оправдать ожиданий родителей, начальства, друзей.

Мне нравилось дать советы Але, в такие моменты я как будто ненадолго возвращался в прошлое, во времена врачебных практик, когда к моим рекомендациям прислушивались пациенты. Уже много лет я не позволял себе ничего подобного, хотя возможности были.

Шизики часто помогают друг другу в психбольницах. У нас говорилось так — «сошел с ума сам — не дай сойти другому». Те психи, которые что-то соображали, делились своими наблюдениями, давали консультации, причем с таким умным видом, что новенькие слепо верили, внимали с открытыми ртами. Грубо говоря, исполняли повороты на левой пятке, чтобы избавиться от какого-нибудь побочного эффекта, например, сухости во рту. Кстати, многие клялись, что это действительно помогает. Каюсь, я тоже один раз попробовал, но мне, увы, не помогло, вероятно, плохо вертелся. С другой стороны, невозможно было ни признать, что от неусидчивости подобные движения действительно помогали, — вместо того, чтобы рассекать по коридору, а исполняешь пируэты на одном месте. Хотя других пациентов, таких как я, например, непрерывное мельтешение перед глазами сильно раздражало, и они, то есть я, периодически жаловались медперсоналу, отчего, впрочем, не было никакого толку. Я никогда никому не давал советов. Я же уже не был врачом, какое я имел право? Сигаретами делился, это было, но давать советы — ни за что.

С рождением ребенка мы решили пока повременить. Разумеется, если он получится, то мы были бы только рады, но специально к этому идти не стали. Мне нужно было немного времени, чтобы совсем отказаться от лекарств, а моя бессонница пока не позволяла мне этого сделать, а Але и вовсе не мешало бы походить по врачам, сдать элементарные анализы. Ну, хотя бы проверить уровень гемоглобина и давление.

Вечерами мы, обнявшись, гуляли по пляжу, иногда молча, иногда обсуждая книги или увиденные накануне фильмы, турецкую культуру. Ужинали в ресторанах, слушая живую музыку, я даже позволял себе несколько глотков очень вкусного красного вина. Аля всегда наряжалась для меня, хотя это было и необязательно. Ее открытые бикини и без того сводили меня с ума, особенно, когда она просила развязывать на пляже веревочки купальника, чтобы на загорелом, теперь светящимся здоровьем теле не оставалось светлых полосок. Стоит ли говорить, что сексом мы занимались каждый день? Один раз даже ночью на пляже, причем, в ста метрах от нас этим же занималась другая пара, но мы приняли молчаливое обоюдное решение, не смотреть в стороны друг друга. Может, они и смотрели на нас, конечно, но я помню перед собой только розовые щечки Али, ее наморщенный лоб, когда она улетала, цепляясь за мои лопатки, а потом приоткрытый ротик, который было просто невозможно не поцеловать.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Поэтому я рассказывал до сего момента далеко не всю правду.

Либо дело в непривычном климате, в новой пище или напитках, — не понял пока, но снотворное переставало на меня действовать, пришлось увеличить дозировку в три раза, отчего появились шумы в голове, так что теперь ощущение близости морского прибоя было всегда со мной, даже когда я был далеко от этого самого прибоя. Но с этим можно было жить, кроме того, никаких сомнений — это явление временное. Я и не с таким жил, бывало и хуже. Радовало, что с высоты своих знаний у меня получалось полностью контролировать апатию, которая планировала вылиться в депрессию, если ее пустить на самотек. Только понимание того, что я самый удачливый человек во всей Турции, помогало не замыкаться в себе. В моменты просветления я писал о своем счастье изложения, а потом их перечитывал по нескольку раз в день, чтобы не забывать, как мне повезло. Внутри меня жили врач и пациент, которые в данный момент пришли к соглашению и работали одной командой. Я неплохо держался.

Олег недавно рассказывал историю про одного пациента, которого лечил, будучи студентом-медиком. Молодой мужчина был совершенно здоров, ничем не отличался от других людей, но в какой-то момент в его голове перемкнуло, и он, никого не предупредив, покинул рабочее место и поехал в аэропорт, взял билет на ближайший самолет до Гонконга и отбыл из страны. По прибытию в Китай у него спросили визу и цель приезда, естественно, никакой визы у мужчины не было, а цель выливалась из сумбурных фраз общим смыслом «вы не понимаете, в какой опасности находится наш мир». В страну его так и не пустили, вернули обратно в Россию, причем напрямик в отделение психбольницы для буйных. Как я поняла, мужчина в аэропорту без боя не сдался. Олег не сказал, кто был этот человек, но туманно намекнул, что тот занимается научной деятельностью и является не последним человеком в нашей стране.

Наш мозг, — объяснял мне Олег, — совершенно изумительный, но в то же время не поддающийся изучению орган. Вот так вот может перемкнуть практически каждого человека, при определенной психологической нагрузке, разумеется. Кому-то хватит обычной подножки, например, предательства близкого человека, кто-то не найдет в себе сил вырваться из капкана, заключающегося, например, в ненавистной работе, отсутствии возможности заниматься дорогим сердцу хобби, переезде в город, который так и не станет тебе домом. Причем, самое обидное, что чаще всего люди сами расставляют капканы, в которые попадают. Винить некого. Но большинству, особенно выносливым, требуется подзатыльник или неожиданный удар кулаком в лоб. Нокаут. У Олега как раз таки был нокаут несколько лет назад — смерть любимой женщины, в которой его же и обвинили. Судьба не стала мелочиться с этим мужчиной, была наверняка.

А потом Олег рассказал про туалеты без дверей в психбольнице, про скудные пресные обеды, про тумачи медперсонала, про грязные душевые, вонючие матрасы, про сон при включенном свете и прочие издевательства, с которыми он успел столкнуться, будучи и врачом, и пациентом. В общем, мы сделали вывод, что мне туда не нужно. И решили бороться со стрессами. Олег предложил поставить работу на второй план, понизить ее приоритет в моих глазах, выдвигая вперед свою кандидатуру, с чем я, не раздумывая, согласилась. На словах это было сделать довольно просто, потому что недавно я поняла, насколько важен для меня этот мужчина, но, тем не менее, я с ужасом ждала возвращения домой.

— А вы давно здесь отдыхаете? — за ужином мы познакомились с молодой семейной парой из Сибири. Примерно мои ровесники, но, обгорев в первый же день на солнце, они стали похожи на забавных подростков, особенно молодой человек, так как одет он был в смешные оранжевые шорты с яркими апельсинами и арбузами.

— Уже целую неделю. Время очень быстро пролетело, — отвечаю я, небрежно поглаживая ладонь Олега, — завтра мы уже возвращаемся домой.

— Очень жаль, мы надеялись, что успеем с вами подружиться. Вы такая красивая пара. Если не секрет, где вы работаете?

— Я руковожу одним из направлений разработки компании «ЭД точка ру», может, слышали о нас?

— Конечно, слышали, — оказывается, что наши новые друзья тоже программисты, мало того, участвующие в воплощении нескольких крупных проектов, на презентациях которых я имела честь присутствовать.

— А ты кем работаешь? — девушка обращается к Олегу.

— Я убираюсь в офисе ее компании, — отвечает, как и обычно нисколько не смущаясь. Обожаю своего шизофреника.

— У нас служебный роман, — добавляю я, улыбаясь. Несколько мгновений на нас смотрят редко моргая. Наши новые знакомые переглядываются, не понимая, почему мы так странно шутим.

— Он очень хороший уборщик, — киваю я, смеясь, — каких еще поискать.

— Ну-ну, — отвечает Олег, отпивая свой кофе из чашечки. Делает вид, что ему неловко от похвалы, как лучшего уборщика.

— Где ж таких менеджеров по клинингу берут? — усмехается девушка, — у нас только ворчливые тетki поступают за эту должность. Я даже думала там кастинг особый, кто умеет ругаться и возмущаться без причины. А Олег выглядит... как персонаж из порно-фильма. Там тоже сантехники и чистильщики бассейнов внешне недурны.

— Ты мне льстишь, — улыбается Олег.

Вечером он куда-то ушел, сказав, что хочет побыть в одиночестве. Я уже начала беспокоиться, когда вначале первого он сбросил мой звонок, приняла решение отправиться на поиски, но тут дверь номера распахнулась. Олег замер в дверях, не спеша заходить в комнату. Я лежала в темноте на большой кровати, много ворочалась, поэтому слегка запуталась в белоснежных мягких простынях, соответствующих заявленному уровню отеля. Глаза за пару часов отвыкли от света, из-за чего в первое мгновение пришлось зажмуриться, но вскоре я привыкла. Яркий свет из коридора обнимал высокую фигуру. Олег вальяжно прислонился к косяку двери, курил. Сначала я почувствовала запах дыма, а потом заметила движение руки. Открыла рот, собираясь возмутиться, потому что вот-вот должна сработать пожарная тревога — в отеле нельзя было дымить, но потом мой взгляд зацепился за палку, на которую Олег опирался. Не веря своим глазам, я прищурилась — в его руке действительно была самая настоящая швабра, которой моют полы в этом отеле.

— Зачем тебе швабра? — спрашиваю я, выпучив глаза. — Где ты ее взяла?

— Мне сказали, что у Вас, мэм, — пытался пародировать местный акцент, — что у Вас в номере жутких беспорядок, — он затушил сигарету о косяк, бросил ее в коридоре на пол, зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

— Ты хочешь поиграть в ролевую игру? — рассмеялась я, присаживаясь на кровати. Когда Олег подошел ближе, я увидела белое полотенце, заткнутое за штанины наподобие фартука.

— Заткнись, — он снял майку и спустил штаны, отбросил в сторону принесенный атрибут уборщика, после чего запрыгнул на кровать и прижал меня своим телом к матрасу.

— Значит, говоришь, таких уборщиков, как я, еще поискать? — проурчал он мне в ухо, а следом влажно облизал.

— Я думаю, что ты единственный в своем роде, и я действительно очень рада, что ты мой, — прошептала я, обнимая его бедра ногами и прижимая к себе. Помимо привычного аромата его кожи, от Олега пахло кремом против загара и табаком. Сводящее с ума сочетание. Хоть Олег и не отличался выдающейся мускулатурой, скорее был худощав для своего роста, он

действительно мог бы сойти за актера из высокобюджетного порно-фильма. Особенно, когда полностью вошел в роль и прикрикнул на меня:

— Заткнитесь, мадмуазель. Лучше переверачивайтесь на живот и дайте мне полюбоваться на вашу попку. Да, молодец... О, бесы, да...

— Я уже не могу не требовать полной взаимности, Аль, — сказал он после нашей любви. Сначала он был сзади, властно шлепая меня по бедрам и никак не реагируя на просьбы снизить темп, впрочем, после первой минуты я просила лишь о повышении скорости его движений. Но кончил он сверху, Олег очень любил покрывать меня своим телом. Мне тоже нравилось, когда он прижимал меня своим весом к матрасу, никогда раньше не думала, что в миссионерской позиции можно испытать ярчайшую гамму наслаждений. Бывают минуты, когда нет ничего важнее, чем просто смотреть на расслабленное лицо находящегося внутри тебя мужчины, обнимать его за затылок, прижимая к своей шее, в любую секунду имея возможность коснуться его губ своими, выдохнуть ему в рот свое удовольствие и сладко застонать, ощущая при этом дрожь его загорелого тела от того, что он знает, как ярко я кончаю от его движений. Иногда он на миг замирает, еле сдерживаясь, чтобы не улететь, и в эту секунду для него нет ничего прекраснее, чем томительное ожидание оргазма, а для меня — предвкушения его экстаза, которое именно я подарю ему. Наш секс — демонстрация принадлежности друг другу, потому что когда он внутри меня — я принадлежу ему, а он мне. И это невероятное, согревающее чувство сопровождает нас теперь каждую минуту, но зарождается именно в такие моменты, когда он сверху.

Он лежал на спине, а я — на его груди. В воздухе витал аромат секса, смешанный с моим дезодорантом и его кремом против загара.

— Ты сомневаешься во мне?

— Просто это уже не игра. Аля, я влюбился в тебя.

— Я тоже тебя люблю, я тебе много раз говорила об этом.

— Это другое. Не спорь, Аль, просто поверь, что тебе со мной будет тяжело.

— Без тебя я совсем не справлюсь.

— Тогда верь всему, что я тебе говорю. Иначе никто из нас не справится.

— Я буду.

Олег

Родной город встретил нас убийственным ливнем, некомфортными плюс десять по Цельсию, а квартира — затопленным потолком в ванной. В результате чего полночи решали вопрос с соседями, кто кому оплачивает ремонт, разумеется, последнее слово все равно было за Алей, я предпочитал не вмешиваться. В мои обязанности входило следующим утром дожидаться рабочих и объяснить им, что от них требуется, а так же договориться о сроках и стоимости их услуг. Таким образом, на работу я опоздал примерно на два часа.

Что я чувствовал, когда шел в офис? Смертельно хотелось спать, подошвы моей обуви не касались, а растекались по асфальту, мне приходилось напрягаться при каждом движении, отрывая прилипший ботинок от улицы лишь для того, чтобы прижать его к ней через

полметра. Было ощущение, что мое снотворное состоит исключительно из кофеина. После того, как я принимаю таблетку — желание спать испаряется, а вот утром, когда нужно тащить свой зад по каким-то делам — меня валит с ног от усталости. Хотя я прекрасно понимаю, стоит мне коснуться затылком подушки, как сон напрочь пропадет, будто он и не сидел в засаде весь день, заманивая мое сознание в свои сладостные пути столь желанного отдыха. К сожалению, было нельзя никому пожаловаться. Если вдруг мой врач заподозрит, что мне становится хуже, меня положат в больницу и начнут усердно лечить. Моему мозгу просто нужно еще немного времени, чтобы функционировать, как следует.

Поднимаясь в лифте, я думал о том, как отреагируют коллеги на мое появление. На самом деле, удачный план действий пока еще не успел родиться в моей голове, признаюсь, я понятия не имел о чем разговаривать с шефом, перед которым окажусь через пару секунд. Самый главный вопрос до сих пор оставался открытым: увольняться или нет? Но, бесы, мне хочется найти темный угол и подремать, хотя бы стоя, хотя бы минут десять. Опираюсь рукой о стенку лифта. Я не боюсь своего начальника, я не боюсь насмешек или порицаний со стороны коллег. Это не потому, что я смелый или отважный, просто мне известно о вещах, которых действительно стоит бояться.

Да, да и еще раз да. В наше время электросудорожная терапия является научно-обоснованным методом лечения, разумеется, строго добровольным и невероятно действенным. А что остается пациентам, которым не помогают медикаменты, а иссушающая душу депрессия не оставляет даже во сне? Отчаявшиеся, находящиеся на границе между жизнью и смертью или на подоконнике десятого этажа, если хотите, люди цепляются за любую возможность выбраться. У меня были пациенты, которые заглядывали мне в глаза, словно я был для них божеством, надеждой выбраться. «Вы уверены, что мне это может?» — «Считаю, вам стоит решиться». А дальше отдельная комната, если повезет — улыбающаяся медсестра, привязывающая к кровати, резиновый кляп, чтобы не откусить собственный язык. Лекарство под кожу, чтобы насильственно расслабить мышцы и не допустить переломов позвонков. «Это не займет много времени», — говорит врач и включает прибор, пропускающий ток через мозг. Это не больно. Я не пробовал, мне рассказывали, что ничего не чувствуешь под действием лекарств. А потерю памяти разве можешь почувствовать? Главное не забыть о своей вере, что ток поможет тебе вспомнить, что такое счастье.

Инсулинокоматозная терапия, спасибо появлению нейролептиков, применяется намного реже, чем раньше, как и некоторые другие процедуры, в нашем веке призванные ошибочными, но часто используемые несколько десятилетий ранее.

Если в гугле набрать «Пестров Виктор Петрович», то поисковая система выдаст кучу бесполезных статей, все что угодно, кроме действительно важной информации, которая должна была бы отобразиться при нажатии кнопки «поиск», но никогда уже не появится. К важной информации я отношу стихи, прозу и биографию непризнанного великого поэта двадцатого века. Почему великого? Потому что я видел его стихи, в то время они мне казались изумительно красивыми, я поражался игре слов, восхищался невероятно точными эпитетами и остроумными неожиданными метафорами, подобранными мастером. Хотя, в те годы я находил рекламные ролики верхом работы кинематографа, а разобраться в сюжетах мексиканских сериалов, которые нам показывали по телевизору каждый день с семи до девяти вечера, и вовсе не приходилось возможным.

Так вот, Виктор Петрович был шизиком, залеченным психиатрами старой школы. Процедуры и непрерывный прием лекарств состарили его ум до мышления столетнего старика, хотя на самом деле, судя по внешности, Виктор Петрович был намного младше моих родителей. Угрюмый сосед по палате, который все время держался за голову и ходил из стороны в

сторону. Иногда с криками: «вы очистили мою голову от мыслей, будьте вы прокляты!» — он кидался на санитаров. Ну, кидался — это сильно сказано. Что может живущий на одних лекарствах старик против молодых сильных мужчин? Кроме того, в больнице все знали волшебное слово, которое успокаивало Виктора Петровича лучше любых ремней и тумачков. Сульфазин. Во времена молодости Пестрова широко применялось вышеупомянутое средство лечения буйных психов. Если хотите знать мое мнение, и многие врачи, кстати, со мной согласятся, данный препарат использовался скорее в карательных, чем в терапевтических целях. Ирония в том, что Виктор Петрович не знал, что эта процедура давно запрещена. Сульфазин кололи под лопатку, после чего тело больного перемещалось в ад, где расплачивалось, судя по количеству боли, за грехи всего его рода, ну а душа оставалась на земле. Пациент молил о смерти, но убивать страдающих людей негуманно. Делать вид, что ты веришь, что ему станет легче — вот что гуманно.

Вы когда-нибудь видели, как у человека от страха шевелятся волосы на голове? Как глаза выпучиваются так, словно вот-вот вылезут из орбит, а из горла доносится непонятный то ли хрип, то ли писк? А я видел. Вот Виктору Петровичу было реально страшно. А мне-то что? Ну, подумаешь, буду мыть пол в офисе. Кроме того, как я недавно выяснил, моя персона, сжимающая швабру в руках, действует на Алю возбуждающе.

Двери лифта открываются, я оказываюсь в приемной, которая до отказа забита людьми. Быстро оглядев коллег и не найдя ни одного плаката или футболки с надписью: «Олег, мы скучали!» или «Олег, с возвращением!» я решил, что сборище организовано не в мою честь. Тем не менее, при моем появлении народ замолкает, даже вещающий в центре помещения несомненно жизненно-важную информацию Сергей прерывается на полуслове. Смотрят на меня.

— Добрый день, — здороваюсь я. Все молчат, кто-то смущенно опускает глаза. За этот год ко мне привыкли, многих даже забавляло мое поведение. Кажется, этим людям стыдно, что они остались на своих местах, а меня понизили. Стыдно передо мной? Глупости. — Где мне можно взять ведро со шваброй? — спрашиваю я, останавливая взгляд на Нине, которая должна знать все на свете. Ей положено по статусу.

Видя, что я ни на кого не обижаюсь, народ расслабляется, кто-то мне машет, кто-то улыбается. Это приятно.

— Какое к чертовой матери ведро со шваброй!? — срывается Сергей. — У нас катастрофа, все компы заражены непонятного происхождения червем, кажется, рожденным в Китае. Быстро дуй к Александру, он вместе с другими администраторами в кабинете разработчиков.

— Э-э-э, точно? — переспрашиваю.

— Ты еще здесь? — рявкает Сергей.

Я, чуть опустив голову, быстро прохожу в свой бывший кабинет, где мне тут же объясняют, что нужно делать.

В отдел клининга меня, кстати, все равно перевели. Этим же вечером я подписал все бумаги, Нина показала мне новую запись в трудовой. Зарплата упала в шесть раз, вернее, официальная зарплата. Остальные деньги я теперь получаю в белом конверте. Кому рассказать — умереть со смеху можно. Уборщик, одновременно являющийся психом со справкой, неофициально следит за безопасностью целого направления разработки, отвечающего за программное обеспечение в сети крупнейших супермаркетов города, а скоро и некоторых банках. Бойтесь стартапов,

пользователи!

Это небольшое признание, доверие, если хотите, как будто придало мне сил. Когда Александр был в отпуске, я занимался администрированием компьютеров компании в одиночестве, частенько вечерами задерживаясь на работе, приводя в порядок домашние ноутбуки членов семьи Сергея, что неофициально входило в обязанности Александра. Хочу заметить, что, несмотря на теперь непрекращающийся ни на час шум прибора в моей голове, я ни разу за этот месяц не напортачил, хотя и под конец устал как лошадь, да и эхо в голове стало повторять за мной слова чаще, чем я привык.

— Вдох и выдох, — говорю я, заглядывая Але в глаза, — ты торопишься. Делай так, как я говорю. Медленный вдох и медленный выдох.

Телефон на ее столе трезвонит, не переставая, на экране мигает номер Веры Анатольевны.

— Аля, вдох-выдох. Аля!

— Да-да, я пытаюсь.

— Если ты меня не послушаешься, этой ночью будет так же, как и прошлой, но в этот раз я не сжалюсь на твои мольбы. Я не шучу.

— Да-да, я пытаюсь, — повторяет она. Прикрыла глаза, расслабила плечи, глубоко вдохнула и выдохнула.

— Молодец. Теперь отвечай на звонок. И помни, что все условия договора с нашей стороны выполняются в срок.

Аля кивает и прикладывает трубку к уху. Она ведь опять пыталась нервничать несколько дней назад. Пришла домой злая, не хотела со мной разговаривать, фыркала и отворачивалась. Неудачно уронила на пол блюдце, после чего полчаса рыдала над осколками, не поддаваясь ни на какие уговоры. В такие моменты я знакомлю ее, скажем так, с элементами антуража российских психбольниц. Экскурсию провожу, бесы в моей голове. Прошлой ночью я до четырех утра не разрешал погасить яркий свет в спальне, как часто делают в психбольницах. Хорошенько отдохнуть в таких условиях физически невозможно, хотя, кто говорил об отдыхе? Очень часто основная цель наших клиник заключается в том, чтобы свести с ума тех, кто по каким-то причинам не успел до конца сделать это самостоятельно на свободе.

— Вера Анатольевна, я прошу Вас подготовить список необходимых вам доработок, с четко проставленными приоритетами. Мы обсудим этот перечень с программистами, только после этого я смогу Вас сориентировать по срокам разработки. Но не раньше.

Я беззвучно хлопаю в ладоши и покидаю ее кабинет, будучи полностью спокоен за свою Алю.

2 месяца спустя

Аля

Понятия не имею, на что я надеялась, влюбляясь в больного человека, заставляя его поверить, что мы вместе преодолеем любые препятствия. А затем, когда позволяла ему проверять и править рецепты, которые выписывали мне врачи, — после возвращения из Турции я прошла осмотр у терапевта, сдала несколько анализов, определивших у меня невроз и кое-что по

мелочи. Когда внутри тебя покой, а вокруг гармония — невероятно сложно поверить, что в любой момент жизнь может сделать подсечку, приготовив в месте твоего падения бездонную яму, наполненную зыбучим песком. Ты можешь ничего не делать, просто стоять на месте, а тебя подтолкнут к болоту, из которого самостоятельно не выбраться.

И вижу наши отношения с Олегом так: мы оба тонем, держа в руках разные концы одной веревки, попеременно захлебываемся, но не даем согнуться друг другу.

Что ж, у меня было много прецедентов, благодаря которым я должна была догадаться, что пришла моя очередь вытаскивать его. Но мне слишком сильно хотелось счастья, я игнорировала знаки.

Переломным моментом оказалось утро накануне моего отъезда в командировку. Мы с Ниной сидели в моем кабинете и чертили график поставок новой версии нашим клиентам. Дверь резко открылась, и на пороге появился Олег с безумными глазами. Первое, о чем я подумала: какой же мятый у него свитер. Лицо мгновенно залилось краской, потому что вчера вечером я обещала Олегу, что приведу в порядок его накануне выстиранную одежду, а потом напрочь забыла за разговором с подружкой. Утром же мы, как и обычно теперь, опаздывали, поэтому я даже не взглянула, что он натянул на себя. Из меня отвратительная жена, как он только терпит меня...

— Аля, мне только что позвонили. Представляешь, Хемингуэй умер, — его серые глаза с опаской смотрели на меня, словно он ожидал, что я грохнусь в обморок при этой новости.

— Олег, еще в прошлом веке, — приподняла бровь невозмутимая Нина, — раз уж ты об этом заговорил... Пушкина, Лермонтова и Толстова тоже давно нет с нами, — добавила шепотом и сделала жест рукой, дескать, держись, мы с тобой. Олег на минуту растерялся, потер лоб, повернулся было к двери, но потом резко обернулся.

— Нет, другой «Хемингуэй». Виктор Петрович, поэт, он лежал вместе со мной в больнице. У него так же как и у Хемингуэя после электросудорожной пропала способность сочинять.

— А, этот, — облегченно выдохнула я.

— Да. Представляешь, он хотел о чем-то поговорить со мной перед смертью, но не успел, — пожал плечами, — это очень странно, он редко с кем-то разговаривал, даже врача своего не помнил в лицо, а мое имя не забыл.

— Тебе позвонили его родственники?

— Нет, моя мама. С ней связалась сиделка Виктора Петровича. Знаешь, я навещал старого поэта сразу, как выписался из частной клиники. Его вместе с большинством пациентов и персоналом перевели в другую больницу под Киевом после того, как закрыли ту...ну, про которую я тебе рассказывал. У меня там много знакомых, нужно будет, кстати, как-нибудь съездить. Интересно, — и, глубоко задумавшись, он ушел к себе в кабинет.

Вечером мне позвонила мать Олега и настойчиво расспрашивала, как Олег себя ведет, хорошо ли он спит, как питается. На вопросе, изменились ли как-нибудь наши отношения в интимном плане, мое терпение лопнуло:

— Инна Викторовна, Вы что-то конкретное хотите мне сказать? При всем моем уважении я не могу более разговаривать, потому что нахожусь в самолете, который через пару минут взлетает.

— Алечка, недавно умер приятель Олега, переживаю, как он воспринял эту новость.

Я прижала руку к груди.

— Вы думаете, что смерть «Хеминг...» Виктора Петровича может повлиять на Олега так же, как смерть Алины?

— Я не знаю, надеюсь, что нет. Кроме того, хотела с тобой посоветоваться. Виктор Петрович оставил Олегу записку перед смертью, я вот думаю, может, ее выбросить.

— А что в записке? Вы ее читали?

— Бред какой-то, набор слов.

— Я думаю, что мы не имеем права решать за Олега, что ему нужно знать, а что нет.

Следующий день в столице я провела как на иголках. Приходилось отвлекать Олега от работы каждые полтора часа, выясняя, как у него настроение, и о чем он думает. Олег выносил мою навязчивость стойко, каждый раз подробно и терпеливо рассказывал, чем занимается, а перед сном около часа желал мне спокойной ночи, перечисляя части моего тела, куда бы хотел сейчас поцеловать. Оказывается, мы настолько привыкли спать вместе, что разлука даже на одну ночь превратила эту самую ночь в нескончаемый поиск его расслабленных рук, сопровождающийся моим перемещением по всех огромной кровати. К счастью, уже следующим вечером мы были вместе.

Работа увлекала, забирая все наше свободное время, в выходные мы развлекались тем, что высмеивали глупейшие фильмы по телевизору, ленисьшний раз выходить из дома. Время летело невероятно быстро, что нам обоим было на руку. Каждый новый день без рецидива прибавлял Олегу уверенности в себе, я постепенно прошла все курсы лечения, мужественно терпела, когда Олег вечерами ставил мне болезненные уколы, которые, к моему огромному сожалению, он одобрил, а вот безвкусные таблетки, прием которых не составил бы труда — вычеркнул. Нина не понимала, как я после случившегося с его женой могу доверять Олегу ставить себе уколы, да и вообще принимаю именно те лекарства, которые он для меня покупает. Мои знакомые осуждали мое слепое доверие его советам, лишь я в глубине души чувствовала, что это тот самый канат, который в данный момент вытягивал его из болота.

Очередная зима миновала, оставляя позади период спячки не только природы, но и большинства людей, существование которых без солнца равносильно коме. В город пришла долгожданная всеми весна, наводя на мысли об отпуске, да и вообще о чем-то новом и приятном. Мы с Олегом сменили гардероб, на мою премию со сделки с москвичами купили небольшую квартиру на окраине, которую собирались сдавать в аренду, решили приобрести котенка. Я летала в облаках, строя планы на будущее, изредка посвящая в них ни с чем не спорящего Олега.

А потом ниши жизни покатались в ад. Канат натянулся до предела, рискуя порваться в любой момент, потопив нас обоих.

* * *

— Все будет хорошо. Аля, возьми себя в руки.

— А что для Вас значит «хорошо»?

Он сидел на лавочке в нескончаемом коридоре, спрятав глаза за ладонями, его светлые волосы были зажаты между пальцев и торчали в разные стороны, как щетка веника. Он не шевелился, но я чувствовала, как сильно ему было стыдно. А я не могла подобрать слов, способных донести до него, что на наши отношения его ошибки не повлияют, чтобы он не натворил.

— Аля, ты здесь? Он тебя послушает, надави на него. Аля?!

— Я тут.

— Я пыталась поговорить с ним, но он отключил телефон.

— Потому что в сложившейся ситуации он не доверяет ни Вам, ни Николаю Николаевичу.

— Зато он доверяет тебе.

— И Вы хотите, чтобы я его предала.

— Я не хочу, чтобы ты нашла его в наполненной кровью ванной, как мне приходилось делать два раза! — сорвалась мать Олега, — Мой мальчик очень, — ее голос дрогнул, — умный, он лежал в теплой воде, которая не мешала крови сворачиваться. Ты себе представляешь, что значит найти своего ребенка умирающим по собственной воле?

Стало вдруг холодно, словно кто-то открыл окно, и в мою кожу тысячами ледяных иголок вонзился зимний воздух, стараясь хоть немного остудить раскаленный мозг, прояснить спутанные мысли и успокоить бешеное сердцебиение. Поежившись, я огляделась — коридор по-прежнему был пустым и бесконечным, тихим и отстраненным от проблем людей, приходящих в эти стены, окрашенные бледной краской. Типичный, шаблонный коридор с десятком деревянных дверей, прячущих от взоров пациентов докторов. Антураж этого места говорил сам за себя, предупреждая, что здесь стирается всякая индивидуальность просящего помощи человека. Больные приходят в психбольницу за тем, чтобы врач выправил их мозги так, чтобы они стали походить на «нормального» человека в его представлении. Олег говорил, что любые мозги можно исправить.

Лишенные отличительных черт коридоры, заурядные люди с ксерокопией чьего-то разума вместо подаренного природой и одной целью на всех, — сделать так, чтобы уже никогда сюда не возвращаться. Олега отбросило на точку отсчета, с которой он стартовал менее двух лет назад, выбравшись из похожих стен.

Я впервые сопровождала его в больницу, он не хотел, чтобы я привыкала к этому месту.

— Аля, поговори с врачом, если не можешь поверить моим словам. Извини, у меня пациент, я не могу разговаривать. Позвоню тебе вечером.

Инна Викторовна положила трубку, а я подошла к ссутулившемуся Олегу, занимающему место напротив кабинета психиатра, который он покинул менее десяти минут назад. Села на корточки, обнимая его холодное лицо ладонями.

— Мой хороший, — прошептала.

Он кивнул, опуская глаза. Напряжение его тела, его нервной системы невольно передалось мне, как электрический ток по прямой цепи. Я сжала его виски, стараясь надавить на воображаемые кнопки, способные отключить его мигрень.

— Я не хочу в больницу. Я смогу справиться сам.

— Я знаю, поедем домой.

— Поедем.

Мы шли в обнимку мимо кабинетов с надписями, сливающимися в жирные черные полосы, потому что я плакала. Беззвучно и скупно. Позволяя соленым полоскам портить дневной макияж. А он держался за меня и смотрел вперед или перед собой. Тогда мелькнула мысль: главное, чтобы не оглянулся. На улице было до такой степени светло, что мы, переступив порог здания, сощурились. Обманчиво яркие лучи все еще по-зимнему холодного солнца отражались от белого снега, рассеиваясь в воздухе. Мои глаза щипало от потекшей туши.

— Ты плачешь?

— Глаза слезятся из-за снега, — я надела темные очки и повела его к машине.

Его ошибка стоила нашей фирме нескольких миллионов. Вина ли я его? Вина ли я себя? Или Сергея, который, не послушав московских клиентов, продолжал доверять Олегу, экономя на новом системном администраторе?

— Мы справимся.

Его руки дрожали. Или мои. Возможно, это просто холодный порывистый ветер. Мы всегда ищем в природе отражение наших эмоций, намного легче жить, зная, что не одному тебе плохо, что вся планета борется вместе с тобой. За тебя.

— Ты останешься в больнице только тогда, когда захочешь сам. Хорошо? — сжала его ладони так сильно, что он дернулся и посмотрел на меня пустыми, серыми глазами.

— Это не из-за болезни.

— Я знаю. Такое могло случиться с каждым, — я и искренне в это верила.

— Но случилось именно со мной.

— Нам просто не повезло. Так бывает.

— Я контролирую своих бесов.

— В этом нет никаких сомнений. Милый, поехали домой?

Я села за руль и, ожидая, пока припаркуется загородившая проезд машина, задумалась. Сегодняшнее утро отличалось от десятков предыдущих лишь тем, что я успела погладить ему рубашку. А еще мы занимались сексом, но это было не так редко, чтобы заострять внимание. В ванной комнате заело дверь, поэтому пришлось разломать замок. Уже в лифте я вспомнила про утюг и вернулась проверить, не забыла ли его выключить. А на улице было столько белого снега, сколько бывает лишь в середине зимы, но никак не в конце марта. Были ли это знаки судьбы? Зачем я вообще ищу в своей жизни какие бы то ни было знаки? Неужели я стала настолько слаба, что готова свалить на пробегающую дорогу черную кошку возникновение своих неподъемных проблем?

Увольнение проходило тяжело, весь офис словно вымер, врос в мебель: стулья на колесиках, прямоугольные или угловые столы, погрузившись с головой в работу. Если бы коллеги могли,

они бы залезли в мониторы и отсиделись там. Подобные ситуации случаются в каждой компании. И всегда находится виноватый.

Тяжелее всего мне далось присутствие при скандале, полных желчного яда криках Сергея, которые я пропускала через себя вместе с потоком оскорблений, никогда ранее в моем присутствии не произносимых ни одним мужчиной, и которыми он поливал опустившего голову Олега. В тот момент уже бывший сисадмин «ЭД точка ру» не защищался, его чувства выдавали лишь пальцы на левой руке. Когда Олег порезал себе вены впервые, он задел сухожилия, и теперь средний, безымянный пальцы и мизинец на левой руке не сгибались полностью, и сильно дрожали, когда Олег нервничал. Я видела такое лишь пару раз во время занятий сексом, когда Олег был на пике возбуждения. Мы смеялись над этой его особенностью.

— Шизофреник! Псих! Убожество!

Я не обязана была слушать эту грязь, было бы лучше подождать за дверью.

— Идиот! И как я мог повестить на такое?!

Но я стояла рядом, ловила каждое слово, стараясь принять часть гнева Сергея на себя, разделить чувство вины Олега настолько, насколько это было возможным.

— Пошел с глаз моих и чтобы я тебя никогда больше не видел!

Виноваты были все. Сам Олег, те, кто поверили в него, те, кто пытались ему помочь. Увы, пострадавших было намного больше, чем виноватых.

Вероятно поэтому Сергей, не зная, как выплеснуть раздирающие его грудь эмоции, поднял трубку и вызвал скорую, предупредив, что нужна помощь психиатра.

Возможно, если бы Олега положили в больницу, Сергею стало бы легче пережить инцидент, но я не позволила сделать этого. После разговора с врачом я увезла Олега домой, пообещав, что его никогда не положат в больницу против его воли.

* * *

— Милый, сходишь за бутылкой вина?

Сегодня впервые за несколько месяцев к нам с Олегом домой пришли гости. Коротко поздоровавшись, он скрылся в спальне, погрузившись в чтение научно-фантастического рассказа, который ему посоветовала Нина, а мы с Катей и Машей остались сплетничать на кухне. К слову сказать, я впервые разговаривала с Катей после того, как Олег ко мне переехал. Она сама напросилась под предлогом того, что соскучилась по брату, ведь он редко выходил из дома в последние месяцы, еще реже общался с родственниками, предпочитая их обществу либо мое, либо книги. Не забыв посоветоваться с Олегом, я пришла к выводу, что не против визита своей бывшей лучшей подруги, но, решила пригласить Машу, чтобы было кому разряжать атмосферу. Кстати, бутылка испанского вина была куплена для той же самой цели, правда, с количеством я не угадала. Не хватило.

Когда Олег, закутавшись в теплый шарф, переступил порог квартиры, в кухне воцарилась полная тишина. Отсутствие «лишних ушей» должно было лишь сильнее развязать языки давно не видевшимся подругам, но мы молчали. Потому что пришло время главных вопросов. Катя залпом осушила бокал с красным сухим, подавилась и несколько секунд кашляла, растягивая

время. Маша с энтузиазмом поглощала креветки, а я делала вид, будто считала, что в терпком напитке растворен смысл бытия, и если я еще немного напрягу зрение, докопаюсь до истины. Ну, хоть до какой-нибудь.

— Как у тебя на работе? — наконец, спросила Катя. Вопрос мог бы показаться обычной попыткой поддержать разговор, но я сразу поняла, что Катя имеет в виду именно события пятимесячной давности.

— Сейчас уже все в норме.

— А отношения с начальством?

— Сергей не смог меня уволить, потому что я единственная, кто был в курсе всех деталей договора с москвичами, — усмехнулась я, вспоминая метания шефа. — Сейчас, кажется, он стал относиться спокойнее. Страховка покрыла убытки, мы практически ничего не потеряли, — моя способность прятать ложь за улыбкой была врожденной. Кроме того, лгать о работе я умела восхитительно, слишком часто данное умение помогало нам остаться на плаву, особенно когда компания только зарождалась.

— Мы очень боялись, что тебе придется уйти следом за Олегом.

— Первое время было непросто находиться в офисе, но нам с Олегом нужны были деньги, я не могла просто развернуться и уйти.

— Отец предлагал помощь. Олегу следовало взять деньги хотя бы на лекарства.

— Катя, я же сказала, что мы справимся сами, — стало совершенно ясно, что Катя выступала сейчас в роли разведчика, засланного ее родителями на территорию «противника», чтобы выведать беспокоившую их информацию.

— Аля, нет ничего плохого, чтобы принять помощь от близких людей, — произнесла она наставительным тоном Николая Николаевича, который всегда говорил так, словно его слова являются истиной в последней инстанции. Вероятно, Катя долго тренировалась перед зеркалом. Представляя себе ее репетиции, я начинала злиться, не отдавая себе отчета, что перегибаю палку.

— Катя, ты и твои родители можете сколько угодно мне навязывать свою «медицинскую» точку зрения, я не сдам Олега в психушку. Последние недели он чувствует себя много лучше, чем раньше. Мы справимся сами.

— Да ты посмотри на себя!

— То есть?

— На кого ты стала похожа. Ты похудела килограмм на пять, не меньше. Постарела, — видимо, на моем лице отразилась некоторая гамма эмоций, заставившая Катю быстро добавить: — Ты никогда не выглядела старше двадцати семи, — и продолжила дружелюбнее: — Аля, мы прекрасно знаем, насколько тяжело жить с больным человеком. Пойми, что ты не одна, мы можем помочь. Скажу большее, мы обязаны помочь, потому что он наш родственник, а ты ему ничего не должна.

— Зато он вам должен, да? — мой наполненный на одну треть вином бокал спикировал сначала мне на колени, а потом на плитку, после чего звонко треснул, расщепившись на три части. —

Несчастные родители, у сына которых поехала крыша! Проглотив позор, они вынужденные тащить на себе безнадежного шизофреника, откупаясь от своей совести самыми дорогими таблетками, которые, вероятно, должны помочь ему. Так, да? Ты тоже считаешь, что Олег тебе должен что-то? — взорвалась я.

— Аля... — Катя соскочила следом со мной со стула и взмахнула руками.

— Хочешь знать, что я на самом деле думаю? Это только вы виноваты в том, что он заболел. Когда из-за своей ошибки Олег потерял единственного по-настоящему близкого человека, вы все отвернулись от него. Переложили ответственность за его жизнь на плечи врачей, заменили любовь и поддержку нейрорептиками.

— Все, я ухожу, — Катя направилась к двери, но меня было не остановить:

— Послушай меня и запомни раз и навсегда. Олег вам более ничего не должен. Он мой, слышишь? Мы справимся сами со всеми рецидивами, которые нам уготованы, мы накопим на лекарства и решим, что для него лучше, а что нет. И ты, и твои родители могут перестать, наконец, мучиться угрызениями совести, я о нем позабочусь.

— Ты одна не справишься, — Катя резко обернулась, — Аля, он уже подставил тебя на работе, ваше самолечение приведет к тому, что он забудет выключить утюг или газ, спрыгнет с балкона или порежет себе вены, как это случалось в прошлые разы. Ты понятия не имеешь, с какой проблемой столкнулась. И отказываешься слушать что-либо. Мы заботились об Олеге так, как было нужно. Заметь, каким он был, когда вы познакомились, и каким стал сейчас.

— Он не ляжет в психушку, — отрезала я.

— Ты один раз уже взяла на себя ответственность, и ваша фирма потеряла бешеные деньги. Хотя мы тебе говорили. И я говорила, и папа. Да все! Виновата только ты.

— Я знаю. Да поймите уже, наконец, что это была случайность. Он все лишь забыл поставить офис на сигнализацию, что могло произойти с кем угодно. Нам просто не повезло. Если бы он не болел, то никто бы и не подумал раздувать из этой ситуации скандал. Знаешь, я сама часто уже в машине пытаюсь вспомнить, выключила ли плиту, и возвращаюсь в квартиру проверить. Так давай и меня положим на пару недель в больницу?

— Аля, он обречен. Раскрой глаза уже. Он убил человека и никогда себе этого не простит. Это истина, которая существует независимо от того принимаешь ты ее или нет.

— Катя, абсолютно все врачи ненамеренно убивают. И я могу поставить свою душу в споре на то, что от ошибок твоего отца не раз отбывали на тот свет пациенты на операционном столе, просто об этом никто так и не узнал. Олег ошибся, в результате чего он лишился Алины, потерю которой так и не смог до конца пережить. Но ему обязательно станет лучше. Он сам так говорит, и я буду верить ему, а не вам.

— И ты думаешь, что у тебя получится что-то такое, что не получилось у лучших врачей?

Далее одновременно случились сразу три вещи. Щелкнул замок входной двери, пронзительно зазвонил сотовый Маши, а мой взгляд упал на осколки разбитого бокала. Осколки моей жизни, которая крошилась при соприкосновении с титановой проблемой бесконечно любимого мной мужчины. Олег появился в дверях.

— Что здесь происходит?

— Я уронила бокал, — сказала я, поджимая нижнюю губу, с трудом сдерживая слезы.

— Аля, только не плачь, — Олег подошел и крепко меня обнял. В последнее время, когда у меня уже не было сил сдерживать слезы, я била посуду и рыдала над осколками. Он верил, что причина в разбитых чашках.

Его свитер был холодным, как и руки, которыми он меня прижал к себе. Как всегда большой, прохладный, чокнутый, но самый настоящий из всех окружающих меня людей. Крепче вцепилась в воображаемый мной канат, я спросила:

— Ты купил вино?

— Вино? — удивленно переспросил он.

И я разрыдалась.

* * *

Олег

Свет от настольной лампы создавал причудливые тени на стене. Вернее, благодаря искусственному свету я, погруженный в темноту спальни и лепящий фигурки из бумаги, вырванной из моих бывших дневников, созидал театр, одновременно являясь режиссером и кукловодом. Лучше всего мне удавался костер. Для этого я сминал несколько листов вместе. Некоторое время катал их между пальцев, чуть вытягивая вдоль и — вуаля — костер, призванный согреть бумажных человечков и животных, готов.

Обрывки воспоминаний о моем глубоком детстве сводятся к тому, как отец обучал нас с Катей основам оригами. Много времени было потрачено на это занятие, особенно, когда выключали свет в квартире, и делать было совершенно нечего. Папа, по традиции игнорируя диван, садился прямо на пол, приглашая нас с Катей устроиться рядом, и мы втроем мастерили розы, кораблики, драконов, собачек и прочих участников задуманных событий, а потом с помощью фонарика инсценировали собственные представления. Какими бы ни были сюжеты наших историй, рано или поздно главные его герои попадали в беду, и были тяжело ранены, например, в результате сражения с динозавром. И каждый раз, в самый последний момент, когда надежды на спасение не оставалось, появлялся я, то есть, мой бумажный человечек. Он был врачом, как отец, в смысле мой отец. Отважный доктор, преодолевая мыслимые и немыслимые препятствия на своем пути добирался до места схватки, быстро расправлялся с врагами (если враги не хотели, чтобы мой герой с ними «быстро» расправлялся, я начинал громко жаловаться, после чего мама приказывала, чтобы папа с Катей сделали по-моему), и вылечивал остальных героев. У меня всегда была цель — помочь, спасти, именно ради нее совершались подвиги. Я бредил врачеванием лет с трех, как говорит мама. Мечтая стать похожим на отца, я бинтовал Катиных кукол и прикладывал к их пластмассовым телам стетоскоп, заметьте, настоящий.

— Олег, ужинать будешь? — магию момента развеял свет из коридора, когда Аля распахнула дверь спальни.

— Не сейчас. Я занят, — ответил не грубо.

— Чем же? — она плотно прикрыла за собой дверь и подошла.

— Смотри, что у меня получается. Перед тобой поляна, видишь? В центре нее горит костер, —

указал на темную стену, освященную неровным овалом.

— А это ящерица?

— Нет, собака.

— Совершенно не похоже на собаку.

— Вообще-то я более двадцати лет не занимался ничем подобным. Не придирайся.

— Хорошо, — Аля обнимает меня и прижимается к моей спине, — ты подумал над моим предложением?

— Каким? — делаю вид, то не понимаю о чем она, сам же внимательно рассматриваю собаку-ящерицу, пытаюсь понять, что не так, почему у поделки получились такие короткие передние лапки.

— Насчет бизнеса. Ты уже полгода ничем не занимаешься, а у нас свободная квартира простаивает. Помнишь, я показывала тебя приблизительный подсчет прибыли, если мы начнем ее сдавать посуточно? Местоположение удобное — хоть и не центр города, но рядом с остановкой.

— Сначала нужно сделать ремонт, обставить ее, дать объявление, — прикинул.

— Вот именно. Работы море, а я со своими проектами и без того ничего не успеваю. Машин бывший молодой человек как раз занимается сдачей квартир в аренду. Он неплохо зарабатывает.

Киваю Але и сметаю все свои поделки в пакет, который несу к мусорному ведру. Мое главное увлечение последних пары месяцев кажется глупым и детским, когда речь заходит о деньгах. Если бы Аля только знала, как сложно думать, когда бесы в голове водят хороводы и поют песни, причем, не попадая ни в одну ноту. Вероятно это потому, что у меня у самого нет музыкального слуха, откуда ему появиться у моих демонов?

* * *

Они постоянно мне шепчут что-то, причем все разом и в оба уха. Раньше они просто повторяли за мной слова по нескольку раз, создавая аналог эхо, словно я говорил в пустой огромной комнате или пещере. Теперь они стали наглее. Шепчут, шепчут, шепчут, а не разобрать ни предложения, ни мысли.

«Срочно позвонить и заказать банк уже давно закрыт, но нужно пойти на балкон и взять свечу...»

И лишь на балконе я понимаю, что свечи мы храним в коридоре на верхней полке, а в коридоре меня осеяют, что свечи мне и вовсе не нужны. Бесы, захватившие мою душу, внушают мне свои мысли.

Я смотрю на Алю, читающую книжку на диване. Она очень похудела за последнее время, потому что я стал плохо за ней ухаживать, не могу контролировать, обедает она в офисе или нет. Даже вход в здание Flowers мне заказан после того, как я забыл тем страшным вечером поставить на сигнализацию серверное помещение, и какие-то умельцы, которых поймали через пару недель, вынесли половину оборудования, а оставшиеся сервера отформатировали, лишая

нас написанного за последние пару месяцев кода. К счастью, моя официальная должность в компании не подразумевала какой-либо материальной ответственности, поэтому Сергей не смог подать на меня в суд.

Ее волосы собраны на затылке в небрежный пучок мягкой резинкой, растянутые домашние штаны облегают круглую попку, приглашая погладить или даже легонько шлепнуть. Аля лежит на животе, и носок ее левой ножки, спрятанный под шерстяным цветастым носком, чертит произвольные фигуры в воздухе. Она хмурится и делает пометки на полях. Аля не показывает мне, что именно читает, но я и так знаю, что это очередная книга о шизофрении. В последнее время она стала слишком активно интересоваться моим заболеванием и методами лечения.

Она поднимает голову, широко улыбается мне и посылает воздушный поцелуй розовыми мягкими губами. Уже два года, как я единственный ежедневно пробую эти губы на вкус, вдыхаю аромат тонкой нежной кожи, ощущаю влажность ее возбуждения. Аля мне не изменяет, несмотря на мою затянувшуюся депрессию. Она сама так говорит, и я ей верю. Пока что верю.

Улыбаюсь ей в ответ и опускаю глаза в свою книгу, но тут же снова поднимаю, когда Аля окунается в чтение. В груди екает, а в голове раздается хлопок, словно все мои бесы разом ударили в ладоши.

«Взять со стола пульт от телевизора и подоконник заставлен цветами, которые кричат, не переставая, и мешают нам спать».

Разозлившись, я хватаю пульт и решительно подхожу к подоконнику, резко отдергиваю штору и понимаю, что там нет никаких цветов. Вообще в квартире Али не имеется растений. Оборачиваюсь и смотрю на нее. Как они могут мешать нашему с Алей спокойному сну, если их не существует? Вопрос ставит в тупик.

Впервые у меня появились слуховые галлюцинации, или, говоря проще, голоса в голове, после того, как мой несчастный организм напичкали таблетками.

— Олег, почему ты на меня так смотришь? — Аля приподнимается на руках, она уже не улыбается.

Неужели она подмешивает в мою еду лекарства? Делаю шаг назад, упираюсь спиной в стену и вздрагиваю. Она каким-то образом узнала, что я не пью нейролептики, и теперь пичкает меня ими тайно. О Боже...

— Олег, что случилось? Не пугая меня, пожалуйста, — она привстает на колени, ее домашняя майка сползла с плеча, практически полностью оголив аккуратную левую грудь с напряженным сосочком, но меня сейчас волнует другое, — Олег?

* * *

Аля

Контролем называется процесс обеспечивающий достижение цели.

«У меня все под контролем. А ты обещала мне верить».

Посуда в нашем доме стала биться каждый день. Каждый чертов гребанный день, когда он со

мною не разговаривал, когда он грустил, когда он начинал говорить сам с собой.

Что есть контроль, когда нет цели? Разве можно что-либо предпринимать, когда ты не знаешь даже примерных координат пункта назначения? Я понятия не имела, в какую сторону мы движемся, и движемся ли.

«Нет ничего страшнее, чем увидеть своего ребенка в луже его собственной крови», — сказала меня как-то его мама.

Своих детей у меня пока нет, поэтому, допускаю, что я не смогу понять чувства Инны Викторовны, могу лишь сказать, что мне не довелось испытать в жизни нечто ужаснее, чем каждый день замирать напротив входной двери в свою квартиру, психологически настраиваясь увидеть своего любимого мужчину мертвым или умирающим. Отказывающимся жить. Бросающим меня.

Каждое утро, перед тем как уйти на работу, я целовала голову Олега: лоб, виски, затылок, макушку, в зависимости от положения, в котором он спал. Олег не знал об этом маленьком ритуале, но я всей душой надеялась, что наполненные заботой касания моих губ помогут ему разглядеть колючие, доставляющие дискомфорт мысли, прояснить затуманенные лекарствами эмоции.

Я жила с человеком, мечущимся от депрессии к маниакальной заботе обо мне по сто раз на дню. Как я могла раньше не замечать странностей его поведения? В какой момент его курс на выздоровление поменялся? В одну из сотен ситуаций, когда он, не думая о себе, словно щитом заслонял меня от внешнего мира своим балансирующим над безумием рассудком?

Разрыдаться в одиночестве — теперь самая большая роскошь, на которую можно рассчитывать. Совесть не позволяет мне снять гребанный номер в гостинице, чтобы пожалеть себя как следует, потому что это эгоистично по отношению к нему. Каждую свободную минуту я стремлюсь провести с Олегом, чтобы он не дай Боже не почувствовал себя никому не нужным. Как было после потери единственного родного ему человека несколько лет назад.

Недавно он спросил, изменяю ли я ему, и мне показалось, что мой ответ был ему безразличен, просто хотелось услышать правду, чтобы знать. Олег перестал вести дневники, с каждым днем все меньше интересовался внешним миром. Замыкался в себе.

Каждый день я мысленно занимаюсь поиском виновного в возникновении его заболевания, снова и снова прокручиваю в голове известную мне информацию о событиях, повлекших за собой первый рецидив. Катя сказала, что мне необходимо кого-то обвинить, чтобы избавиться от угрызений собственной совести. Пусть так, но враги были определены с математической точностью.

Очагом зарождения его «бесов» стала Алина, вернее, случившееся с этой несчастной девушкой. Изрядно подлили масла в огонь родители, которые вычеркнули своего ребенка из жизни в момент, когда он облажался. В тот сложный для Олега период никто не задался вопросом, какого ему было хоронить Алину? Всех беспокоило лишь то, что он дал ей слишком много лекарства, отчего хрупкое сердце дало сбой, а ослабленный после аварии организм не выдержал.

Подобно тому, как кошки убивают своих слабых и больных детенышей, родители Олега перестали считать его человеком после определения диагноза. Он перестал быть для них личностью, претендующей на собственную жизнь, способную обходиться без снисхождения.

Объединившись против всего остального мира «нормальных людей», мы строили свой собственный. По крайней мере, я старалась мастерить каркас, ежедневно придумывая ему причину встать с кровати.

— Как продвигается ремонт? — Я заполняла холодильник купленными в супермаркете продуктами.

— Нормально, — пожимает плечами, — мне не понравилось, как покрасили стены, завтра будут переделывать.

— Неровно? — высыпала из пачки в вазочку перед ним обжаренные кешью.

— Если освещение дневное, создается иллюзия, что стены идеальные, но когда включаешь лампы, появляются светлые пятна. В общем, я не доволен, — берет горсть орехов и отправляет в рот, а я, быстро переодевшись в удобную одежду, принимаюсь за ужин. Готовлю я достаточно быстро, потому что заранее налепила котлет и заморозила в морозилке.

— Как на работе? — спрашивает Олег, высыпая из пакета оставшиеся орехи.

Олег

— Потерпи, милый, скоро будет горячий ужин. Не порть аппетит, — отодвигает от меня лакомство. Она хочет, чтобы я как можно больше съел за ужином, — изучаю ее исподлобья. Уже несколько дней я стараюсь не есть то, что она готовит, и, кажется, чувствую улучшение.

— Так что на работе? — повторяю вопрос.

— Ничего интересного. А, чуть не забыла. Представляешь, Вера Анатольевна уволилась.

— Не может быть.

— Сама не могу поверить. Ей предложили место на госпредприятии, и она воспользовалась возможностью смотаться от меня как можно скорее. Все-таки я научилась давать этой ведьме отпор. Благодаря тебе, кстати, — целует меня в щеку и возвращается к плите. Аппетитно пахнет приготовленным мясом и картофелем, заедаю слюну орехами, которых украдкой заграбастал целую горсть, пока Аля не видит.

— Теперь, как я понимаю, ты работаешь вместе с Дмитрием?

Она поворачивается, грозит мне пальцем:

— Прекрати таскать орехи, я же слышу, как ты хрустишь, — смеется, когда я прячу руки за спиной. — Да, с Дмитрием, но, надеюсь, ненадолго. Скоро они подыщут кого-нибудь на должность Веры Анатольевны.

— Вы теперь каждый день будете общаться?

— Вероятно, — пожимает плечами, — а ты ревнуешь что ли? — ставит передо мной тарелку с ужином.

Я чувствую горечь во рту, и чем вкуснее пахнет ужин, тем сильнее ощущается привкус одиночества.

— А у меня есть повод? — беру вилку и мешаю картофель, искривляющая губы улыбка выходит слишком вымученной.

— Конечно, нет, Олег, не выдумывай, — садится рядом со мной, наливает себе чай, — мы с тобой уже обсуждали, что ты у меня единственный.

— Просто жду, когда тебе надоест возиться с шизофреником, — «если еще не надоело», — продолжаю мешать еду, представляя себе стройную фигуру блестящего бизнесмена, который сейчас каждый день общается с моей Алей, соблазняя ее перспективами «нормальной» жизни.

— Ты опять несешь чушь, — отпивает из чашки, — кушай, а то остынет.

Я машинально подношу вилку с порцией мяса ко рту, и тут меня осеняет.

— А ты почему не ешь? — прищуриваюсь.

Она пожимает плечами.

— Что-то не хочется. Я завтра доем, что останется.

«Вернее, выброшу отравленную нейрорептиками еду в унитаз, чтобы ты ничего не заподозрил о нашем воссоединении с Дмитрием», — мысленно заканчиваю за нее.

— Олег, что опять случилось? Я что-то не так сказала? — подносит руку к моей щеке, я ее грубо отталкиваю.

— Олег, перестань, пожалуйста. Я боюсь, когда ты такой.

— Какой?

— Как будто ненавидишь меня.

— Опыт убийства жен у меня имеется, от тебя этот факт никогда не скрывали, — поднимаюсь и ухожу в ванную комнату, а потом, после часа отдыха в горячей воде, иду в зал и несколько часов смотрю телевизор, пока она читает в спальне. Я уснул на диване, скорчившись от холода и беззвучно ругаясь со своими бесами, гадая, сколько мне нужно не есть, чтобы галлюцинации прошли. Бесы сказали, что около двух недель, но я же умный человек, я понимаю, что Аля может подмешать отраву в воду. Например, испортить фильтр или как-то засунуть в кран... Я не смогу просчитать все варианты, психиатры, надоумившие ее, вместе с Дмитрием, очень коварные, они давно уже составили миллион планов, как затащить меня обратно в больницу. Но я тоже не дурак, я буду бороться с ними.

Ночью Аля укрыла меня одеялом и легла рядом, потеснив и заставив ее обнять, так как иначе мы бы не поместились на недостаточно широком диване. Все-таки, хорошо, что Аля на моей стороне, она мне обязательно поможет справиться, — думаю, засыпая.

Аля

Первым, что я увидела, когда проснулась, оказались выпученные глаза Олега на расстоянии десяти сантиметров от моего лица. Дернувшись и ударив его лоб своим, я резко села, потирая уши, он занялся тем же.

— И тебе доброго утра, — прошипел, — ты что дерешься?

— Не делай так больше.

— Не смотреть на тебя?

— Ты понял, о чем я, — направились в ванную, где, закрывшись, несколько минут тру лицо, периодически ополаскивая прохладной водой. Медленно оборачиваюсь и смотрю на дневной замок, который закрыла, потому что не хотела, чтобы он шел за мной.

Ко всему можно привыкнуть, подстроиться, принять недостатки мужчины, с которым живешь, когда есть надежда на улучшение, пока в памяти живы воспоминания о том, каким он может быть в период ремиссии, но прятать дрожь, возникающую от его пристальных, наполненных недоверием взглядов невозможно. Иногда он смотрит на меня как на врага, с которым нужно бороться, словно оценивая способности противника, продумывая тактику, отмечая слабые места. И мне становится по-настоящему страшно, против воли возникают в голове предупреждения друзей и родственников о том, что Олег может ненамеренно навредить мне, но я упорно отказываюсь верить в возможность подобного. А как иначе мне с ним жить?

Вечером я обнаружила его на балконе в футболке и домашних шортах. Он, скорчившись, трясся от холода, посиневшие губы были плотно сжаты, в попытке сдержать стук колотившихся друг о друга зубов. Я быстро завела его в комнату, укутала одеялом и обняла.

— Ты что мой хороший, на улице же так холодно, зачем ты сидел в лоджии?

— Мозг нагрелся, я подумал, что смогу его остудить таким образом. Аля, мне так жаль, что больше никогда не смогу лечить людей. В последнее время я часто об этом думаю, вспоминаю годы учебы в мединституте, ординатуру и общение с пациентами. А когда я об этом думаю, мозг начинает плавиться, а если я ничего не сделаю, он окончательно растает, и тогда я сойду с ума.

— О, Боже мой, что же нам теперь делать, — прошептала я, растирая замерзшие широкие плечи, поле чего принесла воды, и он выпил снотворное.

Когда Олег уснул, а я позвонила его маме и договорилась о встрече завтрашним утром. Так больше не может продолжаться, прописанные доктором лекарства ему не помогают, и Олег не в состоянии себя вылечить самостоятельно, мне придется принять меры, я не могу больше верить ему.

Следующим утром Олег вел себя как ни в чем не бывало. Он извинился за вчерашний инцидент, сославшись на новые таблетки, заверил, что больше такого не повторится. Был весел, но от кофе, который я сварила, отказался, сказав, что теперь предпочитает не завтракать. Поцеловал меня в губы и отправился в квартиру, контролировать очередной этап ремонта, а я, подбросив его до остановки, направила автомобиль в сторону дома его родителей. Не скрою, что мне было бы намного удобнее встретиться с Инной Викторовной в городе, но именно сегодня она не работала, а может, специально ради меня взяла отгул. Что поделать, через полчаса я преодолела черту города и прибыла в небольшой поселок, дом в котором стоил как несколько моих квартир.

Николая Николаевича в то утро дома не оказалось, он проводил срочную операцию в клинике Скорой медицинской помощи, поэтому двухэтажный особняк был в нашем с Инной Викторовной распоряжении.

— Привет, проходи, — пригласила она меня в гостиную. Не спрашивая, хочу ли я что-нибудь, принесла из кухни поднос, на котором располагались две аккуратные фарфоровые чашечки,

наполненные черным кофе без сливок и сахара.

— Это очень хороший настоящий кофе, выращивается на Ямайке, в России его не купить. Нам каждые полгода привозит некоторый запас мой двоюродный брат, он большой любитель путешествовать. Ты пробуй, пробуй, потом скажешь свое мнение. А я пока принесу альбом с фотографиями.

И пока я дегустировала крепкий, горьковатый, но действительно невероятно бодрящий и проясняющий мысли напиток, мама Олега сходила на второй этаж и притащила большой альбом. Уселась рядом со мной, открыла на первой странице.

— Вот смотри, здесь его только принесли из роддома.

Было невозможно не улыбнуться, глядя как тепло папа Олега прижимает к себе небольшой сверток. Николай Николаевич, казалось, за тридцать лет совсем не изменился, только волосы в то время были не седые, а просто светлые и коротко остриженные. Такой же собранный, серьезный мужчина, привыкший держать в руках жизни и здоровье пациентов. Рядом стояли изможденная, худая, как трость, но улыбающаяся Инна Викторовна с накрашенными ярко-алой помадой губами, и чем-то недовольная, насупившаяся Катька.

Инна Викторовна медленно листала страницы, комментируя «вот здесь Олег пошел в первый класс», «а тут он получил свою первую грамоту за выигранную школьную олимпиаду»... «здесь он уже закончил школу с отличием», «а здесь ему только исполнилось двадцать, они с Алиной приехали к нам в гости, чтобы сообщить о помолвке». При этих словах лицо мамы Олега помрачнело, она тяжело вздохнула и позволила взять альбом из ее рук. Не могу сказать, что мне было скучно смотреть на детские фотографии Олега, напротив, довольно забавно оказалось искать и находить внимательный прямой взгляд и привычное задумчивое выражение на детском лице, словно Олег даже в пять лет имел свое собственное мнение относительно окружающих его людей, происходящих событий. Смотрел несколько отстраненно, будто обдумывая диагнозы. А вот легкая, снисходительная улыбка была мне незнакома. Если Олег улыбался при мне, всегда делал это широко и искренне.

Фотографии же с Алиной заставили меня вцепиться в альбом и задержать дыхание, я жадно рассматривала эту парочку, пытаюсь найти ответы на свои вопросы. На этой фотографии волосы Олега были уже опущены до подбородка, серые глаза смотрели насмешливо, словно он неудачно пытался скрыть свое предвзятое отношение к фотографу. Уголки тонких губ он презрительно приподнял, вздернул подбородок. Весь его вид выражал осознание собственного превосходства, причем Олег выглядел настолько естественно, что хотелось принять факт его величия как истину, и ни в коем случае не обижаться. Рядом с ним стояла невзрачная невысокая девица в длинном светлом сарафане. Первой мыслью было — серая мышь. Тонкие русые волосы она убрала за не проколотые уши, добрая улыбка освещала овальное, непримечательное лицо, на котором затерялись узко посаженные глаза. И если бы не прямая осанка, то Алина бы и вовсе потерялась на фоне обнимающего ее самоуверенного молодого человека. Я прищурилась. Нет, определенно, она была не так проста, как может показаться на первый взгляд, в ней было что-то еле уловимое, способное влиять на людей. Словно в подтверждение моих слов Инна Викторовна сказала:

— Они познакомились на первом курсе, несколько лет дружили, после чего она подстроила обстоятельства так, чтобы Олег на ней женился. Очень хитрая девушка.

— Каким же образом? — удивилась я. — Насколько мне известно, у них не было детей.

— Уж не знаю, каким образом, но это именно она сманила его в сторону психиатрии и уговорила переехать на Украину. Если бы он остался здесь, рядом с домом, то ничего бы не случилось, — Инна Викторовна закусила губу, не отрывая взгляда от фотографии, задумчиво кивнула сама себе, — я допустила ошибку, когда позволила ей забрать его у нас. Еще отца Олега уговорила, чтобы он отпустил сына по-хорошему. Нужно было мне настоять, заставить его остаться в России, тогда бы Олег не заболел.

— Вы не могли предугадать подобного.

— А следовало бы. Он стал звонить все реже и реже, а потом и вовсе перестал. После аварии Олег принял решение ухаживать за ней самостоятельно, отгородился от всего мира. Днем, правда, приходила сиделка или Алинины родители, а вечером и ночью он все делал сам. Заботился о ней, давал лекарства, подбадривал, хотя не было никакой надежды, что она когда-нибудь поправится.

— Она не могла ходить?

— Хуже. Была полностью парализована ниже подбородка. И никакой надежды на улучшение.

— О Боже...

— Когда случилась авария, Олег позвонил Николаю, потребовал, чтобы тот бросил все и немедленно прооперировал Алину, потому что Николай действительно один из лучших хирургов страны, но он не смог прилететь.

— Почему?

— У нас как раз случилась катастрофа, может, помнишь... хотя, откуда... Перевернулся школьный автобус, десять ребятишек попали в реанимацию. Николай две недели не вылезал из клиники, собирая их по частям. Практически всех удалось спасти. С тех пор у них с Олегом начался конфликт.

— Олег считает, что отец предал его?

— А как бы поступила ты на его месте? Как бы поступил сам Олег? Бросил бы умирающих детей, чтобы заняться пациенткой, шансы которой были не более 20 %?

— Я не знаю.

— Никто не знает ответа на этот вопрос, но Николай остался дома, Алину оперировал другой, кстати, тоже талантливый хирург, результат его работы тебе известен. Днем Олег работал с психически больными пациентами, вечерами оставался один на один с парализованной женой. В то время мы напрочь потеряли с ним контакт.

— Дети всегда на первом месте, так скажет любой здравомыслящий взрослый человек. В первую очередь, нужно спасать детей.

— Думаю, что Олег это понимает. Но правда остается таковой. Николай сделал выбор и потерял сына, разум которого не смог выбраться из ловушки, которую поставила ему судьба. Ты бы видела его состояние, когда после вскрытия сообщили, отчего умерла Алина, что в остановке ее сердца виноват именно он. Я думала, он голову себе разобьет о стену, мы понятия не имели, что делать. Прокурор требовал показаний, вызывал его на допросы. Встал вопрос о лишении лицензии. Мы не выдержали и отвели его к психиатру. Лечение заняло несколько

лет, после чего он, кажется, стал возвращаться к жизни. А теперь его безумие снова поглощает его, разрушая все достигнутые за это время успехи.

— Вините в этом меня? — закрыла лицо ладонями, не в силах смотреть в глаза сидящей рядом женщины. С минуты она молчала, потом погладила меня по голове.

— Ты должна понять, что его болезнь — это не война, и мы не враги вам.

— Мне кажется, что Олег сейчас каждого считает своим врагом, даже меня.

— Вот взгляни, — Инна Викторовна поднялась, подошла к столу и достала из своего ежедневника белый неподписанный конверт, протянула мне.

В нем оказалась крохотная измятая записка. Косые буквы на неровно вырванном из тетради в клеточку клочке бумаги: «Ты слишком много слушаешь своих демонов. Не убивай больше».

— Что это?

— Записка Пестрова. Ты сказала, что Олегу нужно знать о ней. Хочешь — отдай ему ее сама.

— А может быть такое, — я прочистила горло, — что Олегу стало хуже раньше, до несчастного случая с Алиной? Что он был неспособен правильно рассчитать дозировку именно из-за шизофрении?

— Никто не знает. Поговори с его лечащим врачом. Может, он сможет помочь тебе. Я понятия не имею, что делать. Под замок его сажать бесполезно. В больницу вы его помещать отказываетесь, а я каждый раз чувствую себя монстром, когда настаиваю на госпитализации.

Она говорила тихо, устало потирая лоб, словно сейчас было не десять часов утра, а поздний вечер. Впервые я была так близко к Инне Викторовне и могла рассмотреть глубокие морщины, оставленные возрастом и печалью. Ее благородная внешность, идеально уложенная прическа, сидящий по фигуре костюм восхищали, создавая образ преподавателя, известного доктора, но именно сейчас я увидела перед собой лишь растерянную, лишенную надежды мать.

— Аля, я его уже похоронила. Ты не пугайся моих слов, но иначе я бы не смогла более жить. Я его похоронила тогда, когда в третий раз нашла умирающим в ванной. Я никому не говорила, но... первой моей мыслью было дать ему спокойно умереть, уйти и прекратить эту борьбу, которая медленно высасывает силы из нас всех. Разумеется, в следующую секунду я набрала номер скорой и принялась его откачивать, но эта первичная идея навсегда осталась в моей голове. Словно я простилась с ним в тот раз, в ту секунду.

— Я не знаю что сказать, — растерянно пролепетала я.

— Если в тебе есть силы бороться — борись за него, я сделаю все, что ты скажешь. Помогу всем, чем смогу, но подсознательно я каждую минуту ожидаю известия, что его больше нет.

Моя машина, преодолев трассу, припарковалась у парка, отказываясь ехать куда-либо еще, пока ее хозяйка, то есть я, не придет в себя после разговора. На самом деле, у меня спустило колесо, и пока насос его накачивал, я смогла обдумать дальнейший ход действий. Перечитала на несколько раз записку, словно надеясь, что в ней закодирован способ спасения моего шизофреника. Глупости, откуда этот сумасшедший старик, «Хемингуэй», мог знать, что происходит с Олегом? «Не убивай больше», — эта фраза выбивала из колеи, вызывала холодок по позвоночнику и желание сесть за руль и уехать, куда глаза глядят. Давить на газ, пока не

кончится бензин в баке, пока не наступит новый день, приносящий новое решение, новую надежду. Новую жизнь. Наверное, Инна Викторовна права, не следует Олегу показывать эту записку. Вдруг подал голос мой сотовый — меня срочно вызывали на работу. Я закончила чинить колесо и села за руль.

* * *

Задержавшись на работе более чем необходимо, с целью обдумать, стоит ли показывать Олегу записку Пестрова, я не заметила, как стрелки часов подбежали к полуночи. Мобильный и рабочий телефоны молчали, на мою смс о том, что я появлюсь дома поздно, Олег ответить не соизволил. Родившаяся в голове спонтанная мысль — а не сбежать ли мне к маме под предлогом ее плохого самочувствия, которое бы она могла изобразить по моей просьбе, — была решительно отвергнута. Во-первых, шутить со здоровьем родителей не стоит, а во-вторых, такой поступок выглядел бы слишком трусливо с моей стороны, я перестала бы себя уважать. Одевшись и положив перечитанную на сто рядов записку в карман куртки, я покинула офис и направилась к машине. Из-за моего непростительного опоздания на работу, пришлось припарковать автомобиль через квартал от места расположения офиса, так как рядом с Flowers негде было велосипед бросить, не то, что «четырёхколесного друга».

В нашем современном мире передвигаться по городу ночью не страшнее, чем днем. Улицы отлично освещены благодаря не только часто установленным фонарям, но и десяткам рекламных вывесок и баннеров. В паре метров проносятся автомобили, то и дело встречаешь поздних прохожих. Именно так я себя успокаивала, когда, свернув в переулок, почувствовала, что кто-то идет следом. Как обычно поступают в таких случаях, я ускорила шаг, мимолетно оглянувшись — крупный мужчина, прятаясь лицо под капюшоном, не отставал. И людей вокруг вдруг стало меньше, и небо над головой темнее, а каблучки выше и неудобнее. Глупости, тревожность Олега, кажется, заразна.

Посмеявшись над своими опасениями, я подошла к небольшому парку, раздумывая, сократить дорогу через сквер и добраться до машины за три минуты, или же продолжить идти по улице и потратить на тот же путь не менее семи. Поразмыслив долю секунды, я продолжила путь по тротуару, опасливо косясь за спину. И в тот момент, когда, поддавшись панике, я выбрала более безопасный путь, я испугалась по-настоящему, словно добавив реальности воображаемой угрозе.

За небольшим и уютным сквером располагался старый пятиэтажный дом, во дворе которого я оставляла машину десятки раз, в каждый из которых смело шла через парк, погруженная в мысли о предстоящих сделках или поставках, не оглядываясь. Сейчас же мои колени предательски подкашивались, а сердце учащенно билось. Не без раздражения припомнила, что меня посещала мысль переставить машину поближе к офису, как только начало темнеть, но я поленилась. Тот самый дом, рядом с которым стоит моя машинка, мое спасение, с каждым движением был ближе, я визуализировала, как сажусь за руль, как закрываю замки на всех дверях и еду домой, набираю номер Олега и прошу, чтобы он встретил меня у стоянки. Шаги за спиной слышались все отчетливее, я вздрогнула, когда ботинок преследователя с громким всплеском наступил в лужу, чему последовало невнятное матерное ругательство, произнесенное хриплым голосом. Случившееся спокойствия не добавило.

Поворачивать обратно было слишком поздно — до оживленной улицы расстояние такое же, как и до машины, столкнуться лицом к лицу с незнакомцем не хотелось, доставать телефон я побоялась, так как этот жест мог спровоцировать предполагаемого преступника к более решительным действиям. Где-то уже совсем рядом раздавались шуршание спортивных штанов,бряканье застёжки на куртке, изредка кашель. Незнакомец поправился со мной и в тот

момент, когда по моим размышлениям он должен был меня обогнать, а ведь в глубине души я не сомневалась, что опасность, исходящая от идущего позади мужчины, не более чем плод моего больного воображения, он спросил:

— Почему такая красивая девушка гуляет ночью в одиночестве? — насмешливо и низко.

Вздрогнув от неожиданности, я позволила себе рассмотреть возвышающегося надо мной на полголовы незнакомца, по-прежнему прятавшего под темным капюшоном взгляд или намерения по отношению ко мне. Его черная, неухоженная щетина, мятая одежда и душек перегара завершили образ маньяка-психопата. Шаг я не замедлила.

— Меня встречает муж, давайте разойдемся по-хорошему, — крепче прижала к себе сумку, вспоминая, что ценного в ней лежит и насколько для меня проблемным будет сейчас с ней расстаться. Права, паспорт, кошелек, несколько кредиток, телефон...

— А мне кажется, тебя никто не встречает, поэтому, я с удовольствием тебя провожу. Кстати, я живу здесь недалеко, как насчет того, чтобы зайти на чай?

— Идите куда шли, — грубо ответила я, припоминая, что на лавочках во дворе дома, как раз недалеко от того места, где я бросила машину, часто молодежь ночами общается, распивая пиво, ругаясь с бабушками, живущими на нижних этажах. Подбодрившись идеей, что при свидетелях идущий рядом пьяница не посмеет распускать руки, я добивала: — Отойдите от меня немедленно, а то я вызову полицию, — голос прозвучал уверенно, на пару секунд незнакомец действительно отстал, но потом снова появился рядом, уже с другой стороны, а я видела в пятидесяти метрах от себя свою машинку, освященную скудным светом единственного в запущенном дворе фонаря. Днем этот двор казался мне милым, хоть и неухоженным. Летом утопал в зелени. Он был старым, неубранным, но никогда не виделся мне опасным.

— Да никто тебя не ждет, не выдумывай. Заканчивая ломаться уже, видно, что ты тут не просто так гуляешь, — он открыл лицо и подмигнул мне подбитым глазом, дотронулся до плеча, отчего я отпрянула и практически побежала.

— Да стой же ты, дрянь! — он настиг меня у машины, дернул за руку, поворачивая к себе. — Ну и где твой «муж»? Знаешь, милашка, я не люблю, когда мне врут, — выдохнул мне на лицо смесь перегара, лука и жареного мяса. Запаниковав, я прижала к груди сумку, планируя в следующую секунду вручить ее ублюдку, а самой, достав из кармана ключи, прошмыгнуть в машину. Судя по затуманенному взгляду мужчины, ему нужны деньги на выпивку или наркотики, у меня практически нет наличных, но часы и серьги можно продать неплохо. Лишь бы не трогал меня.

— Пожалуйста, я заплачу, только...

Увы, моя сумка и украшения его совсем не интересовали, по крайней мере, пока. Он прижал меня к машине, я попыталась драться, на что услышала:

— Заткнись, сука, у меня нож, — гаркнул он и оскалился. Сердце провалилось куда-то вниз, а паника парализовала движения, лишая возможности сопротивляться. Этого не может быть, только не со мной. Нет, нет, нет... Я снова попыталась его отпихнуть и вырваться, но он ошарашил новой угрозой разукрасить мою физиономию, если не успокоюсь. В матерной форме.

— Расстегивай куртку, дрянь, если не хочешь, чтобы я тебе ее порвал.

В этот момент, когда мои одеревеневшие пальцы коснулись пуговиц, а мозг хаотично соображал, как потянуть время, что можно использовать как оружие, по стеклу машины постучали, что самое удивительное — с внутренней стороны. И я, и насильник замерли, перевели взгляды на окно пассажирского сидения, за которым четко проглядывалось лицо Олега. В следующую секунду Олег уже выходил из машины, а незнакомец, извиняясь, пятился назад, причем так быстро и умело, что в момент, когда Олег подошел ко мне, тот уже скрылся в тени дома.

— Боже, как хорошо, что ты здесь, — бросилась я к нему, не способная поверить в невероятное стечение обстоятельств, которые привели Олега в мою машину. Судя по заспанному лицу, Олег задремал, пока дожидался меня, — ты не представляешь, как я испугалась, — старалась поделиться дрожью своего тела с ним, отдать свой ужас, наслаждаясь облегчением и его силой, ощущением безопасности. С тех пор, как мы познакомились, Олег стал моей поддержкой, главной опорой в жизни. Учил меня быть счастливой, не обращать внимания на мнения других людей, получать удовольствие от секса, еды, простых объятий. А теперь он спас меня от ограбления и, возможно, насилия.

Воспользовавшись его расстегнутой курткой, я протиснула руки под одежду и обняла его так крепко, что если бы он вздумал застегнуть молнию, мы бы оба поместились под его одежду. От моего напора Олег охнул, но в ответ не обнял.

— Это кто? — спросил он довольно грубо. Недовольство в его голосе резануло по ушам, в этот момент я готова была услышать или что-нибудь ласковое, или его крик на тему: какого черта я шляюсь по ночам в одиночестве? Мне казалось, что я заслуживаю и первое, и второе в равной степени.

— Понятия не имею. Прицепился ко мне на улице Стасова и шел следом. Я себе и представить не могла, что он начнет приставать. Вокруг, как назло, ни души. А ты как здесь оказался? Любимый, ты будто почувствовал, что нужен мне, — и снова вцепилась в его плечи, но Олег меня отстранил, на расстояние вытянутых рук.

— Я спрашиваю, кто это, Аля? — ледяным тоном произнес он, — это не Дмитрий и не Сергей, я бы узнал.

— Я клянусь, что не зна...

— Не лги мне!

— Олег, ты не видишь что ли? Меня до сих пор трясет, я не имею ни малейшего понятия, кто этот алкоголик, который приглашал меня к себе в гости. Ты же не думаешь, что я с ним... — я брезгливо скривила лицо, все еще ощущая тошнотворный запах.

— Я не знаю, что думать. Я приходил к тебе в офис сегодня днем — тебя не было в кабинете.

— Мне не передавали.

— Я прождал тебя на улице, у входа в бизнес-центр до девяти, потом решил прогуляться и нашел машину, спрятанную в этом дворе. Ты, видимо, забыла, что я знаю об этом месте.

— Олег, днем у меня были дела, но на работе я появилась в четыре. Понятия не имею, почему ты не видел, как я захожу в здание. Да спроси хоть у кого... у Нины, у охраны...

— Вы все в сговоре! — психанул он, ударив ладонями по машине.

— Да нет же! Днем я была у твоей матери, спроси у нее. Или ты считаешь, что она тоже хочет скрыть мою измену тебе?

На его лице впервые отразилось сомнение в собственных убеждениях.

— Зачем ты ездила к маме?

— Чтобы поговорить о тебе. Олег, может, поедет домой, мне не по себе здесь, — я опасливо оглянулась. Из окна третьего этажа на нас в упор смотрел полный лысый мужчина, голый по пояс. Надеюсь, что по пояс. Олег тоже заметил свидетеля нашей семейной разборки и кивнул, открывая мне дверь, затем уселся рядом, и я вырвалась, наконец, с ужасного двора, в котором едва не случились страшные вещи. Завтра утром позвоню в полицию. В голове не укладывалось, что недалеко от оживленного проспекта можно встретить подобных людей. Возможность в любой момент дотронуться до Олега невероятно успокаивала. Я начала храбриться, убеждая себя, что инцидент исчерпан, говорить о нем не стоит. Будет мне уроком на будущее.

— Так зачем ты ездила к маме? — в его голосе звучало недоверие. Дорога была практически пустой, поэтому я могла позволить себе отвлекаться на серьезный разговор.

— Хотела поговорить о тебе. Милый, я вижу, что тебе становится хуже, я очень хочу помочь. Пожалуйста, не обижайся на меня за эту поездку. И перестань думать, что у меня есть отношения на стороне.

Он помолчал некоторое время.

— И что она тебе сказала?

— Да ничего особенного. Показала твои детские и юношеские фотографии.

— Говорили об аварии?

— Немного.

Следующие пятнадцать минут в машине звучали голоса лишь полуночного ди-джея и нескольких исполнительниц нашей и американской эстрады.

Остановив машину, я взглянула на Олега.

— Ну что, идем дом...

Его прищуренные словно в попытке прожечь мою душу серые глаза заставили осечься и замолчать, а в тот момент, когда они встретились с моими испуганными, я почувствовала укол в сердце. Столько энергии, психологического давления было в этом взгляде, что на мгновение я захлебнулась воздухом, запаниковав. Вероятно, еще не отошла от нападения.

— Зачем ты копаешься в этой истории? — ровным голосом спросил он, едва шевеля губами.

— Ты пытаешься меня загипнотизировать? — попыталась пошутить я, с горечью отмечая, что успокаивать и жалеть меня он не собирается. Ему вообще нет дела, что меня менее получаса назад едва не изнасиловали, — применяешь на мне свои «психиатрические» штучки? — улыбка получилась ненатуральной. Ладно, с последствиями нападения справлюсь, обсужу завтра на работе подробности с Ниной, она неплохой психолог. Профессия обязывает. Сейчас нужно

разрядить отношения со спасителем. Снова пытаюсь улыбаться, а он продолжает смотреть, словно прорываясь в мой разум, освобождая мои мысли от защитной шелухи, сдирая ее слой за слоем, прорываясь к сердцевине, к самому сокровенному. Это был взгляд профессионала, общающегося с тяжело — больным пациентом. Взгляд человека, пытающегося отделить фантазии от лжи, в моем случае — правдивые мотивы действий от тех, которыми можно прикрыться. Чтобы скрыть истину. Записка жгла карман.

— Почему ты не спросишь у меня напрямую? Зачем эти обходные маневры?

— Я подумала, что тебе неприятно говорить об этом.

— О чем? О том, что на моих глазах, в нескольких метрах от меня машина сбила мою бывшую жену? Или о том, что родители в этот момент порадовались, отказываясь помогать нам? А, может, ты хотела узнать детали дня, когда я совершил убийство? Аля, ты боишься меня? Ты считаешь, что меня напрасно не посадили?

— Нет, Олег, что ты. Я уверена, что это был несчастный случай. Милый, ты говоришь жестокие вещи, твой отец бы обязательно помог, но он был занят на операции.

— Дай угадаю, спасал детей, да? Ха-ха-ха, Аля! Я тебя умоляю, — он потряс ладонями перед лицом, закатывая глаза, — Аля, — вдруг стал серьезным, — жалось к детям и котяткам — запрещенный прием. От душещипательной истории с их участием любого на слезу пробьет. Не зря же ты всем и каждому до сих пор рассказываешь, как я откачал девочку у бассейна. Спас невинного ребенка! Герой! Тебе, моей матери, Кате, да всем вам до безумия нравятся подобные байки. Именно из-за того случая ты взяла меня на работу, а потом и пустила в свою кровать, признай.

Я молчала.

— Аля, мой отец не спасал детей. То есть в том автобусе действительно было дети, но они отделались переломами. Мой папа делал операцию водителю и одному из пассажиров. А детские слезы были добавлены, чтобы придать трагичности случившемуся и отвлечь народ от очередного кризиса.

— Но твоя мама сказала...

— Она верит тому, чему хочет верить. А именно, что Николай Николаевич — божество, спустившееся с небес и одарившее ее своим светом.

— Так нельзя говорить про родителей.

— Ты права, я забылся. Аля, — он зажал мой подбородок двумя пальцами и потянул к своему лицу, — перестань собирать информацию. Мне это неприятно. Если тебе нужно что-то узнать — спроси напрямую, обещаю, что отвечу честно. Но я не смогу верить тебе, если ты будешь проводить личное расследование. Хорошо?

Я кивнула.

Олег

Разумеется, я не поверил ни единому ее слову. Она непременно будет выяснять подробности трагедии, повлекшей за собой смерть Алины, но страшило меня другое. Никаких сомнений, в

ту ночь Алю кто-то провожал до машины. Мужчина, который, заметив меня, быстро ретировался с места «преступления». У нее роман на стороне? Или интрижка? Или просто ни к чему необязывающий секс?

Бесы, режущие мои мысли подобно шредеру, уничтожающему бумагу, я не могу заниматься с ней сексом, да что там, даже прикасаться к ней не могу, подозревая, что она мне изменяет. Меня трясет от одной мысли, что Аля может принадлежать кому-то, помимо меня. Я умудряюсь одновременно любить ее и ненавидеть за все хорошее, что она делает для меня, за всю боль, которую она причиняет мне.

Застукать ее не удалось ни разу. А мне не хватает самой малости, ее признания или хотя бы одного, крошечного доказательства, чтобы оставить ее. Но отсутствие уверенности в Алиной неверности не позволяет мне расстаться с ней. Я чувствую себя выпрыгнувшем с самолета горе-экстремалом, хватающимся за предложенный судьбой парашют. А шансы, что он раскроется один к ста. И стоило бы уже давно бросить ненужный балласт и готовиться к столкновению с землей, со смертью, так нет же, я изо всех сил, руками, ногами и зубами, хватаюсь за надежду, что Аля действительно принадлежит только мне. Мне больно отпускать ее каждый день на работу, что стало равным объятиям другого мужчины, но я терплю, продлевая агонию, греясь в ее тепле, хотя считаю его фальшивым.

Мы как две ищейки. Она роет под меня, докапываясь до информации о моем прошлом, я слежу за ней, одновременно ожидая и больше всего на свете боясь увидеть ее с другим. А бесы шепчут, что дурак, что я лопух и неудачник. Перекрикивают громкую музыку, которую я начал часто слушать, затмевают вой пилы или рев перфоратора, когда я приделываю плинтуса или вешаю гардины в нашей новой квартире.

* * *

Аренда приносила неплохие доходы. Опасения, что мы глупо выкидываем деньги на ремонт, который никогда не окупится, не оправдались. Кроме того, подобный труд не требовал от меня нагрузки, ответственности и нервов. Снимающие у меня жилье люди не подозревали, что я шизик. Кажется, я нашел свое призвание. Кто бы мог подумать, что оно окажется именно таким. Но любой бизнес намного лучше, чем оригами, по крайней мере, теперь я могу купить в дом продукты, не прося денег у Али, что однозначно придает мне уверенности в себе, которую я совсем растерял в ходе последних событий.

Сдав в очередной раз квартиру в аренду и получив кое-какие деньги, я направился к Flowers, в окрестностях которого отныне обитаю ежедневно. Сажу либо в кафе, либо на лавочке, контролирую Алины передвижения. О, нет, в большинстве случаев свое местонахождение я не скрываю. Частенько Аля берет меня с собой, практически каждый день мы вместе обедаем, она позволяет мне оплачивать счет, якобы, из моих денег, а вечером едем домой. Но иногда я преследую ее тайно. Осознаю, что перекрыл ей кислород, контролирую каждый ее шаг, сопровождаю на встречи, ожидаю в машине у ресторанов, где они вместе с Сергеем или Дмитрием налаживают новые деловые связи. Иногда я заглядываю в окна или сажусь за соседний столик, ну так, чтобы меня никто не заметил. Мне жизненно необходимо выяснить, спит она с кем-то на стороне или нет. Выяснить, чтобы с чистой совестью оставить ее и в одиночку, не торопясь, сойти с ума. Бесы хихикают при этой мысли. Выжидают.

— Олег, что ты там делаешь? — ложится мне на спину и забирает книгу.

— Эй, отдай, там момент интересный, — пытаюсь выхватить из ее ловких рук шедевр мировой классики, я переворачиваюсь, и Аля оказывается у меня не груди, быстро садится верхом и

поднимает руки, не давая мне дотянуться до книги. Смеется. Ее халатик распахивается, демонстрируя мне белый лифчик, украшающий грудь. Он новый, однозначно, я такой еще не видел. Узор очень мелкий, а, если приглядеться, можно рассмотреть крошечные цветочки и... Воспользовавшись моей заминкой, Аля кидает книгу на стул, находящийся в другом конце комнаты, да простит ее бессмертный автор сего творения. Кокетливо дергает плечиками, полностью скидывая халатик и открывая мне вид на ее грудь, едва спрятанную под кружевом белья и мизерные трусики. Против воли моя улыбка расширяется, а член твердеет. И, конечно же, она это чувствует, ерзает на нем, что совершенно не помогает моему самоконтролю.

— Я соскучилась, — шепчет, — я хочу, чтобы ты любил меня.

Приподнимаю ее, позволяя себе сесть, чтобы потом встать и уйти, но понимаю, что не способен оторвать руки от ее бедер, а пальцы уже лезут под трусики, проверяя, так ли нежна ее кожа, как обычно.

Аля осторожно гладит меня по плечам, словно опасаясь спугнуть, требуя более решительных действий. Ее прикосновения оставляют на коже разводы тепла и ласки, разжигая во мне страсть, затыкая моих демонов.

— Аля, я сейчас не в лучшей форме, давай позже.

А мои руки уже прячут под собой ее груди, массируя, заставляя ее трепетать. А мысль «застежка находится спереди» на минуту выталкивает из головы все прочие.

— Аля, я не хочу, — говорю ей, а она лишь стонет в ответ, упиваясь скудными ласками, которые я так редко теперь дарю ей. А мне так больно, нестерпимо тоскливо от понимания того, что она более не принадлежит мне, что у меня есть лишь воспоминания. Для кого она купила это белье?

— Олег, о, Боже, пожалуйста, продолжай, — выдыхает мне в ухо и освобождает свою грудь, отправляя мои пальцы ниже, туда, где должны быть трусики, которые я уже, оказывается, успел с нее стянуть и они болтаются на ее левой лодыжке. Минимальные, крохотные, созданные, чтобы в порыве страсти не составило проблемы их порвать, открывая доступ к... Мне хочется их пожевать, и в следующую секунду я зажимаю тонкую ткань между зубов, а она смеется, стягивая с меня штаны. Ее вкус, ее запах дурманит мой истерзанный подмешиваемыми в еду лекарствами мозг. Я понимаю, что не любил ее уже более двух месяцев, изводя подозрениями, слезкой.

— Алечка, — мы смотрим друг на друга, тяжело дыша, а перед глазами искрящиеся огоньки, превращающие серую реальность в сказку, в которой действительно хочется жить. Я вижу ее блестящие от удовольствия глаза, ее приоткрытые губы. Возбужденная, желающая меня Аля — вот что является вратами в мою личную сказку, где нет места желанию спрыгнуть с крыши.

Я не успел понять, как оказался внутри нее, но выйти нет никакой возможности, ее мягкость и упругость лишают меня права выбора. Мы разве предохраняемся?

— Просто проконтролируй, хорошо? — подмигивает она мне и начинает двигаться, слишком быстро, на мой взгляд, для первого за столько времени воздержания секса. Частота фрикций в первую минуту практически перебрасывает меня через край наслаждений, но ощущая ее голод, ее жажду моего тела, у меня получается сдержаться.

Ее лифчик расстегнулся одним движением моих пальцев. Понимая, что у нее уже несколько минут не получается улететь, я переворачиваю ее на спину и беру инициативу в свои руки.

Ведь только я могу сделать так, чтобы она летала. Чувствую, что от нежности, любви и сомнений мое колотящееся сердце сейчас разорвется.

— Ты только моя, — не контролируя себя, рычу ей в ухо, вбивая ее своим телом в матрас. А она отдается мне, стонет, что-то шепчет невнятное. Невероятно податливая, послушная, получающая кайф от моей грубости.

— Моя! — кусаю ее, заставляя ответить, — я тебя убью, если узнаю, что изменяешь мне, слышишь? — задыхаюсь от удовольствия, от звуков, запахов, от ощущений. — Убью, — говорю ей на ухо. А она не боится, несмотря на то, как страшно звучат угрозы из уст шизофреника, на счету которого уже имеется жизнь одной женщины. Она не отвечает, только стонет. Я приподнимаюсь на руках, ускоряясь, позволяя ей, наконец, кончить. Наблюдаю за ее лицом, ожидая ее возвращения из ее сказки, намереваясь получить ответ на свой вопрос.

Какая она прекрасная, родная и моя собственная. Но моя ли?

— Обожаю, когда ты такой, — приподнимается и целует меня в губы, — ударь меня.

— Что, прости?

— Несильно. Спроси еще раз, тем же тоном.

Твою мать.

Я накручиваю ее волосы на руку, и довольно резко дергаю.

— Ответь мне честно, ты трахаешься еще с кем-то? — меня трясет.

— Никогда, — качает головой, — принадлежу только тебе, — крепко обхватывает меня коленями, выгибается и, пользуясь моими движениями, улетает во второй раз. А я догоняю, едва успевая выйти из нее.

— А ты у меня, оказывается, ревнивый собственник, — говорит через минуту. — Будь таким почаще, хорошо? — поднимается, целует меня в бедро и уходит в ванную.

Похоже, она думает, что мое поведение — это часть ролевой игры. А бесы снова начинают кричать, что болван. Я на изнанку вывернусь, не узнаю правду, — обещаю им. О Боже... Очередной спазм наслаждения возвращает меня к более приятным мыслям, я утыкаюсь носом в подушку и расслабляюсь, а через минуту крепко сплю.

Аля

План «новое белье — новая информация» сработал как нельзя лучше. Соблазнить Олега проблемы не составило, значит, холодность с его стороны в течение последних недель — не результат приема лекарств. Мой мужчина настолько мужественный, что ни одни таблетки не могут помешать его эрекции. Хм, а может, дело во мне? — улыбалась я, припарковав машину у психиатрической больницы, в которой лечится Олег.

Признаюсь, я долго откладывала разговор, на котором настаивала Инна Викторовна, но сегодня настроение настолько хорошее, что его не испортит ни одному доктору, даже тому, кто считает болезнь Олега безнадежной. Вчерашняя близость наших с Олегом тел расставила на свои места чувства и сомнения, определила приоритеты, границы которых за последнее

время слегка стерлись. Я его люблю бесконечно и честно, принимая целиком и полностью, без оглядки на прошлое, полное трагических событий и ошибок, туманное настоящее и то мрачное, то проясняющееся будущее. Внутри меня возникли силы, благодаря которым я выдержу все, что угодно, и помогу Олегу дотянуть до следующей ремиссии, которая уже не за горами. А как иначе можно назвать вчерашнюю страсть? Только началом светлого периода.

Игорь Иванович меня ждал в своем кабинете. Прежде чем решиться прийти сюда без Олега, я перечитала кучу отзывов об этом докторе. Обзвонила нескольких знакомых, которые имели независимое мнение о светилах нашей медицины. Очень удивили практически безупречные рекомендации Игорю, умственные способности которого так часто ставит под сомнения Олег. Игорь Иванович закончил наш вуз в числе хорошистов, по окончании его пригласили работать в эту самую больницу, где он уже несколько лет успешно строит карьеру. Пациенты его не ненавидели (судя по форумам на которых я зарегистрировалась специально, чтобы провести разведывательную операцию или, проще говоря, пробить почву), коллеги уважали, начальство пророчило хорошее будущее. Сам Игорь был женат, имел двоих детей. Слишком все оказалось идеально на мой взгляд.

В кабинет я зашла четко понимая, что докажу этому негодяю, что случай Олега вовсе не безнадежный, и не стоит моему мужу каждые полгода лежать в больнице, дабы купировать вероятные приступы. Как Игорь мне советовал не так давно.

Присела за стол, окинув беглым взглядом обычный кабинет нашей среднестатистической больницы, ничем не примечательный помимо репродукции одной из многих «Импровизаций» Кандинского, походящей на особый психиатрический тест. После вежливого приветствия и отказа от кофе или чая, мы перешли к делу.

— В последнее время Олегу стало лучше, — заявила я. — Он снова работает, общается с людьми, в том числе легко находит контакт с незнакомыми, помогает мне по дому, — припоминаю, что пару дней назад он развесил выстиранное белье на сушилке, хотя несколько месяцев не занимался стиркой, несмотря на все мои просьбы. — Я чувствую, что более не безразлична ему. В общем, лечение в домашних условиях идет Олегу на пользу.

— Очень хорошо, — кивает врач. Будучи ровесником Олега, сидящий напротив меня мужчина казался старше меня на пару лет, не меньше. Слегка располневший, круглолицый, он производил впечатление врача из юмористического сериала, с утрированными особенностями, часто высмеиваемыми в анекдотах. Болтающиеся на носу очки уменьшали размер и без того крохотных голубых глаз, а волосы и кожа лоснились. Пуговицы на халате он застегнул невпопад, видимо, пропустив парочку, поленился переделывать.

Игорь машинально жевал свою нижнюю полную губу, но смотрел очень внимательно. Словно, прокручивая в голове сотни вариантов развития дальнейших событий. Неуклюже почесал затылок, — что не могло не вызвать у меня улыбки. Нет, определенно этот врач не может производить впечатление профессионала, ясно, почему Олег над ним потешается.

— Алла Константиновна, я же не просто так уделяю столько внимания случаю Олега. Я хорошо отношусь к его родителям. Инна Викторовна, кстати, принимала роды у моей жены. С Алинкой в свое время мы дружили. Вот Вы мне тоже нравитесь. Поэтому я задам вопрос напрямую. От меня Вы что хотите?

— В смысле? — опешила я.

— Вы пришли ко мне в кабинет и рассказываете, насколько успешно у Вас получается лечить

Олега. Вы ждете от меня одобрения? Вы его не получите. Моего мнения насчет того, куда вас обоих заведут «дедушкины» методы лечения шизофрении? Так Вы его слушать не станете. Так зачем Вы пришли?

Доктор оказался не так глуп, как выглядел со стороны. Я растерялась и на мгновение замешкалась, но быстро взяла себя в руки. Цель моего визита — иметь возможность при следующем телефонном разговоре со свекровью сказать ей, что я была у врача и ничего нового он мне не сказал.

— Мы не занимаемся «дедовскими» методами лечения, Олег принимает лекарства, которые Вы ему прописываете. Я говорю о том, что ему не обязательно ложиться в больницу.

— Если Вы хотите, чтобы я ответил Вам на вопрос, считаю ли я Олега опасным для общества, я отвечу — нет, не считаю, — удивляла странная манера собеседника разговаривать. Игорь рассуждал вслух, задавал вопросы и тут же отвечал на них. — Именно по этой причине я позволяю Олегу самому решать, как ему лечиться. Не использую принудительные меры. Вы считаете, что он меня слушает? Пьет то, что я ему выписываю?

— Конечно.

— Конечно, нет, — ответил доктор, опираясь локтями о стол. — Он презирает меня, впрочем, я не обижаюсь, потому что Олег ничуть не лучше относится к большинству врачей в нашем городе. Хотите, мы поговорим с Вами как друзья? Не как врач с родственницей пациента?

Поразмыслив несколько секунд, я пришла к выводу, что это как раз то, что мне нужно.

— Да, конечно. Я слушаю.

Игорь кивнул, закрыл лежащий перед ним журнал и снял очки, которые тщательно протер салфеткой, прежде чем убрать в чехол. Посмотрел на меня.

— Олег — самодур, — спокойно сообщил мне. — Он слушает только себя, игнорируя мнения других, как надоедливое жужжание насекомых. Я понятия не имею, что он там принимает. И принимает ли. Иногда, должен признать, он выглядит довольно нормально. Но в большинстве случаев... Я же вижу, что он не в себе.

— Я знаю Олега очень хорошо, я живу с ним, поэтому могу утверждать, что за редким исключением он ведет себя как обычный человек.

— Вы знали Олега до болезни? Вот. А я знал. Поверьте, теперешний Олег отличается от того парня, которым был раньше.

— Вы дружили?

На этот простой вопрос мне ответили совершенно непрофессиональным взрывом хохота.

— Дружить с Балем? Алечка, — вдруг назвал меня по имени, — Вы сейчас шутите? У Баля никогда не было друзей. У него же, говоря простым языком, «синдром Бога», мания величия. Я сейчас говорю не о шизофрении, а о манере поведения. С такими, как я, Баль в жизни за руку не здоровался. Он же был самым умным студентом на факультете. От учебников не отрывался и знал, как мне тогда казалось, больше читающих нам лекции профессоров. Профессия врача была его манией, он не ставил себе иной цели, помимо карьеры.

— Он хотел помогать людям.

— Не спорю. Он и помогал, пока мог. Но дружить — никогда. Если оставить деловой тон, и говорить дружески, еще раз повторяю, что Бали мне нечужие, то могу сказать следующее. С Алиной он начал встречаться только потому, что она его полюбила с первого взгляда. И таскалась за ним хвостиком. Нашему гению было удобно иметь при себе девицу, готовую ради него на все, что угодно. Ну, Вы понимаете. Возраст, гормоны.

— Что за бред Вы несете?

— Я просто пытаюсь снять розовые очки, чтобы лет через десять не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Если не хочешь, я больше не скажу ни слова. Просто я же вижу, что ты пришла ко мне не как к врачу, за помощью, а как к человеку, хорошо знающему Баля.

— Продолжайте.

— Ему просто было удобно с ней спать, в плане, что не нужно тратить время на ухаживания за другими девицами. То самое драгоценное время, которое можно посвятить книгам и семинарам.

— Олег говорил, что любил ее.

— Не знаю, может, он кого-то и любил. Тебя, возможно. Но Алину — никогда. С ней было удобно. А когда он узнал, что ее родители могут организовать перевод в Киев с последующим трудоустройством — быстро потащил ее в загс, и тем самым сбежал от родителей.

— Зачем ему сбежать от родителей?

— Для Олега было готово место на кафедре хирургии в тот момент, когда он в первый класс пошел. Ему бы не дали здесь спокойно учиться на психиатра.

— Получается, — обдумала я услышанное, — ты считаешь, что Олег был болен еще до аварии? Разве у него мог случиться психологический срыв, породивший шизофрению, если он не любил Алину?

— На этот вопрос я не смогу дать ответ. До того, как он стал моим пациентом, я его видел в последний раз на сессии, закрыв которую они с Алиной перевелись в Киев. Нам тогда было лет по двадцать.

— Понятно.

— Не расстраивайся. Вижу, что ты ради него на многое готова. Поверь, я тоже хочу помочь. Если ты не доверяешь мне, то найди другого врача, хотя я и уверен, он пропишет те же лекарства. Только не бросай лечение на самотек.

— Но как?

— Просто следи, чтобы он принимал нейрорептики. Сама выдавай ему таблетки, клади ему их в рот, а потом проверяй, чтобы под языком ничего не оставалось.

— О, нет.

— А как ты хотела? В больницу определять ты его не хочешь. Следи сама.

И снова поток новой информации, которая не укладывается в голове, в которой можно затеряться, пытаюсь отыскать истину. Я вела с собой мысленный диалог, пока ехала домой. Врач мне понравился. Возможно, он не очень приятен внешне, но создает впечатление умного и знающего человека, которому хочешь — не хочешь, а начинаешь доверять. Натасканная комментариями Олега я ожидала совсем иного поведения. Думала, Игорь начнет дергаться, нервничать после намеков на его некомпетентность. Допускала, что он выставит меня за дверь, в этом случае я бы гордая направилась домой, с четким ощущением, что защитила своего мужчину.

А что вышло на самом деле? Я чувствовала себя маленькой девочкой, которой взрослый дядя вынужден объяснять элементарные вещи.

Какой же на самом деле Олег? С каждым днем я узнаю его с новой стороны, иногда радуюсь, иногда пугаюсь. Никогда не видела у Олега высокомерия, о котором говорил Игорь, но в памяти всплыли фотографии, из альбома Инны Викторовны, где Олегу было двадцать лет. Да, определенно, мой Олег очень отличается от того, которого знал Игорь, будучи студентом.

И мнение об Алине регулярно меняется на диаметрально противоположное. То она видится мне расчетливой дрянью, имеющей влияние на Олега, то блеклой тенью, не способной на собственное мнение. Я перечисляю крайности, конечно. Но где искать золотую середину, отражающую реальный характер погибшей много лет назад девушки?

Перед глазами вновь и вновь всплывали фотографии с помолвки. На них Алина выглядела более чем скромно. А ведь это была поездка к родителям жениха, можно было одеться наряднее, сделать прическу, хотя бы накрасить губы.

Решив завтра утром поговорить с Катей, я зашла в квартиру, встретившую меня тишиной. Очень странно, обычно вечерами Олег слушает музыку. Сегодня днем он звонил мне, обещал приготовить ужин, сказал, что ждет к семи. Игривый тон позволял рассчитывать на продолжение вчерашнего. Посмотрела на часы — семь ноль пять.

— Олег? — позвала я. — Олег??

Боже, что могло случиться? Не разуваясь, я как есть бросилась в комнату, оказавшуюся пустой. На очереди были балкон и...о, нет, пожалуйста, только не ванная... Сделав шаг в сторону ванной я почувствовала, как кто-то сзади схватил за плечи и повалил на диван. Я попыталась вырваться, но сила соперника превосходила мою в десятки раз. Грабитель? Почему-то подумалось о том самом пьянице, от которого меня спас Олег. Выследил меня, с целью завершить начатое? Бред. Но кто же тогда придавливает меня к матрасу? Я начала звать на помощь, и он зажал мне рот ладонью.

Все мои попытки кричать и брыкаться прекратились в тот момент, когда я узнала в «маньяке» Олега, перевернувшего меня на спину и, вероятно, недоумевающему по поводу моей истерики. Черт, да кто еще-то мог быть в моей квартире? Замки не были сломаны, этаж не первый. Понятно, что это Олег. Зачем я начала вырваться? Повела себя как дура. Опять ролевая игра? Я не против, но...

— Где ты была? — его глаза налились кровью, были хищно прищурены, меняя лицо любимого мной человека до неузнаваемости. Дыхание сбилось, я промычала что-то невнятное, так как рот был все еще зажат. Попыталась успокоиться, понимая, что нахожусь в руках своего гражданского мужа, что для паники нет никакого повода. Олег скалился, показывая, что не собирается играть со мной.

— Где. Ты. Была? — медленно процедил. Его напряженное лицо, шея, на которой билась вена, говорили, что он был в бешенстве. Никогда не видела его таким, никогда не думала, что он может быть таким. Я снова что-то промычала.

— Подумай хорошо, прежде чем начать врать. Я все знаю, — и убрал ладонь. Я жадно схватила воздуха, оказывается, несколько секунд я не дышала. Начала кашлять.

— Олег, что за глупости? Это не смешно, пусти меня.

— Ты ездила к Игорю. Зачем?

— Как ты узнал?

Он больно потряс меня за плечи.

— Зачем?!

— Прости, я хотела кое-что узнать о твоём лечении. Знаю, я обещала, что теперь буду задавать вопросы только тебе, но я должна была поехать.

— Не ври! Признайся, ты с ним спишь, — он сжал мои руки сильнее, и я взвизгнула. — Просто признайся мне. И я тебя отпущу, — он ослабил хватку, — я просто должен знать правду. Я не могу жить, сомневаясь. Давно ты с ним трахаешься? С тех пор, как познакомилась со мной?

— Что ты несешь? — вероятно, искреннее изумление в моих глазах поубавило в нём уверенности, он дернул головой, то ли кивая, то ли, наоборот, отрицая свои слова. — У тебя окончательно съехала крыша? Я его видела во второй раз в жизни, причем в первый раз я была с тобой, когда Сергей вызвал скорую. Забыл?

— Я весь вечер пытался вспомнить ваши взгляды, жесты, пока я тебя представлял ему.

— Олег, очнись! Я тебя люблю. Я тебе ни с кем не изменяю. А с Игорем тем более, у него жена, дети.... Он асексуален.

— Аля, зачем ты мне врешь? У меня уже нет моральных сил делать вид, что я верю тебе. Пожалуйста, скажи мне правду. Прекрати вот это, — он кивнул на руки, которыми не давал мне шевелиться. — Просто скажи, что ты мне изменяешь, и все закончится.

— Да пошел ты на хрен, придурок, — выплюнула слова ему в лицо, против воли, забрызгав слюной. — Я хочу детей от тебя, которых ты мне обещал. Я пытаюсь вытащить твою задницу из гребанной кучи дерьма, в которой мы оба оказались из-за твоей болезни. Я тебя не обвиняю, с болезнью мы справимся, но вот с твоей тупой ревностью я понятия не имею, что делать.

— Ты меня боишься? — спросил он, целуя мои сомкнутые губы. Я отвернула лицо, но он поцеловал слова.

— Что ты делаешь? Меня возбуждает насилие только когда оно в меру. Сейчас ты ведешь себя как ублюдок.

— Я знаю. И мне самому это не нравится. Но я хочу добиться правды.

— Какой? Настоящей? Или той, которую ты себе придумал?

Он резко отошел от меня и прошелся по комнате, заложив руки за голову.

— Я не знаю, что думать. Аля, я никогда не ошибаюсь, и сейчас моя интуиция подсказывает, что мне нужно уйти от тебя. Но я не вижу повода. Я чувствую, что ты не только моя, но я не могу это доказать. А уйти от тебя просто так я не способен.

— Почему?

— Потому что я не могу без тебя жить.

Он сел на корточки, обхватив колени руками. Я придвинулась на край дивана, потирая болевшие плечи, которые скоро покроют следы его пальцев в виде синяков. Молчали.

— Олег, кажется, у нас проблема.

Он кинул.

— Ты просил честности от меня. Я требую того же. Ты согласен?

Снова кивнул.

— Олег, ты принимаешь нейрорептику?

Он молчал, все сильнее раскачивался вперед-назад. Смотрел в одну точку. Светлые, взъерошенные волосы падали на глаза влажными, слипшимися от пота сосульками.

— Олег?

— Нет, не принимаю.

— Давно?

— С тех пор, как вышел из больницы.

— О Боже, — я пораженно прикрыла глаза. — Если ты не доверяешь Игорю, можно найти другого врача. Помнишь, ты говорил, что знаешь хорошего? Поехали к нему? Я уволюсь, слышишь? Честное слово. Пошлю Сергея ко всем чертям. Поживем несколько лет в пригороде. Но так нельзя, Олег, ты чуть было не задушил меня только что. Я действительно испугалась тебя.

— Аля, — он улыбнулся, а лицо скривила гримаса, будто сейчас заплачет, но слез не было, — ты же обещала мне доверять. Я знаю, что делаю. Ни один врач не сможет меня лечить лучше, чем я сам.

Что ж, два ноль в пользу Игоря. Мои руки дрожали, я прижала их к груди, чтобы одновременно скрыть расшатанные нервы и сделать менее слышимым стук сердца. Поднялась с кровати и подошла к нему. Олег тоже выпрямился в полный рост.

— Ты, правда, все еще хочешь детей от меня?

— Да, очень. Я хочу семью, ради этого я готова на все. И семью я хочу только с тобой, слышишь? Запомни это, пожалуйста, раз и навсегда. Для меня существуешь только ты.

— Прости меня, — он меня обнял, а я прижала его к себе, поглаживая по голове и плечам, как маленького мальчика, жалея, обещая, что мама всегда будет рядом. Несколько минут в комнате было тихо. Потом мы продолжили разговор.

— Олег, я не сомневаюсь, что ты очень умный, помнишь, ты сам мне покупал лекарства и ставил уколы. Мне помогло, кровь уже полгода не идет. Я тебе верю, и, если мне станет хуже, то снова обращусь за помощью именно к тебе, — он кивнул. — Но Олег, невозможно лечить самого себя. Ты должен это понимать. Ты не можешь быть объективным.

— У меня получится. Я никому не могу доверять твое или свое здоровье. Я сам все сделаю. Просто продолжай мне верить.

— Но Олег! — мои аргументы разбивались о непробиваемую стену. Игорь был прав от начала и до конца. Олег — самодур, упертый, не желающий никого слушать баран. Уверенность, с которой он утверждал, что не сомневается в своих способностях лечить себя самостоятельно, с которой при этом смотрел на меня пугала сильнее любых уличных маньяков. Ну, в данный момент мне так казалось. Я ощущала себя в шаге от черной дыры, точке невозврата, о которой недавно смотрела программу. Олег не собирался лечиться, он планировал и далее загонять себя, и меня заодно, в могилу. Нужно было что-то делать. Вероятно, лучшим решением было подождать некоторое время и вернуться к этому разговору позже, начать издалека и по-хорошему. Но, ведомая эмоциями и желанием помочь, я решилась. Набрала в грудь воздуха, резко выдохнула.

— Олег, милый, — старалась говорить мягко, — ты для меня самый лучший, но... Ты же единожды уже ошибался. С Алиной, — внутри все оборвалось. Я говорила жестокие, непростительные вещи. Он вытаращил глаза и сделал шаг назад. Захотелось забрать бездумно оброненные слова обратно, повернуть время вспять, все что угодно сделать, но только не продолжать того, что начала. Но я уже сказала основное, отступать было поздно.

— Ты неправильно лечил Алину, поэтому она умерла. Олег, прости меня, что напоминаю об этом, но ты ошибся один раз, и я очень боюсь, что ты ошибешься снова, и я потеряю тебя. А я не смогу жить, оставшись одна. Помнишь, ты говорил, что никогда меня не оставишь? Ты клялся мне.

— Аля, — он тяжело вздохнул, опустил глаза, потом поднял на меня. Взгляд был открытый и честный, словно он никогда в жизни не мыслил настолько ясно, как сейчас, — Аля, я никогда не ошибаюсь.

— Ты слышишь, что я тебе говорю, милый? Алину не вернешь, но нужно учиться на своих ошибках.

— Это ты меня не слышишь. Я никогда не ошибаюсь, Аль, — голос звучал твердо.

— Я не понимаю, что ты хочешь мне сейчас сказать.

— Понимаешь. Ты умная девочка. Обещаю, что объясню тебе подробнее, только... Только не смотри на меня так, словно я призрак. Аля, в данную минуту важно лишь то, что я один из лучших специалистов в своей области, несмотря на то, что не имею лицензии. Я прекрасно вижу ситуацию, осознаю свои проблемы. И твои. Я долго думал, что больше никогда не смогу лечить людей, но ты поверила в меня, после чего я смог поверить в себя. Сначала мое лечение походило на эксперимент, который я ставил над собой, потому что терять было нечего. Потом, когда появилась ты, я по-настоящему захотел вернуться к полноценной жизни, прочувствовать сопутствующую ей гамму эмоций. Заботиться о тебе, заниматься с тобой любовью, строить планы на будущее. Аля, это оказалось восхитительно, но затем мне стало страшно, что я не справлюсь. Одно цеплялось за другое: страх, что твое здоровье окончательно испортится, увольнение, угроза снова попасть в клинику — все это спровоцировало ухудшение. Но рядом

всегда была ты, и я снова практически выбрался. Обещаю, что я всегда буду выбираться, возвращаться к тебе.

Он попытался меня обнять, но я сделала шаг назад, и выставила вперед ладони, предупреждая, чтобы не подходил. Олег наговорил кучу слов, в данный момент являющихся для меня набором звуков. Нелепых и необязательных. Выдуманная мной иллюзия счастливой жизни со стоящим передо мной мужчиной рушилась, не имея более фундамента.

— Когда ты собирался мне сказать, что смерть Алины не была несчастным случаем? — меня окатило жаром, а потом холодом, словно тело, так же как и разум, не могло смириться с жестокой ложью, в которой я жила более двух лет.

— Ты не спрашивала.

— Ты знал, что я считаю тебя невиновным, что я готова разорвать отношения с каждым, кто думает иначе.

— Аля, я никогда не причиню тебе вреда. У меня были причины поступить так, как я поступил. Давай сядем и спокойно обо всем поговорим.

— Тогда записка Пестрова имеет смысл... Боже, это было предупреждение! Предупреждение всем нам! — С каждой секундой я понимала всё больше. — Олег, ты убийца. Сумасшедший убийца, — трясущимися руками я полезла в сумку и достала из потаенного кармана клочок бумаги, протянула Олегу. Он прочитал, смял и засунул в задний карман брюк.

— Пестров был жертвой экстремального лечения, считающегося в наше время особо жестоким, его фантазии не имеют никакого отношения к действительности. Он писатель. Сказочник, не способный отличить реальность от безумия, в котором живет.

— Он просил тебя больше не убивать!

— Смерть Алины была необходимостью. Освобождением. И я жалею об этом, если тебе станет легче.

— Для кого освобождением? Для тебя от парализованной жены?

— Для нее от неподвижного тела. Аля, она просила меня. Она сама этого хотела.

— Мать твою, Олег, ты не Господь Бог, ты не можешь принимать такие решения! У Алины были родители, друзья. Тебе нужно было развестись с ней, оставить ее, но не убивать... Как ты посмел взять на себя такую ответственность?

— Посмел. Потому что я мог сделать это. Врачи так делают, берут на себя ответственность, принимают важные решения. А я был очень хорошим врачом.

— А если ты когда-нибудь решишь, что мне тоже пора на тот свет? — я пятилась к двери. — Если у нас будут дети, и те покажется, например, из-за проваленного экзамена, что жизнь этого человека отныне не имеет смысл?!

— Аля, ты несешь чушь. Пожалуйста, давай обсудим случившееся спокойно. Кроме Пестрова, я никому не рассказывал о том, что совершил и какие у меня были соображения, но я хочу поделиться ими с тобой. Ты же любишь меня. Аля...

Я была у входной двери, ожидая в любую секунду, что он накинется, как сделал это, когда я только зашла в квартиру. Но Олег не собирался нападать, держался на расстоянии пары метров, тянул ко мне руку, предлагая остаться, позволить ему выговориться. Или, точнее, запудрить мне мозги, оправдывая убийство.

— Аля, я же твой единственный, ты говорила мне только что. Пожалуйста, не бросай меня.

— Не подходи! Олег, не заставляй меня сочувствовать тебе. Ты навредил незащитному, нуждающемуся в помощи человеку. Мне нужно побыть одной, не видеть тебя некоторое время. Как ты мог врать мне? — я смотрела на него, все еще такого родного и любимого, и меня лихорадило от понимания, что я больше никогда не смогу быть с ним. Ведь теперь ни о каком доверии не может быть и речи. А что мне тогда остается?

— Но Аля, разве бы ты была со мной, если бы знала правду?

— Никогда. Я тебя боюсь.

Олег

Она бросилась вниз по лестнице, словно я был чудовищем, способным причинить ей вред. Навредить моей Але. Ладонь обожгло от удара о стену, следом я уткнулся о шершавую поверхность лбом, и медленно съехал на корточки, царапая кожу, не соображая, что делаю.

Ее слова били больно, но по силе не могли сравниться с отталкивающим взглядом в ужасе расширенных глаз и резкими жестами, интуитивными блоками в виде растопыренных пальцев, направленных на меня ладоней, предупреждающими, что она не вытерпит моих прикосновений, что она не хочет, чтобы я когда-либо оказался рядом с ней. Никогда.

Бесы, что же я натворил?

Она не была готова к правде, я не успел ее подготовить, не смог объяснить ей так, как следовало. Гребаный придурок, зачем я рассказал ей об Алине? Кому нужна была эта правда?

Лучше лечь в больницу, повторно потерять себя, свой разум, свои чувства и эмоции, но получить возможность быть с ней. Понимая, что не достоин любви, я чувствовал, что согласен на сострадание и жалость, лишь бы не ненависть.

Что я делаю? Осознал, что стою на коленях у открытой входной двери и глухо стучу лбом о стену. Нужно догнать и сказать, что я солгал, что бесы внушили мне эти мысли. Да я сегодня же вечером лягу в психушку, поцелую в зад Игоря, или что там еще нужно сделать, чтобы он почувствовал себя главным... Да все, что его извращенной душе угодно. А сейчас догнать, и объяснить.

Вскочив, я кинулся следом, перепрыгивая через три ступеньки, не разбирая этажей и не обращая внимания на встретившихся и шарахающихся от меня соседей. Алю нужно догнать немедленно, пока она не наделала глупостей, пока не поверила в то, что я сказал.

Она была на первом этаже, звонила кому-то. Завидев меня, бросилась к выходу. Я следом.

— Аля, подожди, я все объясню. Аля, мне нужна минута!

Она не собиралась давать мне и доли секунды. Побежала по улице, маша рукой, стараясь

поймать машину. Взъерошенная, рыдающая, какая-то худая и маленькая. Меньше чем обычно. Тонкие ноги-палочки в ботинках на широком каблуке дрожали, словно вот-вот сломаются. Когда она успела так похудеть? Куда я смотрел?

Да чего я довел ее, заставив разбираться в своей сломленной судьбе, барахтаться в болоте, в котором увяз по горло. Я только что сам сказал, что гребаный специалист в своей проклятой профессии, я же понимаю, что бесы крепко держат меня за ноги. Они никогда не отпустят. Либо я утону один, либо с ней... Мне нужно ее отпустить, но вместо этого я продолжаю преследовать.

В этот момент, когда я почти достиг ее, Аля, понимая, что не сможет от меня убежать, и она слишком хорошо воспитана, чтобы начать посреди оживленной улицы кричать и звать на помощь, рванула через дорогу. Две полосы в одну сторону, две в другую. Понимаю, что уже не хочу гнаться за ней, замираю, показывая, что погоня прекращена, что я собираюсь уйти. Но она не смотрит на меня, не понимает моих намерений.

— Аля, стой! — кричу я не своим голосом. — Стой, идиотка! — а голос, будто не мой. Сильный и глубокий, словно я вкладываю в него всю душу, словно согласен умереть, когда закончу ее звать. Да так и есть на самом деле. Лишь бы с ней ничего не случилось.

И она слушается. Замирает и оборачивается на меня. На ее лице удивление, она не ожидала, что послушается моего крика, прозвучавшего на шумной улице приказом. Шок длится долю секунды, и перед ней, буквально в пяти сантиметрах с громким сигналом пронесется мусоровоз, едва не зацепив мою Алю, почти убив ее. Прохожие без особого интереса осуждающе поглядывают на нас. Аля отскакивает назад, пугаясь проезжающей так близко от нее машины, а мусоровоз всё сигналил и сигналил, тормозя. Сигнал громкий, протяжный и мерзкий, рвущий перепонки. Затмевающий прочие звуки улицы. В том числе мой крик и еле слышный скрип-гудок ржавой шестерки на полосу которой выскочила Аля.

События длились пару мгновений, но для меня они растянулись на вечность. Словно мои бесы, окончательно обнаглев, замедлили время, чтобы я от начала и до конца «насладился» моментом, потому что в прошлый раз видел лишь результат аварии.

Говорят, что на долю людей не выпадает несчастий больше, чем они могли бы выдержать. Либо мой ангел хранитель от меня отказался, либо слишком хорошо обо мне думает. Я не знаю, верю ли в Бога, но в эту секунду почему-то подумалось именно о нем. Так всегда делают врачи и пациенты, если ситуация безнадежная. Начинают молить о чуде.

Но чуда не случилось. А мне давно уже следовало верить только в пожирающих мой мозг бесов.

Мгновение — мусоровоз пронесся мимо. Мгновение — Аля испуганно оборачивается, смотрит на меня. На ее лице отражается потребность в моей защите. Это инстинкты, которые еще не успели пропасть после того ужаса, что я вывалил на нее только что. Ее руки тянутся ко мне, к ее мужчине, который обязан помочь. Если бы я мог, я бы заслонил собой, я бы спас... Мой крик: «Обернись!» — она не слышит, я яростно жестикулирую в нужном направлении и бегу к ней. Мгновение — на лице таксиста кавказской национальности отражается паника, парню не более двадцати лет. Вижу, что его глаза готовы вылезти из орбит. Шестерка замирает, но поздно, моя Аля лежит перед ней на асфальте.

Пальцы печатают номер экстренной службы спасения, мой голос звучит ровно, потому что я делаю то, что необходимо.

— Авария. Машина сбила пешехода — молодую девушку. Срочно нужна карета скорой помощи.

— Говорите адрес.

Озираюсь по сторонам. Мать твою, я живу тут третий год, почему в голове лишь адрес родителей? Через пару секунд мой взгляд цепляется за табличку с номером дома, и я сообщаю его девушке, после чего клад трубку и кричу:

— Я врач, отойдите все!

Кровь бьет в висках, мешая соображать. Руки трясутся так сильно, что я не могу дотронуться одной до другой. Понимаю, что если поддамся чувствам, лягу замертво рядом с Алей, поэтому включаю выработанную за годы учебы холодность и отстраненность, помогающую трезво оценивать ситуацию. Мечтаю наглотаться нейролептиков, чтобы заглушить раздирающий изнутри ужас, чтобы от мысли, что ее сердце не бьется, не вырвать свое собственное.

А бесы смеются в голове, хохочут и хрюкают.

— Заткнитесь все! — кричу, ударяя по ушам. Окружившие нас прохожие замолкают, думая, что я обращаюсь к ним. А я их даже не вижу. Я смотрю на белую, как наволочка в психбольнице, Алю, на кровь, пропитавшую ее одежду. На ее неестественную позу.

Но помогает, в голове становится пусто, и я тут же заполняю свободное пространство мыслями о первой медицинской. Проверяю пульс — сердце бьется. Осторожно ощупываю ее тело, понимая, что сломана левая рука, а кровь идет от ссадины на голове, но череп не пробит. Рву рубашку и зажимаю рану.

— Аля, Аля, ты меня слышишь? Девочка моя, я здесь, — говорю ей, замечая, что ее ресницы дрожат. Аля силится открыть глаза, едва шевелит губами.

— Олег, — зовет меня, смотря перед собой невидящими глазами. Она не знает, что я рядом, но продолжает звать в бреду. Где скорая?

— Олег, — шепчет мне, — я не чувствую рук и ног. Олег, я ничего не чувствую.

Но она могла и не говорить этого, я уже понял, что у нее сломан позвоночник.

Надеюсь, что сошел с ума, что я нахожусь где-нибудь в доме с белыми стенами, привязанный к кровати, и происходящее мне только кажется. Не может быть, чтобы ситуация повторилась. Нет, это невозможно.

Улицу сотрясает рев серены, к нам подъезжают сразу две скорые, из которых высыпают врачи. Бегло сообщаю им, что случилось, какие у Али повреждения и отхожу в сторону, не мешая.

— Я ее не видел, она выскочила на середину дороги! — откуда-то издалека доносится на ломанном русском. Кажется, парень обращается ко мне. И полиция уже здесь, — оглядываюсь. А Алю на носилках заносят в машину, бегло сообщив мне, в какую именно клинику везут.

У полиции целая куча свидетелей, думаю, они справятся без меня. Оставив свои и Алины данные, я беру такси и еду в клинику, все еще надеюсь, что вот-вот проснусь едва живым, голодным и замерзшим на тонком матрасе в одной из палат психбольницы. Я бы с радостью осознал себя даже в вонючей «камере смертников», из которой живыми не выбирают. Обещаю себе, что буду глотать все, что мне предложат врачи, только бы понять, что

происходящее лишь плод моего больного воображения.

Понятия не имею, сколько времени заняла дорога, помню только, что просил выключить радио, уж больно веселые песенки там крутились.

Пообещал себе, что Аля поправится, если я ни разу не присяду, пока врачи борются за ее жизнь, стабилизируя состояние. Глупо? Возможно. Можете попробовать, представив себя в моей шкуре, мыслить разумнее. Мерил коридор шагами, часто сбиваясь, начиная считать заново. Ломал себе пальцы, щипал кожу, прогоняя нехорошие мысли. А предатель-рассудок снова и снова рисовал в голове картины похорон, картины моей жизни без нее. В полном, безграничном одиночестве. Ну, если не считать чертовых бесов, которые, кстати, упорно молчали, позволяя мне пропустить через себя весь спектр чувств от страха и ужаса, до бездонной грусти, приправленной отчаянием.

Врач сказал, что ее состояние стабилизировали, но позвоночник действительно поврежден, будут в самое ближайшее время собирать консилиум и решать, стоит ли проводить операцию, взвешивать риски.

Свежий воздух несколько прояснил мысли, добавил решимости. Была уже глубокая ночь, но, несмотря на это у входа в больницу скорой помощи толпились взволнованные люди, доказывая, что сегодняшний день обернулся трагедией не только для моей жизни. Я присел на корточки рядом с больничным крыльцом, так, чтобы на меня никто не обращал внимания, и, докурив четвертую подряд сигарету, набрал номер отца.

— Олег? — ну, разумеется, он удивился. Я впервые за последние лет десять звоню ему первым. А, нет, я пытался с ним связаться, когда Алина попала в аварию.

— Олег? Ты меня слышишь? — спросил он, насторожившись.

— Да, отец, — выдохнул я.

От его голоса внутри всё сжималось. Авторитет отца, которым он давил на меня всю мою жизнь, так и не позволил нам стать друзьями. Я солгал тогда Але. Моя мать никогда не считала его божеством. Дома отец старался быть простым человеком, хоть и неизменно оставался лидером в семье, впрочем, как и положено мужчине.

Именно я считал своего отца недостижимым, великим и чуть ли не бессмертным человеком, обладающим сокровенными знаниями мироздания, способным вершить людские судьбы. Имеющим на это право. За годы практики он спас жизни сотен людей, он был легендой. Невероятным, достойным моего поклонения. Я считал, что смогу добиться того же в психиатрии. Собирался быть с ним на равных. Ненавидел его за ту планку, что он установил для меня, сам того не желая. А он презирал меня за то, что я предал его мечты, выбрав собственную дорогу. Я знаю, то он всегда считал меня виноватым в смерти Алины. Он не понимал, как врач может ошибиться, рассчитывая дозировку наркотиков, когда каждый день от твердости руки отца зависит будущее человека. Отец не мог позволить себе ни малейшего лишнего движения и всегда справлялся. В моем же распоряжении тогда был целый вечер, чтобы, не спеша, сделать нужный укол. Но его презрение — меньшее из моих проблем на данный момент.

— Олег, сынок, говори же уже! — меня шокировало волнение, с которым были сказаны это слова. Я не ожидал почувствовать заботу с его стороны.

— Папа, — мой голос прозвучал тихо и хрипло, — папа, все повторилось.

— Что повторилось? Олег, не молчи, умоляю тебя.

— Авария. Аля попала под машину. У нее сломана шея. Все повторилось, в точности, как тогда, — я двумя руками удерживал трубку у уха, чтобы не выронить ее, мои зубы стучали так громко, словно я сидел в проруби.

— О Боже, где ты?

Я назвал номер больницы и адрес.

— Олег, я буду у тебя через сорок минут, слышишь? Олежка, ты, главное, держись. Я осмотрю Алю, и только если ситуация будет безнадежна, только тогда мы начнем паниковать вместе, хорошо?

Я кивал, не понимая, что он не может видеть меня.

— Олег, просто держись. Если у тебя начнется рецидив, ты ей не поможешь. Ты это понимаешь?

Как полный кретин продолжаю кивать, а он будто видит меня. Говорит:

— Вот и молодец. Сынок, я тебя люблю. Скоро я буду, дождись меня.

Он прибыл даже раньше, чем обещал. Нашел меня сидящем в больничном коридоре на одинокой лавке в нескольких метрах от реанимации. Я сразу поднялся и сделал несколько шагов по направлению к нему, заглядывая в глаза, ища в них надежность и уверенность, как делал это в детстве. В детстве я считал, что мой папа может все. Гребаные бесы, с тех пор ничего не изменилось.

И искал во взгляде отца что-то вроде: «теперь я здесь, возьму твои проблемы на себя», — и, самое удивительное, находил.

— Ты как? — спросил он уверенно и спокойно. Видимо, за время, пока отец сюда добирался, он сумел совладать с эмоциями. Хирург собирался работать, был собран и внимателен.

— Мы поссорились, и она побежала через дорогу. Как в тот раз, — объяснил я, поджимая губу, — история повторилась в точности, как шесть лет назад, — опустил глаза, не зная, что еще добавить. Обратился в слух, ожидая от отца ответной реакции. Но вместо слов или тяжелого вздоха, он крепко меня обнял.

— Я осмотрю Алю, а ты жди здесь. Потом мы обсудим, как будем лечить ее дальше. Олег, посмотри на меня.

Я послушался

— Я тобой горжусь.

Отводя глаза в сторону, я почти улыбнулся, понимая, что выбранный отцом момент сообщить, что я ему не безразличен, был совершенно неудачным.

— Ты сильный, ты с этим справишься. Мы вместе справимся.

Он ушел разговаривать с врачами. Благодаря его влиянию, никто из персонала даже не подумал сказать слово против. А я остался ждать, веря в своего отца, как никогда ранее.

Позвонила мать, попросила, чтобы я приехал сегодня ночевать домой. Сказала, что любит меня больше всех на свете. Обещала позвонить Алиным родителям, вероятно, опасаясь, что у меня поедет крыша, если я свяжусь с ними сам. Спорить желания не было. Еще несколько звонков от Нины, Сергея и Кати я сбросил. Пока нечего сказать им. Возможно, эти люди звонили, чтобы поддержать меня, но мне хотелось побыть наедине с собой. Вместо пустых разговоров я снова и снова прокручивал в голове реакцию Али на мое необдуманное признание. Она казалась совершенно разбитой, потерянной, словно физически раненой. Денег у меня нет, разумеется, она терпела меня и моих бесов не из-за сомнительного наследства, которое мне когда-нибудь лет через двадцать достанется в виде загородного особняка и немецкого автомобиля, тем более, напополам с Катей.

У меня не было ничего, чтобы она не смогла получить без меня. Только я сам. Бесы, она полюбила меня такого, каким я стал после психушки. К кому я ее ревновал? Меня передернула от воспоминаний об отвращении, которое я к ней испытывал, когда ночами она прижималась к моей спине и робко целовала лопатки. Кретин. Как и всегда, я думал, только о себе. Алина мне говорила, что единственная любовь в моей жизни — это я сам. Перед ее смертью мы часто ругались, ей казалось, что я пренебрегал ей. Впрочем, так и было.

Сейчас я понимаю, что Алина была права, утверждая, что я не находил среди окружающих равного себе, что я презирал людей. «Законченный эгоист» — говорила она мне, когда я в очередной раз игнорировал ее просьбы завести ребенка. А когда я, наконец, признался, что вообще не хочу детей, что воспитание отнимает слишком много сил и времени, которое мне и без того есть на что потратить, она мне сообщила, что «я схожусь в одиночестве, обнимая свой диплом». Вероятно, так и будет, не считая диплома, разумеется.

В коридоре появился отец, но в этот раз я не сделал ни шагу навстречу ему. Сердце колотилось, как обезумевшее, мне хотелось бежать, чтобы продлить себе агонию под названием «надежда». Я действительно сделала пару шагов назад, но отец меня окликнул.

— Олег, — он подошел совсем близко. Серьезное лицо не выражало ничего, что могло бы прояснить результат осмотра. Я весь обратился в слух: — у нас есть хорошие шансы. Намного больше, чем в случае Алины. У нас есть тридцать процентов, что Аля сможет ходить. Не просто ходить, а бегать.

— Тридцать? — переспросил я.

— Я проведу операцию послезавтра, уже обо всем договорился. Обещаю, что сделаю все, что в моих силах. И даже больше. Мы вытащим ее, — подумал и добавил, положив мне руку на плечо, — и тебя вытащим.

Отец увез меня домой, потому что вот-вот должна была приехать Алина мать, которая, по его словам, была не в себе. Мои родители посчитали, что мне не стоит пока с ней видеться. Всю дорогу отец рассказывал о более сложных операциях, чем та, что предстоит моей Але. Говорил, что на его памяти случалось всякое, но в данной ситуации для паники нет повода, по крайней мере, пока. Хотелось в это верить.

Аля

Сон был тяжелым, бесцветным и пустым, не желающим выпускать из своих пут. В голову словно накачали жидкого свинца, превратив ее в неподъемную гирю, провалившуюся в подушку. Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что происходит, вспомнить обстоятельства, которые привели к этому. Одно большое обстоятельство, названной тридцать

лет назад Олегом. Мысли путались, обгоняли друг друга и обрывались, заставляя испытывать досаду. Чтобы хоть как-то упорядочить их, я решила проанализировать, что произошло со мной за последние десять лет, и как на случившееся повлиял Олег.

До встречи с ним я сбилась с ног, стараясь произвести впечатление идеального поведения, гробилась на учебе, затем, на работе, добиваясь уважения. Спала с мужчинами, фамилии и должность которых моя мама могла бы с гордостью назвать, разговаривая по телефону с подругами. Я успевала везде и всюду по чуть-чуть, в результате имея лишь видимость успеха и внутреннее убеждение, что я поступаю правильно.

Олег же с самой нашей первой встречи принялся собирать из разрозненных частей моей жизни нечто, напоминающее счастье. Каждый человек уникален, и я уникальна по-своему. Когда я сошлась с Олегом, никто из моих подруг и родственников не поддержал меня. В то время я обижалась. А сейчас я могу сказать, что тоже не понимаю Катю, муж которой ежегодно крупно гуляет налево, периодически притаскивая в дом позорную болячку. Я не понимаю Машу, которая, подобно сороке, падка на блестящие вещицы, позволяя дарителю делать с собой все, что ему заблагорассудится. Поведение Нины, не подпускающей к себе никого из-за боязни вновь разочароваться.

С каждым новым вздохом, думать получалось лучше.

Все мы разные, всем нам нужен свой уникальный мужчина. Моим оказался чокнутый, который научил меня жить так, чтобы улыбаться, чтобы радоваться каждому дню. Таять в его руках. Никогда меня не пугала его болезнь, никогда я не считала, что мы не справимся с его демонами, хоть и знала, что окажись на моем месте Нина или Маша — все пошло бы прахом.

Нужно было выслушать Олега, позволить ему объясниться. Своим признанием он пошатнул устои нашей необычной на первый взгляд семьи. Он сказал, что освободил Алину. Что она сама хотела этого. В данный момент я чувствую то же самое.

Для того чтобы понять — мы с Олегом созданы друг для друга — мне пришлось оказаться в шкуре его бывшей жены.

Возможно, именно сейчас я умираю. Слышала, что в последние минуты жизни даже у тяжело больных людей, много недель находящихся в бреду, прояснялся рассудок. Чтобы они могли попрощаться. Иначе как объяснить поразительную ясность ума и четкость мыслей, которой у меня никогда не было в лучшем моем состоянии?

— Олег? — позвала я одними губами, не надеясь, что он ответит.

Олег

Я не поверил своим глазам. Как только я приблизился к ее постели, она позвала меня. Отец посоветовал не видаться с Алей до операции, и я с ним согласился. Ведь она не хотела, чтобы я приближался к ней. Поэтому и попала под машину. Убегала от психа, то есть от меня.

Но я все равно приехал, просто чтобы посмотреть на ее бледное, но вместе с тем красивое лицо, убедиться, что она дышит. Потому что не смог поверить врачам и родителям. Я боялся, что они, сговорившись, будут мне лгать, опасаясь ухудшений. Вижу, что напрасно сомневался. Аля дышала, моргала, даже пыталась что-то сказать. Я наклонился, приблизив свое лицо к ее виску, и нежно поцеловал, прошептав:

— Это я, моя маленькая. Все будет хорошо. Прости меня.

— Олег, я не чувствую рук и ног.

— Я знаю, — проглотил комок в горле, — но это временно. Я обещаю тебе, что это временно.

— Олег, я не чувствую своего тела. Я не хочу так жить.

Она не слышала, что я говорил ей. Просто каким-то непостижимым образом знала, что я рядом.

— Кажется, я умираю, — прошептала.

— Нет, что ты. Все будет хорошо, — я гладил ее по руке, нежно и трепетно, хотя и понимал, что она не чувствует. — Поверь мне еще раз, пожалуйста. Обещаю, что больше никогда не подведу.

— Олег, пожалуйста, не препятствуй моей смерти. Я знаю, ты сможешь.

Я замер, надеясь, что ослышался.

— Ты сможешь, один раз ты уже смог. Теперь я все поняла. Прости, что не поняла сразу. Освобождение. Пожалуйста, — и она снова погрузилась в сон.

Нет, нет, нет. Я стремительно покинул палату, вытирая проступившие слезы, уткнулся лбом прохладную в стену. Она не понимает, что говорит. Она бредит. Аля не прощается со мной, не собирается умирать. Ей просто страшно. Держись, шизофреник, тебе надо пережить это время, дождаться завтрашнего дня. Я схватился за голову, отказывающуюся соображать. Мозг кипел, проводя сотни аналогий. Ситуация была невероятно знакомой, до боли известной, словно я вновь прохожу через случившуюся много лет назад катастрофу, поломавшую мою жизнь. Будто я наступаю на собственные следы, не имея возможности или сил сделать шаг в сторону. Выбрать другую дорогу.

— Это ты виноват в том, что случилось с моей дочерью! — услышал за спиной голос Алиной мамы. Этого еще не хватало.

— Чертов ублюдок, убирайся отсюда немедленно, пока я не вызвала полицию, — в заплаканных глазах Светланы Афанасьевны горела несвойственная ей решимость, — мало того, что ты поломал жизнь моей дочери, так ты решил окончательно прикончить ее, как и прошлую свою жену, толкнув под машину, — шипела.

— Перестаньте, мне и так тошно.

— Замолчи, я не желаю тебя слышать. Клянусь своим здоровьем, я засажу тебя за решетку, я докажу, что именно ты спровоцировал аварию. Имей в виду, ее состояние на твоей совести! Если Аля... — всхлипнула, — только ты будешь виноват в ее смерти!

«Только ты виноват в ее смерти». Брошенные с ненавистью и отчаянием слова подействовали как катализатор, последний кусочек головоломки встал на место. Круг замкнулся, крыша съехала. Вот оно. Светлана Афанасьевна рыдает, обвиняя меня потому что... Потому что Али больше нет.

Не видя и не слыша ничего вокруг, я сделал шаг назад, понимая, что только что совершил. Стало ясно и понятно, что минуту назад я убил свою Алю, — посмотрел на свои руки. Я убил

ее. Меня затрясло, слезы брызнули из глаз.

Тот самый вечер, последний вечер жизни Алины, возник в памяти настолько четко, словно это случилось вчера. Я вернулся с работы, устал как собака после смены. Отпустил сиделку, вымыл руки и, заставив себя принять дружелюбный вид, прогнал отчаяние, которое всегда отражалось на моем лице, когда я думал о своей навсегда парализованной жене. С улыбкой зашел к ней в комнату. Тут никогда ничего не менялось. Идеальный порядок, ведь некому разбрасывать вещи, лишь изредка возникал слой пыли, с которым ловко справлялась сиделка. Запах лекарств с нотками пота и прочих неприятных человеческих запахов ударил в нос. Тот самый запах больницы, который преследовал меня и на работе, и дома. Всегда.

«Привет, милая», — поздоровался я, целуя ее в лоб. Алина смотрела на меня тяжелым, наполненным страданий взглядом. «Убей меня», — прошептали ее губы.

«Убей меня», — единственное, что я слышал от своей жены за последние месяцы. Как обычно отрицательно качая головой и предлагаю вместе посмотреть фильм, который взял в прокате. Показываю ей диск.

«Убей меня»

«Ты же знаешь, как это сделать. Ты все знаешь. Ты лучший»

«Всегда был лучшим»

«Я ненавижу эту жизнь. Я молю о смерти»

Ухожу в другую комнату, под предлогом сварить себе кофе, но на самом деле, чтобы не слышать. А она кричит мне в след. Кричит сорванным голосом.

«Убей меня, гребаный ублюдок! Хоть раз в жизни, покажи мне, что я тебе не безразлична. Я всегда думала только о тебе, я любила тебя, я бы, не задумываясь, отдала жизнь за тебя. Не будь ты конченным эгоистом, подумай хоть раз обо мне!»

Она продолжает кричать, а у меня дрожат руки. Я расплескал кофе, а потом и вовсе выронил кружку. Соседи долбятся сбоку и сверху. Каждый вечер одно и то же. Каждый вечер она орет, молит о смерти, а эти колотят по стенам, требуя, чтобы я заткнул чем-то ей рот. Чтобы она не мешала их уютной жизни. Хватаюсь за голову, которая раскалывается. Чувствую, что готов слизывать кофе с пола, лишь бы ощутить какой-то вкус, лишь бы отвлечь себя. Открываю пустой холодильник, затем шкаф, в котором кроме старых макарон ничего нет.

Алина продолжает кричать, а соседи бренчать уже по батарее, кажется, они используют железную кружку. Трезвонит домашний телефон, я сбрасываю звонок и кладу трубку рядом с телефоном так, чтобы было всегда «занято». Нужно вообще обрезать провода, с другой стороны — тогда соседи будут звонить во входную дверь. «Олег, будь мужиком», — говорю себе. Сжимаю кулаки и захожу в ее комнату.

«Надо поставить тебе обезболивающее и успокоительное», — говорю ей ласково.

«Я тебя ненавижу»

«Я делаю, что могу», — отвечаю ей.

«Нет, — смотрит на меня, — ты можешь больше. Я никогда не замолчу, я всегда буду молить

тебя. Я не дам тебе спать»

И я знаю, что так и будет. Замолчать ее могут заставить только наркотики и снотворное. Если Алина в сознании, она как попугай повторяет одно и то же, высасывая из меня душу.

В ее глазах любовь и доверие. Она просит и плачет. А я... а что я? Я никогда ее не любил, но я всегда к ней хорошо относился. Лучше, чем к большинству людей.

Поставив ей пятый укол при норме в два, и услышав тихое «спасибо, я люблю тебя», я пошел в свой кабинет, достал диплом и зажигалку. Смотрел, как пламя медленно поглощает то, чем я гордился больше всего, понимая, что в соседней комнате умирает человек, а я не просто не помогаю ей, я причина ее смерти. Больше я не врач. Никогда не буду врачом. Меня выворачивает от отвращения к себе, от понимания, что я предал свою мечту. Что я предал себя. Еле успеваю добежать до унитаза. Но помочь Алине уже нельзя. Она стонет от боли, ведь отказывают ее внутренние органы, а диплом догорает вместе с целью моей жизни. Синее пламя как будто выжигает меня изнутри, оставляя после себя золу и пепел. Недурное удобрение. Вот кто я, — удобрение. Дерьмо, а не врач. Не врач. И когда я это понимаю, в голове щелкает, становится больно. Так больно, что я падаю на колени, скрючившись и хватаясь за виски. А потом слышится смех. Не мой. Но в моей голове. И этот самый голос, давясь хохотом, повторяет «не врач, не врач, не врач...». Я растоптал свою сущность, сломал стержень. И сошел с ума.

Закинувшись успокоительными, я вызвал скорую и полицию. Потом позвонил маме.

Этот день пронесся в памяти за одно мгновение. В следующую секунду, глядя в заплаканные глаза своей тещи, я понял, что занимаюсь самообманом. Все было иначе.

Я помнил, как подходил к кровати, как брал в руку бледную ладонь, как улыбался Але перед ее смертью. Не Алине, а Але.

Ужас, охвативший меня, перекрыл кислород, и я схватился за горло, оседая на пол.

Это Аля просила меня о смерти, — и я отчетливо помнил ее слова, — это ее руку я сжимал, это ей я ставил укол. Я убил свою Алю.

Я убил свою Алю.

— Нееет, — я кричу, задыхаясь, — Нет, я не мог, это не правда, неееет! — мои руки ударяют по полу. А бесы в голове смеются. И голос, тот самый, который был у медсестры в психбольнице, когда та советовал мне убить санитаров. У той самой медсестры, про которую я рассказывал Пестрову. Голос, который говорил со мной после выписок, советуя убить себя, который учил, как это делать, звучит в ушах: «ты ее убил. А теперь убей себя. Потому что без нее ты не сможешь жить». И я понимаю, что он прав. Полностью прав. Моей Али больше нет.

Руки испачканы кровью, я вижу бритву перед глазами, вижу, как режу свои вены, как руки истекают кровью.

Бью кулаками о пол.

Но влагу не ощущаю. Потому что это все лишь воспоминания. Или планы на будущее. Галлюцинации. В моем распоряжении нет ни одного острого предмета... А мне нужно убить себя. Прямо сейчас. Кричу об этом.

Я стучу головой и каменный пол и кричу. А вот и влага, — липкая кровь крупными каплями струится по лицу, и от каждого удара моей головы на полу ее становится все больше. Кровь повсюду. Темная, густая жидкость, избавившись от которой, я, наконец, добьюсь желаемого.

А я кричу, понимая, что сделал. Я только что убил свою жизнь, свою Алю.

Перед глазами вспышки и пятна. Откуда-то издалека доносится испуганный: «У него шизофрения», а затем «кто-нибудь, хватайте его!», «дайте успокоительное!», «помогите, у парня острый психоз, срочно!».

Но это все где-то вдалеке, а я в своем собственном аду. Горю, но не умираю, понимая, что Алю не вернуть. Что отец мог ей помочь, но я, не дождавшись, принял решение за всех. А потом я слабею, не способный более сопротивляться санитарам и лекарствам. Проваливаюсь в темноту, мечтая, больше никогда не проснуться.

* * *

Не хотелось уходить из палаты. А затем, спустя полчаса, невыносимым показалось возвращение с прогулки. День за днем — перед глазами бледные стены, в голове идентичные мысли и одна единственная цель, как маяк в густой, непроницаемой темноте, за которым следуешь, только в моем случае не для того, чтобы спастись, добравшись до берега, а чтобы разбиться об него вдребезги. Скорее бы.

За металлическим забором психиатрической клиники, в которой меня пытаются заставить захотеть жить в течение последних недель, не теплее, чем на ее территории. И бледное, затянутое серыми облаками солнце светит одинаково, и грязный подтаявший снег под ногами скрипит ничуть не лучше. В палате, ставшей моей клеткой, тепло, особенно если сесть у батареи. Кормят. Собственно, нет никакой разницы между жизнью в пределах клиники и на свободе. Впрочем, моего мнения пока никто не спрашивал, о выписке не может быть и речи. Врачи надеются победить болезнь. Болезнь? При этих мыслях мы с моими бесами хохочем в полный голос. Мой отец оказался более значимой шишкой, чем я мог предположить. Место мое, как верно заметила Алина мама, в тюрьме или на электрическом стуле, но никак не на койке в углу небольшой палаты на три человека, где я неподвижно сижу, поджав под себя ноги, дни напролет. Я много раз просил врача устроить встречу с прокурором, безуспешно требовал выделить мне карандаш и бумагу, чтобы написать признание, но Игорь лишь кивал на мои слова и продолжал задавать вопросы, не относящиеся к делу.

Почему они все ведут себя так, словно Али никогда не было? Улыбаются мне. Меня окружают исключительно лицемерные сволочи, уверяющие, что мне только привиделось, что я плохой мальчик, на самом же деле — очень хороший, и только бесы знают, что случилось на самом деле. Они хотят мне помочь. Они единственные, кому здесь можно верить.

Время тянется медленно. Игорь заходит почти каждый день, заглядывает мне в глаза, спрашивает, хорошо ли я питаюсь. Отвечаю ему: «как кормишь, так и питаюсь». Ясно же, что смерть от голода — не мой выбор. Я предпочитаю более легкие и действенные способы. В карты и нарды играть не хочется. В окно смотреть страшно, вижу себя на подоконнике, ощущаю желание спрыгнуть, потом полет, потом боль. Смерти боюсь. И жизни боюсь. Путаюсь я.

Стараюсь избегать встреч с родителями. С одной стороны стыдно, что я их снова подвел, с другой — что еще жив. Катя преуспела в шантаже, говорит, что если я не буду общаться с матерью, перестанет передавать сигареты. А без них здесь на стенку лезть хочется. Так хоть

какое-то занятие — пока дойдешь до тамбура, посидишь-подымишь, пока обратно приковыляешь — не менее полчаса убито. Потом, когда накуришься, как следует, тошнить начинает — опять же ощущения. Рад уже хоть каким-нибудь. Но пару дней назад медсестра заметила, что мне дурно по вечерам, теперь отбирает передачи из дома — выдает сигареты поштучно, не более десяти в день. Сука.

Постоянно ощущаю жажду и слабость. Ноги тяжело гнутся, передвигаюсь как оловянный солдатик, слегка качаясь. Прежде чем слезть с кровати и дойти до умывальника представляю себе весь путь минут десять, только потом начинаю шевелиться. Из всего перечисленного важно лишь то, что меня подобное существование устраивает, не вижу себя улыбающимся или мечтающим, понимаю, что не достоин лучшего.

Думать с каждым днем становится все сложнее, это из-за лекарств, которые колют по утрам. Но мы с бесами все равно пытаемся, делать-то все равно нечего.

«Али больше нет». С этого начинается каждое рассуждение. Я вспоминаю, как убивал ее. Образы в голове крутятся, часто сменяя друг друга, как числа в отрывном календаре на стене в столовой. Я вижу то одно женское лицо перед собой, то другое. Бесы шепчут, что Алины никогда не было, что я ее придумал, чтобы оправдать свое первое попадание в психиатрическую клинику. А было ли оно вообще? Не могу понять, что реально, а что вымысел. Иногда мне кажется, что и голоса в голове лишь плод моего воображения, иногда — что это единственное, к чему стоит прислушаться.

Трудно. Иногда, когда я пытаюсь дремать, мне чудится, что Аля находится рядом, видимо, мое подсознание жаждет ее близости.

— Прости меня, — говорю ей.

Она никогда не отвечает, лишь проводит пальчиками по лицу и волосам, как делала раньше.

— Поцелуй меня, я очень скучаю, — прошу.

А она улыбается и отрицательно качает головой, гладит мои щеки, — я снова начал бриться ряди этих прикосновений, хотя и не чувствую их. Каждый раз, закрывая глаза, надеюсь, что она снова придет, вместе с тем понимаю, что ее больше нет.

— Как ты спал, сынок? — спрашивает меня мать, поглаживая по руке. Мы сидим на диванчике, расположенном около лестницы первого этажа. Знаю, что отец разговаривает с врачами в другом крыле больницы. Когда он появляется, я, неспособный вынести разочарования в его глазах, сразу ретируюсь в палату, поэтому отец предпочитает последнее время ждать мать снаружи.

— Хорошо, — говорю ей, не поднимая глаз. Хочется курить и пить одновременно. Взгляд падает на черную объемную сумку на ее коленях, и мама, чувствуя мою потребность, достает оттуда бутылку с водой, протягивает мне. Надеюсь, что это яд — жадно отпиваю.

— Олечка, ты обещал, что подготовишься к сегодняшней встрече. Помнишь, мы хотели поговорить об Але?

«Скажи, что это ты ее убил»

— Я ее убил, — послушно повторяю.

— Нет, Олег, ты ее не убивал.

«Она врет».

— Ты врешь.

— Я не лгу, сынок.

— Тогда где она?

— Она придет, как только ты будешь готов ее увидеть. Как только тебе станет легче.

«Скажи, что ты ненавидишь ее за то, что она тебе лжет. Скажи, что ты мечтаешь о ее смерти». И мне хочется произнести именно эти слова, но я поступаю иначе.

— У нас же был план, — говорю я, поздно понимая, что вслух. Виновато хмурюсь.

— Какой план? — переспрашивает мать.

— Я хочу домой, мам, — внезапно обнимаю ее, чтобы отвести подозрения, — мне кажется, я готов вернуться домой.

— Я не позволю тебе пока жить в одиночестве.

— Знаю, я буду жить у вас с папой, если вы не против. Будете ставить мне уколы.

— Больше никаких пропущенных таблеток.

— Договорились.

— Хорошо, я поговорю с отцом.

— Спасибо, — произношу уже шепотом, улыбаясь.

Прошло достаточно времени, чтобы я успел осознать и прочувствовать последствия своего поступка. Я давно уже не кричу, не рву на себе волосы и не пытаюсь пробить головой стены. Как бы глубока не была моя печаль, как бы я не страдал, прокручивая в голове снова и снова детали убийства, вспоминая бледное Алино лицо, когда она просила освобождения, — все это никогда не вернет мне ее, а лишь провоцирует новую боль и тоску, которые я любовно возвращаю, как единственный мостик к самому дорогому для меня человеку. В конце концов, я понял, что мне нужно делать. Если бы я покончил с собой раньше, Аля была бы сейчас жива. В больнице у меня нет возможности последовать за ней, зато на свободе их будет море.

Мне просто нужно доказать родителям, что я в порядке. Сделать вид, что я верю их лжи о том, что Аля все еще жива и здорова, что она спрашивает обо мне. И когда они заберут меня отсюда, я в первый же вечер и сделаю все правильно. Так, чтобы никто не успел помешать моим планам.

* * *

Потраченное впустую время лишь усиливало во мне ненависть ко всем людям, мешающим исполнению составленного бесами плана. Отпускать своего самого занимательного пациента, то есть меня, домой Игорь отказывался категорически. Уж не знаю, что он наговорил моим родителям, но я заперт в больнице уже второй месяц, ежедневно подвергаясь словесным

атакам врачей, цель которых, как они утверждают, упорядочить мои мысли, прояснить случившееся с Алей. Игорь уверен, что я должен сам вспомнить, что произошло тем утром. Понятия не имею, что ему от меня нужно. Воспоминания, которыми я сейчас живу, врача не устраивают. Приходится придумывать новые. Придумывать сложно, из-за лекарств и голосов в голове. Мои попытки выглядят жалко, Игорь увеличивает дозировку, отчего мозг совершенно отказывается работать. Мир плывет перед глазами, я плыву вместе с ним. Речь окружающих людей сливается с болтовней бесов и становится с каждым днем менее понятной. Последняя здравая, моя собственная идея на этой неделе — «выбирая своим врачом Игоря, я думал, что не будет проблемы обмануть этого тупицу, пресмыкающегося передо мной даже теперь, когда я его пациент, но, кажется, я снова ошибся. Сколько же ошибок я совершил...»

* * *

Аля

В тот момент, когда зазвонил мамин мобильный, мы с ней смотрели до отвращения банальный сериал, в котором главная героиня на волне глупейшего приступа гордости в течение двадцати лет скрывала от своего возлюбленного, что ее ребенок от него, а потом, когда возлюбленный узнал правду, они, обнявшись, рыдали над своими сломленными судьбами. К слову сказать, все эти годы он был уверен, что ребенок был рожден от его брата. А какой бы мужик считал иначе, если бы женщина прямым текстом заявила, глядя в глаза, что не он создатель родившегося сокровища? Мне бы их проблемы. Я как раз хотела озвучить вслух, что думаю об умственных способностях героини, как по комнате прокатилась разгоняющаяся популярная мелодия, заменяющая звонок телефона.

— Добрый день, Николай Николаевич, — заулыбалась мама, поднося телефон к уху. Мои родители обожали хирурга, спасшего мне жизнь, увы, того же нельзя было сказать про его сына. Имя «Олег» считалось запретным в доме моих родителей, где я проходила реабилитацию и восстанавливалась. — Конечно, могу говорить. Да, у нас все хорошо, Аля сегодня сама ходила в магазин, — подмигнула мне. — Да, все правильно, — улыбнулась еще шире. — Как у Вас дела? — Вдруг резко стала серьезной: — Мы же договорились с Вами, — ответила с укором в голосе. Потом посмотрела на меня:

— Я сейчас, — и вышла из комнаты. Мама никогда не скрывала от меня, о чем говорит с Николаем Николаевичем, часто мы общались по громкой связи, обсуждая детали моего лечения, успехи и временные неудачи. Что-то пошло не так? Да нет, я чувствую себя прекрасно, с каждым днем все лучше. Выздоровление происходит именно так, как предсказывал Баль. Прогресс очевиден. Значит, моя операция тут ни при чем. И кроме плохих новостей о здоровье дочери, лишь одна тема могла испортить маме настроение при разговоре с Николаем Николаевичем. Они обсуждали Олега. Почему Николай не позвонил мне? Какую информацию мать хотела скрыть от меня? Нехорошие предчувствия ускорили биение сердца. Убавив звук телевизора, я, хватаясь за мебель и стены, на цыпочках подошла к двери и замерла, прислушиваясь.

— Мне очень жаль Вашего сына и еще больше Вас, но поймите, подобные новости не пойдут на пользу Але, — медленно произнесла мама, понизив голос. — Понимаю, что Вы в отчаянии, но я думаю, что в ближайшее время Але не следует знать про... случившееся. Пожалуйста, не настаивайте.

Очередной удар в груди отозвался болью. Последнее, что я слышала об Олеге, заключалась о том, что его выписали из больницы, и он отдыхает в доме родителей, приходя в себя после интенсивного лечения, которое должно было «выбить» из его больной головы мысли о суициде.

Но, судя по маминым репликам, что-то пошло не так.

— Нет, это Вы меня простите, — между тем продолжала говорить она. — До свидания.

— Что случилось? — распахнула я дверь и увидела, как мама прижимает телефон к груди. Выглядела она испуганно, будто узнала что-то страшное.

— Ничего, — нервно всплеснула руками и быстро проследовала на кухню. Я, схватив трость, не отставала. Несколько минут молча наблюдала, как она вдруг стала оттирать металлической губкой до блеска вычищенную кастрюлю.

— Мама, что случилось с Олегом? Почему Николай Николаевич не позвонил мне?

— Что с ним может еще случиться? — встрепелась она. — Лечит голову.

— Мама, если я позвоню сама, то Николай и Инна скажут, что с ним все хорошо, как делают это последние месяцы, да? Отшутятся. Что вы от меня скрываете?

— Мы же договорились, что пока ты не поправишься, не будешь спрашивать о нем.

— Не было такого. Это ты поставила условие. И, как я вижу, подговорила наших общих знакомых, которые в последнее время все как один «ничего о нем не знают», — устав стоять, присела я за кухонный стол.

— Он сумасшедший. Больше о нем нечего знать, — довольно резко возразила мама.

— Это мы еще посмотрим.

Опираясь о стены и трость, я, борясь с усталостью, довольно резво проковыляла к себе в комнату, которую перенесли на первый этаж, чтобы мне было удобнее. Вызвала такси на ближайшее время и принялась собираться. Еще до аварии мы сильно сблизились с Инной Викторовной, что, если вдуматься, вовсе не удивительно, ведь у нас была общая цель — помочь важнейшему мужчине в наших жизнях, приходящемуся ей сыном, а мне — гражданским мужем. После аварии созванивались не реже двух раз в неделю, обсуждая мое лечение и возвращение в город. Я не подвергала слова свекрови сомнениям, принимала за правду всю полученную от нее информацию о физическом и психическом здоровье Олега. Сегодня утром довольно бодрым голосом Инна Викторовна заверила, что состояние ее сына не меняется. Я подозревала, что ему плохо и одиноко, но так же понимала, что помимо поддержки родных Олег нуждается в квалифицированной помощи профессионалов, отвергая которую чуть не разрушил себя, меня. Нашу семью. Я ждала, когда смогу приехать и обнять его, хотя бы позвонить и пожаловаться, как мне больно и трудно лечиться. А еще рассказать, что прикосновения его ледяных рук мне снятся по ночам, вместе с его запахом, напоминающим высушенную на солнце траву, одновременно душистую и свежую. Аромат его кожи давно ассоциируется у меня с домом, надежностью и безопасностью.

— Аля, ему сейчас не до тебя! — зашла ко мне мама.

— Разберемся.

— Доченька, ну зачем ты это делаешь? Пойми, никто не ждет от тебя милосердия по отношению к нему. Все наши родственники и друзья рады, что вы расстались.

— Мы не расстались. Я не искала встреч только потому, что родители Олега сказали, что он

пока меня не узнает. Он тяжело перенес угрозу моей жизни, но я никогда не говорила, что отказываюсь от него. А после того, что узнала недавно... тем более. Его никогда никто не поймет так, как я.

— Аля, что скажут люди?!

— Мне плевать на людей. И на тетю Любу, и на дядю Сережу. Плевать, что Ирка в прошлом месяце удачно вышла замуж, и Ленка собирается в следующем. Ты ведь не просто так постоянно рассказываешь о чередке непрерывных свадеб? Пойми, я его никогда не оставлю, мама.

За окном посигналила машина, вероятно, такси. Наличных у меня, правда, не было, я надеялась, что родители Олега расплатятся. В крайнем случае, сделаем крюк до банкомата. Глубоко вдохнув и выдохнув, я, наконец, прочувствовала разрывающие сердце, переполняющие меня чувства и эмоции, смешавшиеся воедино, превратившись в жгучее нетерпение, от которого задрожали руки. Время нашей встречи пришло. И неважно готовы мы к ней или нет. Олег всегда говорил, что я должна жить так, как хочу, и с ним поступать в соответствии со своими желаниями. Так я и собиралась сделать.

— Тебе мало, что он тебя едва не сделал инвалидом? — крикнула мне в след мама.

— Не обижайся на меня, но так будет правильно.

— Аля, он сумасшедший. Он загонит тебя в могилу.

— Судьба такая, — улыбнулась я и вышла из дома, прикрывая за собой входную дверь. Водитель оказался предупредительным молодым мужчиной, как только я ступила на улицу, выскочил из машины и помог мне дойти до пассажирского сидения, а потом удобно устроиться, — я все еще передвигалась очень медленно, да и не привыкла к трости.

Преодолев половину расстояния до города, набрала номер свекрови. Трубку взяли не сразу, мне даже пришлось повторить вызов.

— Привет, Алечка, — голос прозвучал устало. — Как ты?

— Инна Викторовна, добрый день. Спасибо, стараниями Николая Николаевича мне с каждым днем все лучше. Вы дома сейчас?

— Да, дома.

— Через полтора часа я буду у вас. Заплатите за такси?

— У нас? — заволновалась она. — Как же так... Тебе не следовало пока предпринимать столь дальние поездки.

— Но дело уже сделано. До родителей мне ехать дальше, чем до вас. Ждите.

Я умышленно не стала задавать интересующий меня вопрос по телефону. Но как только оказалась в доме Балей, выпалила его на одном дыхании:

— Олег жив?

— Жив, — кивнула Инна Викторовна. Выглядела она неважно, что можно было отнести на счет отсутствия макияжа, если бы сам факт отказа от косметики на лице всегда ухоженной

свекрови не настораживал столь сильно. Темные круги под глазами говорили о бессонных ночах, а в глазах таилось столько безнадежности, что захотелось взять ее за плечи и хорошенько встряхнуть. Разумеется, я могла себе позволить только обнять за пару месяцев постаревшую на десяток лет женщину.

— Мы считали, что ему действительно стало лучше, забрали домой, Игорь уменьшил дозировку лекарств, — судя по интонациям, Инна Викторовна старалась оправдаться. — Казалось, Олег становится самим собой. Стал соглашаться, что не убивал тебя...

— Подождите. Олег считал, что убил меня? — довольно грубо перебила я.

— Да, — Инна Викторовна прошлась по гостиной, провела рукой по кожаному дивану, словно стирая воображаемую пыль, — эта мысль оказалась пиком его безумия. Он до мозга костей пропитан уверенностью, что тебя больше нет, и что именно он причина твоей смерти.

— Но ведь я жива! Почему мне раньше не сказали? Я бы могла приехать еще месяц назад. Черт с ним, с креслом-каталкой, придумали бы, как перевезти меня, — всплеснула руками. Так вот, почему Олегу не становится лучше. Он убежден, что поступил со мной, как с Алиной, не может пережить, что меня больше нет.

— Игорь не знает, как Олег отреагирует на твое появление. Мы хотели, чтобы он вспомнил то, что случилось на самом деле, чтобы он сам дошел до понимания того, что не убивал тебя. Только после этого планировали организовать вашу встречу.

— Игорь считает, что Олегу станет совсем плохо, если он меня увидит? Олег может подумать, что перед ним труп или призрак? Как в фильме ужасов?

— Не знаю, — она, наконец, закончила «чистить» диван и присела на него, оказавшись тем самым ниже меня. — Аля, ты садись, что ты стоишь с тростью, тебе же тяжело, наверное.

И правда я уже начинала чувствовать «нытье» поясницы. Дошла до дивана и опустилась на подушки рядом с собеседницей.

— Если Вы считаете, что нам не стоит пока видеться, зачем тогда Николай Николаевич звонил маме сегодня?

Инна Викторовна тяжело вздохнула, потерла покрасневшие глаза.

— Вчера вечером мы еле успели снять его с крыши. Он на протяжении последних пары недель обманывал нас, имитируя выздоровление. Я всегда говорила, что Олег очень умный мальчик. Он быстро понял, как ему стоит себя вести, чтобы в нашем понимании соответствовать «здоровому» человеку. Его игра была безупречной, он обманул всех. А сам тем временем стремился найти способ покончить с собой. Аля, Игорь снова помещает его в больницу, говорит, что теперь надолго. Игорь не верит, что Олегу когда-нибудь станет лучше, единственная возможность продлить ему жизнь — непрерывно следить за ним и контролировать каждый шаг. Дома подобный уход обеспечить невозможно.

— Но ведь Вы сами сказали, что никто не знает, как Олег отреагирует на мое появление. Возможно, ему станет лучше. Если ваш план провалился, давайте последуем запасному. Отвезите меня к нему, пока Олега снова не превратили в безвольный овощ, и он еще способен думать.

Убедить Николая Николаевича в целесообразности нашей встречи с Олегом оказалось еще

проще, чем Инну Викторовну. Чувствовалось, что они невероятно устали за последнее время, сказывался возраст. Втроем мы половину ночи потратили на обсуждение предстоящей встречи, строили догадки, надеялись на лучшее, проще говоря, мечтали. Хотелось действовать. Ни у кого из нас не осталось сил ждать очередного проявления феноменального ума Олега в плане нахождения способа сбежать из больницы и отправиться искать меня на том свете.

Встречу назначили на следующий день. Я категорически отказалась слушать советы Игоря, решив, что лучше буду прислушиваться к себе, к своему внутреннему голосу и интуиции. Целью было вытащить мужа из выдуманного им мира, в котором вместо меня властвовало чувство вины, толкающее его к безрассудству.

* * *

Тяжелые двери клиники для нас распахнулись ранним утром. Не удивительно, что ни мне, ни родителям Олега этой ночью поспать не удалось. Когда в шесть утра я вышла из выделенной мне для ночлега комнаты, выяснилось, что Инна Викторовна уже печет блинчики. «Мне нужно было чем-то заняться», — смутившись, начала она оправдывать свое занятие.

Как выяснилось, двух визитов в психиатрическую больницу вполне хватает для того, чтобы почувствовать здесь себя, образно выражаясь, как дома. Не оставляла мысль, что я прекрасно знаю это место, часто здесь бывала раньше. Радости, разумеется, не ощутила. Скорее уныние и апатию, нехватку воздуха. Атмосфера угнетала, что-то незримое давило сверху на голову и плечи. Психиатрическая больница похожа на источник безысходности, однажды придя сюда с проблемой, ты навсегда привязываешься к этому месту, и уже под ярлыком «сумасшедший» весь остаток жизни вынужден возвращаться снова и снова. Отсюда не выходят здоровыми, лишь в состоянии ремиссии. По крайней мере, пациенты, подобные Олегу. Нет, я не ненавидела эту клинику, понимая, что очень часто буду бывать в подобных заведениях с Олегом. Иначе не получится. Да и не нужно иначе.

Тем не менее, хотелось ссутулиться, склонить голову и сжаться в комок. Шагая по длинному коридору первого этажа, я думала о том, что, возможно, больница такого плана и должна походить на тюрьму. Не будь здесь решеток, пациенты пробовали бы сбежать через окна. Олег первым бы побежал.

В кабинете Игоря за чашкой кофе пришлось переждать, пока Олег позавтракает, и его выведут подышать свежим воздухом. Никто из нас понятия не имел, как он отреагирует на мое появление. Игорь не мог дать ни единой гарантии, скажу даже больше, он опасался, что Олег, не соображая, что делает, может наброситься на меня. Несмотря на страх перед своим мужчиной, делаящим мысли с захватившими его голову демонами, я отказалась от провожатых, посчитав, что если Олег увидит меня в окружении родителей или медперсонала, которым не доверяет, посчитает, что я — это не я, а какая-нибудь переодетая женщина. Тогда все старания окажутся напрасными.

Медсестра, снабдив Олега сигаретами, отошла на некоторое расстояние, чтобы не мешать нам. Вокруг в радиусе ста метров не было ни единого человека. Глубоко вдыхая прохладный воздух, я медленно шла по направлению к своему бедному, лишенному надежды мужу, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть. Дорожки на территории больницы оказались неплохо асфальтированы и расчищены от грязного снега, что крайне облегчало мои передвижения. Родители Олега и Игорь наблюдали за нами из окна на втором этаже, санитары дежурили у выхода из здания, как говорится, на низком старте, готовые в любой момент сорваться с места и спасти меня от Олега в приступе безумия.

Он на меня не смотрел. Был погружен в себя, изредка шевеля губами, как будто с кем-то общаясь. Курил крепко затягиваясь, часто поднося сигарету к губам, выпуская черный густой дым из легких. «Когда выберемся отсюда, нужно будет заставить его бросить курить», — решила я, улыбнувшись себе. Мысли о будущем подбодрили. Посчитав их хорошим знаком, я сосредоточилась и подошла совсем близко.

Боже, я могла коснуться его при желании. Олег же не проявил ни малейшего интереса к тому, что зону его комфорта нарушил посторонний человек, наоборот, опустил ресницы, показывая, как сильно ему безразлично происходящее вокруг. Некоторое время я, прислушиваясь к ощущениям, рассматривала его ссутуленные плечи, покрасневшие от холода щеки и длинные пальцы с грязными, поломанными ногтями, крепко держащие сигарету. Обут Олег был в летние тряпочные кеды на тонкой подошве, причем не зашнурованные. Поджимал промокшие и, вероятно, замерзшие ноги. Его голову согревала натянутая на лоб черная вязаная шапка, из-под которой торчали безобразно отросшие за эти месяцы светлые волосы. Выглядел он не свежим, даже замызганным. Расстегнутая наполовину куртка и пижамные штаны завершали образ просящего милостыню, опустившегося на самое дно социальной ямы бездомного. Щетина торчала пучками, а на шее выступила аллергия, возможно, от лекарств. Хотя Олег и был уверен, что меня больше нет на земле, из нас двоих скорее он походил на поднятый из могилы труп, чем я. Тем не менее, уйти мне не хотелось. Скорее забрать его отсюда, хорошенько отмыть и накормить.

Очевидно, что он не способен пережить мою смерть. Захотелось погладить его, рука дернулась, но я поборолла порыв, решив, что в данный момент это лишнее.

Подавившись дымом, Олег кашлял несколько секунд, затем, сплюнув на землю, вновь погрузился в себя.

— Привет, — тихо говорю ему, — я хотела попросить у тебя сигарету, — и широко улыбаюсь, не в силах сдержать слезы, вспоминая наше знакомство. Тогда, на балконе Катиной квартиры, Олег казался мне странным, пугающим и непонятым. Но невероятно притягательным и сексуальным. С тех прошло около трех лет, навсегда изменивших мое отношение к себе, к своей жизни и к нему. Сердце сжимали тиски любви и нежности. Мой хороший, белеющий, раздавленный жизнью и обстоятельствами. Возомнивший себя способным вершить судьбы, но сломавшийся под гнетом принятых решений.

Он вздрогнул, выронив сигарету в снег, поднял ошарашенный взгляд. Несколько раз моргнул, рассматривая меня снизу вверх и широко улыбнулся. В его глазах было столько радости и обожания, что мое сердце пропустило удар, а затем разогналось так, словно я бегу марафон. Руки снова потянулись к Олегу, если бы он позвал, я бы упала в его объятия, разрыдавшись. Но он лишь продолжал смотреть и улыбаться.

— Ты же не куришь, — прошептал и подвинулся, предлагая мне присесть на нагретое им место. Я тут же приняла приглашение.

Олег жадно рассматривал мое лицо, не делая ни единой попытки дотронуться. Склонил голову влево, потом вправо. Он любовался и восторгался так, словно перед ним была неведомая диковинка. Даже дыхание задержал, — я определила по отсутствию пара изо рта, — в благоговении сжал ладони. Кажется, он думал, что перед ним ангел.

— Прости меня, Алечка, — сказал он, поджимая губы. Озаренное радостью лицо погрузилось, счастье ушло, уступая место тяжелым мыслям.

— Милый..., - я дотронулась до его щеки, и он потерся о мою ладонь, прикрывая глаза от удовольствия.

— Может, хотя бы сегодня ты меня поцелуешь? — прошептал.

— Конечно, — я приблизилась и коснулась его губ своими. Сначала осторожно, затем увереннее, в следующую секунду он приоткрыл рот, и я поцеловала сначала его верхнюю губу, затем нижнюю, не обращая внимания на отчетливый тошнотворный привкус никотина. Так надо было сделать, я чувствовала.

Мы целовались несколько минут. Вовсе не так, как целуются истосковавшиеся друг по другу любовники, скорее, как необходимые друг другу люди. Он ласкал мои губы трепетно и нежно, прикосновения его пальцев к моим шее и голове были невесомыми, словно Олег боялся, что действуя он хотя бы каплю настойчивее, я исчезну. Олег будто не верил, что сможет дотронуться до меня по-настоящему, словно я была прозрачная. Но я-то знала, что мы оба живы. Я вцепилась в его плечи, не позволяя отстраниться, затем просунула руку за шиворот, поглаживая его шею и лопатки. Доказывая, что я теплая и самая что ни на есть реальная. Спустя несколько минут он сам начал понимать это. Отстранился от меня и взглянул совсем иначе, как за минуту до поцелуя. Прищурился, анализируя происходящее. Мысленный процесс давался ему с трудом, лоб и переносица покрылись морщинами.

— Олег, это я, Аля, — попыталась помочь ему.

Он отрицательно покачал головой.

— Нет, не может быть. Я тебя убил.

— Нет. Ты бы никогда не причинил мне вред. Милый, ты все перепутал. Ты освободил Алину, а меня не нужно было освобождать. Твой папа помог мне.

— Алину? — пораженно переспросил он. — Но как? Я же помню, я же видел как ты... а я...

— Олег, но я жива.

Он смотрел на меня вытаращенными, испуганными глазами, а рот безмолвно открывался и закрывался. Снял шапку и взъерошил волосы, больно потянув за кончики. Выражение серых глаз отражало внутреннюю борьбу. Я видела то безумный блеск, словно там, за радужками плясали тени невидимых существ — как он сам всегда говорил, «его бесов», то осмысленный и серьезный взгляд, который я так хорошо знала.

— Но тогда... — промямлил он, хватая меня за руку, — все, что я думал, все мои мысли и воспоминания... они не мои. Аля, ты жива! — воскликнул он, словно сообщая мне эту новость. Я быстро кивала и улыбалась, следя за эмоциями, отражающимися на любимом лице. Радость, понимание, шок, недоверие, гнев.

— Милый, ты болен, — мягко сказала я, — тебе нужна помощь.

— Мне нужна ты, — взмолился он. Бездонные глаза наполнились слезами, он уткнулся мне в колени, прося ласки, и я положила обе руки ему на голову, принялась гладить и зачем-то дуть, словно минус пятнадцати по Цельсию не хватало, чтобы остудиться. Просто так надо было, я чувствовала.

— Аля, у меня болит голова. Так сильно болит. Все перемешалось. Мне очень больно.

— Потерпи, — прошептала я, продолжая гладить и одновременно кивая санитарам, что пора. Как только к нам приблизился персонал больницы, Олег вскочил на ноги, начал возмущаться и сопротивляться. Он боялся расставаться со мной, ему требовалось мое присутствие, как физическое доказательство того, что беда, которая убивала его последние недели, ненастоящая. И я была рядом все то время, что потребовалось. Держала его за руку, шептала бессмысленный слова, а он жаловался на нетерпимую головную боль, отказываясь от обезболивающего.

Ему на самом деле было больно. Лицо и тело горели, температура поднялась на два градуса. Моральная, психологическая боль каким-то образом переросла в физическую.

— Не нужно лекарств, я хочу мыслить ясно, — просил он, и Игорь шел на уступки. Олегу понадобилось двое суток, чтобы понять и убедиться, что мы снова вместе. Он хватался за меня, до боли сжимая ладони, смотрел мне в глаза и по тысяче раз просил повторять, что я живая. Не знаю, как описать его состояние. Это была борьба реальности с безумными идеями, порожденными болезнью. Мы оба балансировали над ямой, обителью его демонов, не желающих, чтобы он снова поверил в возможность счастья.

Но я была жива. И все порожденные недугом аргументы разбивались об этот факт вдребезги. Я поддерживала практически непрерывный телесный контакт — то гладила его, то держала за руку, или просто обнимала, и он вновь смог выбраться, потому что очень этого хотел. Каждой клеточкой я чувствовала, что он смотрел на меня и видел перед собой новый смысл жизни. Более значимый, чем профессия. А я в тридцать три года, наконец, начала жить так, как хотела. Сделала выбор, и с тех пор ни разу о нем не пожалела...

Быструю пронзительную речь взволнованной девушки перебил скрип открывшейся двери.

— А вот и кофе, — кивнул робко заглянувшей в кабинет секретарше крупный мужчина в возрасте, восседающий в огромном, на вид невероятно удобном кресле. Его щеки слегка порозовели, выдавая кипящие внутри эмоции, но голос оставался ровным и спокойным. Мужчина запрокинул голову и взглянул в потолок, тяжело вздохнув. — Верочка, поставь на стол поднос. Спасибо, — сказал он ладной юной девушке в эффектном брючном костюме, подчеркивающим хрупкость и привлекательность. Верочка неловко улыбнулась, виновато взглянув на сидящую напротив ее шефа пару — нервно заламывающую пальцы пациентку, и крепко обнимающего ее симпатичного мужчину, который, укачивая, шептал ей на ухо, вероятно, ласковые слова.

В просторном кабинете профессора Соболева Михаила Ивановича всегда пахло терпким, свежесваренным кофе и горьким, настоящим шоколадом. На его резном, блестящем чистотой и богатством столе, помимо бумаг и книг, стоял поднос с двумя чашечками ароматного напитка. Третью Михаил Иванович только что пригубил и, на мгновение прикрыв глаза, отдавая дань хорошему кофе и умению своей секретарши его варить, вернулся к беседе.

— Вижу, что мы вплотную подошли к встрече со мной, не так ли?

Двое молодых людей, утопающих в куче подушек, разбросанных по дутому угловому дивану, одновременно кивнули. Было заметно, что это далеко не первый их визит к врачу, по крайней мере, чувствовали они себя комфортно и расслаблено. Одетый в белый свитер и черные джинсы светловолосый мужчина так и вовсе полулежал на мягкой спинке дивана, вольготно вытянув ноги и закинув их на стоявший поблизости пуфик. Одной рукой он продолжал прижимать к груди выбившуюся из сил тяжелыми воспоминаниями девушку, другой поглаживал ее по спине.

— Ну, все, родная, ты молодец, — поцеловал в макушку. — Все прошло, самое сложное сделано, ты идеально передала события. Умница моя, — убаюкивал он ее, хмурясь.

— Впереди у нас пробуждение, как я понимаю? — уточнил Михаил Иванович, поправляя очки и делая пометки в толстом журнале. — Кто расскажет, что было дальше. Аля? Олег?

— Пожалуй, теперь моя очередь, — Олег прочистил горло, нежно погладил Алю по плечу. Опустил взгляд на узорчатый ковер под ногами, как делал это всегда, когда углублялся в воспоминания. В течение пары минут обдумывал, что собирается передать.

— Рассказывайте именно так, как все случилось. Будто это происходит прямо сейчас, — подсказал врач. Его приятный низкий голос звучал дружелюбно и, что самое главное, выдавал не безразличие профессора к судьбе пациентов. Вместе с сидящими сейчас перед ним людьми он день за днем, месяц за месяцем вновь проходил через случившиеся с ними радости и ужасы, которые иногда не укладывались в голове профессора, хотя подобных историй он знал немало. Но, несмотря на обширный опыт практики, каждую проблему принимал близко к сердцу, пропускал через себя. Вероятно, именно поэтому Михаил Иванович считался одним из лучших врачей частной практики, и записываться к нему нужно было за полгода, несмотря на дорогостоящий прием.

— Первое, что я ощутил, проснувшись, была изумительная тишина, убаюкивающая мой рассудок, — проговорил Олег. Теперь уже Аля держала его за руку, морально поддерживая. — Не открывая глаз, я задержал дыхание, чтобы исключить малейшие звуки, и вслушался в себя — тихо. Нет, не одиноко, просто тихо. Я понимал, что у меня получается думать, то есть я не отравлен лекарствами, но, вместе с тем, я не слышал голосов. Они не повторяли мои мысли, не смелись надо мной, не будили — как это обычно бывало раньше. Невероятно приятным оказалось вновь услышать тишину, как бы странно не звучало это словосочетание.

«Олег, ты проснулся? — услышал я нерешительный шепот, одновременно понимая, что чудесное оживление Али не очередная игра моего несчастного разума. — Я вижу, что ты улыбаешься».

«Я чувствую, что ты тоже улыбаешься», — ответил ей, не открывая глаз.

«Ты прав. Я ждала, пока ты проснешься», — она взяла в руки мою ладонь, в этот момент я открыл глаза, и увидел перед собой ее. Счастливую, сияющую здоровьем. Самую настоящую. Немного лохматую и уставшую, но по-прежнему неотразимую.

«Скучала по мне?» — не нашел ничего лучше спросить.

«Очень. Хочу забрать тебя отсюда».

«Куда?»

«Домой. Не думаю, что Игорю стоит лечить тебя, хоть он и не самый плохой врач на свете».

«Он ужасный врач, — мне вдруг стало смешно, — проморгал мое ухудшение, не сообразил, что я бросил лечение». Мы посмеялись вместе, хотя было не над чем.

«Ты меня простила?»

«Поняла», — ответила она, кивая.

«Когда мы уедем?»

«Как только ты захочешь. Твой папа сказал, что для того, чтобы полностью поправиться, мне необходим умелый массажист. Признаюсь, я уже замучилась ждать, пока ты возьмешь себя в руки и начнешь, наконец, заботиться обо мне»

«Пациенты психбольниц — не те люди, среди которых следует подыскивать врача», — ответил я ей. В тот день мы много глупо смеялись, изредка касаясь друг друга. Помню, я сказал ей, что мой отец лучший хирург, на что Аля ответила, что я мог бы стать ничуть не хуже, если бы пошел по его стопам.

— А что думаешь об этом ты? — спросил Михаил Иванович.

— Думаю, что мог бы, — ответил Олег, улыбнувшись, — но этого мы уже никогда не узнаем. И я ни о чем не жалею.

— Что случилось потом?

— Мы не чувствовали желания бросаться друг к другу в объятия или, тем более, заниматься сексом в то время, — сказала Аля. — Нам было сложно. Олег избавился от бесов, но это оказалось, помимо окончания проблем, — началом новой трудной жизни. Мы должны были перечеркнуть прошлое, узнать друг друга заново, с учетом раскрытой тайны.

— Олег, хотите подвести итог?

— Да, хочу, — он был абсолютно серьезен. — Болезнь сильно изменила меня. Аля не знает, каким я был до шизофрении, возможно, это к счастью. Сейчас, с высоты своих знаний и опыта, могу сказать, что в то время, когда мы с Алей познакомились, я мыслил совсем иначе, чем до болезни. Больше я не считал окружающих неудачниками, я... как бы это сказать... признавал их право на существование рядом с собой, хотя раньше меня не раздражали только пациенты, то есть люди, добровольно признающие, что зависят от меня, что меня нужно слушаться. Болезнь научила меня терпению, указала на место, находящееся позади всех. Я смирился с тем, что пугаю людей, что выгляжу чокнутым и смешным, а так же с презрением и высокомерием. Вы не представляете, как тяжело приходилось моему эго, но я делал успехи. Старался облегчить окружающим их участь находиться рядом — одни Эмиль с Эм чего стоили, — смущенно рассмеялся. — Семимильными шагами я двигался навстречу миру и, должен признаться, был к нему ближе как никогда ранее, в том числе до диагноза. Я считал, что пережитые мной ужасы в кинике, отвращение знающих о моем недуге людей — это кара, которую я должен принять, чтобы изменить свою жизнь в лучшую сторону.

Затем мои старания получили вознаграждение, рядом со мной появилась Аля, и меня снова понесло. Кто может позаботиться о ней? Только я. Кто сможет сделать ее счастливой? Опять же я. Кто имеет на нее права? Я, я и снова я. В последние месяцы нашей семейной жизни мне хотелось поставить ей клеймо на лоб, означающее, что эта женщина принадлежит мне, потому что, как я говорил ранее, «только я знаю, как сделать ее счастливой». Чертов эгоцентризм возродился и приобрел небывалые масштабы, вытесняя любовь и нежность, которые привлекли во мне Алю в начале наших отношений.

— Что же происходит сейчас? — спросил Михаил Иванович, понимая, что Олег закончил говорить.

— Сейчас я признаю, что мой рассудок может подвести меня. Аля следит за мной, мы договорились, что при любом ухудшении, сразу будем обращаться к Вам.

— С тех пор, как Олег вышел из больницы, он не слышит голосов.

— Сколько прошло времени?

— Около года. Практически сразу мы начали ходить к Вам.

— Расскажите, как вы живете сейчас. Аля?

— Очень хорошо, — честно призналась она, искренне улыбаясь. — Мы купили жилье недалеко от Вашей клиники, и моей новой работы.

— Кем ты работаешь?

— Начальником отдела в банке. Олег занимается недвижимостью. Сдаёт квартиры в аренду, причем, не только наши. К нему обращаются многие люди, и мы имеем недурной процент с каждой сделки. Он зарабатывает намного больше меня, — пожурила она его по голове, смеясь.

— Нравится тебе мной хвастаться, — ухмыльнулся Олег, пощекотав Алю, а затем снова прижал к себе, по-хозяйски поцеловав в щеку. Еле слышно прошептал ей на ухо «люблю тебя», и тут же получил ответ «а я тебя».

— Думаю, на этом можно поставить точку с запятой, — задумчиво произнес врач. — За последний год мы с вами проделали огромную работу. Вы подробно рассказали о каждом инциденте в ваших жизнях, который имеет значение. Благодаря моей методике полного погружения, вы, считайте, заново пережили взлеты и падения, радости и несчастья. Хочу отметить, что вы оба выбрали именно вечер встречи, как начальную точку повествования. Тот день поменял ваши жизни. И, несмотря на всю боль, что вы причинили друг другу, никто из вас ни разу не упомянул, что жалеет о знакомстве.

И Олег, и Аля отрицательно покачали головами, плотнее прижавшись друг к другу.

— Я считаю, что нам стоит продолжать видеться пару раз в месяц, чтобы я смог отслеживать малейшие изменения в поведении. Наши беседы не стоит прекращать, ведь каждый новый день принесет события, которыми захочется поделиться. В вашем случае спокойствие и уверенность в завтрашнем дне возможны только в случае безграничного доверия друг другу и полной предсказуемости поступков. Вплоть до подарков на День Рождения. Никаких сюрпризов и тайн.

Олег кивнул.

— Нам очень повезло найти Вас в этом безумном городе.

— Признаюсь, мне льстит твое доверие, Олег. Что ж, мы с вами не дети, в сказки давно не верим. Шизофрению вылечить невозможно. И никто из пациентов не застрахован от рецидива. Может, он случится через год, может, через сорок лет, может, на следующей неделе. Понимаете? — дождавшись кивка, Михаил Иванович продолжил: — Но рецидив можно предугадать, если прислушиваться к симптомам. В вашем случае это может быть неконтролируемая ревность и подозрительность. Олег, тебе не стоит пускать на самотек появление даже тихого и редкого эхо в голове.

Олег снова кивнул, безоговорочно соглашаясь. Аля никогда не видела, чтобы Олег настолько доверял кому-либо, помимо нее. Его безграничное уважение к Михаилу Ивановичу можно было сравнить только с восхищением перед отцом, с которым за последнее время у Олега

улучшились отношения. Опять же благодаря терапии доктора.

— Продолжайте жить, надеясь на лучшее, не ожидая новых приступов, но и не пренебрегая осторожностью. По сути, так живут абсолютно все люди на планете. Никто не знает, что ждет его завтра. Ни один человек не застрахован от несчастного случая. Поэтому, вовсе неважно, есть у тебя, — обратился к Олегу, — диагноз или нет, если она, — указал на Алю, — любит тебя таким, какой ты есть на самом деле.

— Особенно зная, какой ты на самом деле, — Аля едва коснулась виска Олега губами.

Так и не попробовав кофе, Олег с Алей попрощались с врачом, поблагодарили за помощь, за его внимание и поддержку, и, обнявшись, направились к выходу. Они нашли Михаила Ивановича случайно, Олег слышал о нем, будучи студентом, и очень удивился, встретив у кабинета Игоря в день выписки. Тогда же назначили дату и время приема.

Первые месяцы совместной жизни дались и Але, и Олегу непросто. Их разделяло многое. Они не знали, как вести себя по отношению друг к другу. Как ни в чем не бывало не получалось, да и неправильно это было, делать вид, что случившееся не имеет значения, вернуться к прежним отношениям. Не желая торопить события, они даже спали в разных комнатах. Но затем, постепенно, начали привыкать. После каждого визита к врачу Аля и Олег чувствовали, что становились ближе друг к другу, размеренно строя новую семью на руинах предыдущей. Теперь все было иначе, что вовсе не означало хуже. Михаил Иванович проник в их души, заставляя озвучивать сложные, личные моменты, требовал абсолютной честности. Иногда Аля плакала, Олег периодически наливал себе воды из графина, расплескивая ее из-за дрожи рук, а потом жадно пил, обливаясь, пытаясь подавить бурю чувств и эмоций.

Спустя первый десяток занятий, Олег пришел к Але в спальню со своей подушкой, и она разрешила ему остаться. Еще через четырнадцать, они начали тратить ночное время не только на сон. А недавно, буквально позапрошлой ночью, сразу после занятий любовью, Аля призналась, что никогда не чувствовала себя столь счастливой и уверенной в будущем, как в эту минуту, чего вполне хватило, чтобы Олег осознал себя центром вселенной, только не с большой буквы «В», а заключающейся в его Але. В эту же минуту он понял, что о большем и мечтать не следует. Олегу Балю, бывшему фанатику профессии, отличнику и лучшему студенту Вуза, вполне хватало быть самым важным для одной единственной женщины, а не в масштабах страны или города.

Михаил Иванович после первого часа общения понял, что тревожит его новых пациентов. Как ни странно, но болезнь Олега никогда не отталкивала Алю, ее страшила неизвестность, с которой приходилось сталкиваться — тайны, секреты, запретные темы, на которые было неприято говорить. Теперь таковых не осталось. Аля научилась любить Олега, невзирая на его прошлое, а Олег смог простить себе смерть первой жены и потерю профессии, признал болезнь и свое новое положение в обществе. Признал и принял, почувствовав себя не изгоем, а нужным. А, ощущая себя именно таким, можно бороться с любой проблемой, даже если она живет в твоей голове.

Интуиция, основанная на многолетнем опыте, подсказывала, что такой внимательный и умный человек, как Олег, не допустит новых ошибок, а это значит, что ремиссия может длиться сколько угодно долго. Врач поставил плюстик в толстом журнале, закрыл его и, выключив свет, направился домой. Он знал, что весь вечер будет думать о приходившей сегодня к нему в клинику паре. Но эти мысли доставляли Михаилу Ивановичу лишь удовольствие. Далеко не каждому мужчине, тем более со сложным психическим заболеванием, встретится на пути преданная и верная жена, способная понять и принять любой поступок. Пожалуй, Аля — это

лучшее, что могло случиться с Олегом, в том числе, если бы он никогда не заболел. Возможно, ему стоит благодарить судьбу за выпавшую на его долю проблему.

«Да, возможно», — кивнул себе врач, затем замер, встряхнул головой, прогоняя посетившие его странные идеи, остро противоречащие внутренним убеждением, что болезнь не может быть во благо, и зашел в свою квартиру, где его ждали жена и вкусный ужин.

mir-knigi.org